

А. К. Матвеев

**Субстратная
топонимия
Русского Севера**

III

**Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2007**

ББК Ш14.1.12–314
УДК 808.2
М 333

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. III. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. – 296 с. 8 карт.

ISBN 978-5-7525-1792-3

Книга посвящена одной из самых сложных проблем отечественной топонимастики – происхождению субстратных географических названий Русского Севера, дискуссия о которых продолжается уже почти два столетия.

В третьей части монографии (СТРС III) публикуются результаты сопоставительного, этимологического и лингвоэтнического анализа гидронимов с формантами $V_2(a)$ и $V_n(b)za$.

ББК Ш14.1.12-314

ISBN 978-5-7525-1792-3

© А.К. Матвеев, 2007
© Издательство Уральского
университета, 2007

Содержание

1. Предварительные замечания	5
2. Еще раз о форманте $V_n(b)ga$	8
3. Сопоставительный анализ	27
3.1. Предварительные замечания	27
3.2. Коррелятивные и дифференцирующие названия	28
3.2.1. Корреляция $V_2a \sim V_2 \sim V_n(b)ga$	30
3.2.2. Корреляция $V_2a \sim V_2$	30
3.2.3. Корреляция $V_2a \sim V_n(b)ga$	31
3.2.4. Корреляция $V_2 \sim V_n(b)ga$	32
3.2.5. Дифференцирующие гидронимы	32
3.2.6. Краткие выводы	33
3.3. Фонетические регулярности	34
3.4. Ареальные отношения	40
3.5. Некоторые результаты сопоставительного анализа	43
4. Этимологический анализ	52
4.1. Предварительные замечания	52
4.2. Этимологии	55
5. Лингвоэтнический анализ	169
5.1. Опыт лингвоэтнической идентификации	
гидронимов с формантами $V_2(a)$ и $V_n(b)ga$	169
5.1.1. Гидронимия с формантом V_2	172

5.1.2. Гидронимия с формантом <i>Vga</i>	180
5.1.3. Гидронимия с формантом <i>Vn(ь)ga</i>	192
5.2. Севернофинские языки и саамская проблема	198
5.3. К проблеме классификации языков субстратной топонимии Русского Севера	215
6. Заключение	236
Библиография	247
Сокращения	259
Карты	267
Указатель топонимов	276

1. Предварительные замечания

Субстратная гидронимия Русского Севера (РС) особенно трудна для интерпретации. Она разновременна и пестра. Однако по формальным признакам во всем множестве субстратных гидронимов РС прежде всего выделяются названия с формантами *Vz(a)* и *Vn(b)ga*, которым и посвящена третья часть монографии (СТРС III)¹, во-первых, потому, что они являются основными гидронимическими типами субстратной топонимии РС², во-вторых, поскольку особенно многочисленны и поэтому в какой-то мере могут быть ключом к другим наименованиям, и, наконец, в-третьих, по той причине, что до сих пор продолжаются споры об их происхождении.

Главный и наиболее сложный вопрос, принадлежат ли эти гидронимы одному языку или восходят к разным источникам, обуславливает необходимость не только этимологической интерпретации, но и сопоставления гидронимов с учетом их географии

¹ См.: Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Часть I. Екатеринбург, 2001 (СТРС I). Часть II. Екатеринбург, 2004 (СТРС II).

² Наименования озер, болот, урочищ и т.п. на *Vz(a)* и *Vn(b)ga* учитываются только в тех случаях, когда засвидетельствованы аналогичные гидронимы, которые прилагаются к другим объектам.

и фонетических особенностей. Этим объясняется структура работы, в которой отдельные разделы посвящены сопоставительному (3.) и этимологическому (4.) анализу названий, а также их лингвостнической интерпретации (5.). Сопоставление типов предопределило и процедуру этимологического анализа гидронимов с разными формантами в рамках одной словарной статьи.

Автор редко и только в случаях явной необходимости обращается к фактам, засвидетельствованным за пределами РС, так как русские формы гидронимов с формантами *Vz(a)* и *Vn(b)ga* на Кольском полуострове, в республиках Карелия и Коми возникли в других лингвостнических условиях. Это правило не распространяется, однако, на северные районы Костромской и Кировской областей с русскоязычным населением, где ареалы гидронимов с формантами *Vz(a)* и *Vn(b)ga* выходят за пределы территории РС.

Еще одна оговорка необходима в связи с возможным родством названий на *Vz(a)* и *Vn(b)ga* с другими гидронимическими типами РС: речные названия на *Vva* могут восходить к гидронимам на *Vz(a)*, наименования рек на *Vma* и *Vnda* к гидронимам на *Vn(b)ga*, а некоторые двухсложные названия на *ga* с предшествующим мягким согласным могли возникнуть из трехсложных. На данном этапе исследования учитывать весь этот обширный, но проблематичный материал представляется преждевременным. Сравнительно редкие реконструкции всегда соотносятся с определенным ареалом и при необходимости обосновываются с лингвистической стороны. Реконструируемая форма сопровождается знаком < («выводится из»). Коррелятивные гидронимы с другими формантами, а также подобные лимнонимы, ойконимы и микро-топонимы приводятся только в отдельных показательных случаях.

Картографировались лишь точно локализованные наименования. Их меньше, чем названий с соответствующими формантами. Но эти лакуны не имеют сколько-нибудь системного характера и не отражаются на очертаниях и плотности ареалов.

Названия с формантами $V_2(a)$ и $V_n(b)ga$ как определенные типы субстратной гидронимии РС уже рассматривались в СТРС I, 249–256, 261–275. Есть основания, однако, снова обратиться к форманту $V_n(b)ga$.

2. Еще раз о форманте *V_n(b)ga*

Наиболее полно взгляды автора на происхождение и значение этого загадочного форманта изложены в [Матвеев 1960] и СТРС I, 261–275. В первой работе разрабатывается предположение о происхождении *V_n(b)ga* из генитивной конструкции прибалтийско-финского типа, выдвинутое в свое время А.И. Поповым, во второй обсуждается возможность связи этого форманта с географическим термином или словообразовательным суффиксом, но не исключается и существование гидронимов на *V_n(b)ga*, образованных по генитивной модели.

Еще раз обратиться к форманту *V_n(b)ga* побудили два обстоятельства: во-первых, новые результаты, полученные при лингвогеографическом и этимологическом изучении названий на *V_n(b)ga*, а также их сравнении с другими субстратными топонимами РС, и, во-вторых, попытка доказать, что генитивная конструкция является единственным источником гидронимии на *V_n(b)ga* [Хелимский 2006: 41–44]. Автору ситуация видится не столь однозначной. Для начала вспомним весьма поучительную историю вопроса, которая опускалась ранее при характеристике топоформантов (СТРС I, 261–275).

Первым к изучению названий с этим формантом обратился А.И. Шёгрэн, по мнению которого окончания наименований рек на *emga, enga, inga* восходят к фин.-саам. *jega* с назализацией [Sjögren 1861: 301]. В другом месте он высказывается подробнее: *jonga, jenga, enga, onga* являются назализованными вариантами формантов *juga, joga, jega, ega, oga*, источником которых было финско-саамское название реки *joki, jogi, jokka, juk, juch*, а носовой звук возник на русской почве, чтобы придать оттенок уменьшительности чужому слову. Поэтому в одном месте произносят *Мегрега*, в другом – *Мегренга*. Это объяснение наивно, но показательно: Шёгрэн не считал возможным, что звук *n* в форманте появился в финско-саамской языковой среде. М.А. Кастрен, следуя Шёгрэну, предпочитал несколько иной путь объяснения: *joki* > *юга* > *га* с последующим *нга* ради благозвучия (*Онега, Пинега*, но *Шеленга, Покишенга*) [Castrén 1962: 95].

Другого мнения придерживался Д. Европеус, связывавший *енга* с хант. *ieng* «вода» [Европеус 1868: 62] или *енга, онга, анга* (в Финляндии *nki*) – с окончанием прилагательных *eη* в мансийском и хантыйском языках [Европеус 1874: 12].

Интересны соображения К.Б. Викалунда, который думал, что *нга* является древним суффиксом прилагательных *η*, свойственным многим финно-угорским языкам. По этой причине из форманта *нга* нельзя извлечь ничего, что могло бы помочь определению этнической принадлежности названий, так как они могут быть в равной мере мансийскими, мордовскими, марийскими, финскими и саамскими [Wiklund 1896: 23].

И.Н. Смирнов склонялся к тому, что названия на *нга* (*енга, онга*) – саамские [Смирнов 1891: 44, 48, 99–106, 112].

М. Фасмер считал, что топонимы на *енга* не относятся к прибалтийско-финским [Vasmer 1934: 384, 425, 428] и должны

рассматриваться как финские или уральские в широком смысле [Vasmer 1934: 428]. Позднее Фасмер под влиянием Я. Калимы (см. ниже) стал, однако, допускать возможность сопоставления названий на *нга* с саамскими и прибалтийско-финскими источниками [Vasmer 1936: 190, 204]. Он полагал даже, что *еньга* иногда может быть западнофинским словообразовательным суффиксом, хотя распространение этого форманта в восточной части региона его озадачивало [Vasmer 1935: 552]. В то же время гидронимы *Енга* (Волог. г.), *Янга* (Костр. г.) сопоставлялись с нен. *jeŋa* «ручей» [Vasmer 1935: 509]. Все эти противоречия еще более усугублялись сравнением таких названий, как *Мирянга*, *Лапшанга*, *Шаренга*, *Ширенга* непосредственно с мар. *meraŋ* «заяц», *lapšaŋga* «шершень», *šaraŋga*, *šareŋga* «вид ивы», *šereŋga* «плотва» [Vasmer 1935: 538, 539, 540, 546].

Колебания Фасмера объясняются как несовершенством методики (см. СТРС I, 23–26), так и сложностью этого гидронимического типа с этимологической точки зрения. Но он всегда видел в форманте *Вн(ь)га* географический термин или словообразовательный суффикс.

Заслуживает внимания предположение Я. Калимы, что формант *нга*, *ньга* в русском языке был живым словообразовательным суффиксом, ср. карел. *Taavo*, *Jolmoŋi*, *Kormaŋi* и рус. *Тавеньга*, *Ёлманьга*, *Корманьга* [Kalima 1935: 133], хотя как раз в данном случае русские формы могут оказаться древнее карельских, будучи заимствованными из иного, не карельского источника (ср. гидронимы *Корманга*, *Корменьга*, которые засвидетельствованы как названия пяти рек на юго-востоке РС). Тем не менее, это предположение может стать предметом серьезного обсуждения, поскольку объясняет специфику ареала форманта *Вн(ь)га*, который утрачивает плотность к северу [карта 2]. Важен

также вывод Калимы о том, что названия на *нга*, *ньга* восходят к разным источникам – саамским, прибалтийско-финским и иным [Kalima 1935: 133]. Происхождение русского суффикса, как думает Калима, связано с прибалтийско-финскими языками, ср. финские названия *Sääminki*, *Kiiminki*, *Turenki*, *Kiestinki* (*Кестень-га*) [Kalima 1935: 141].

А.И. Попов в нескольких работах обращался к проблеме форманта *н(ь)га*. Он указывал, что этот формант может иметь самые разные источники [Попов 1964: 42], однако на РС его надо связывать с прибалтийско-финским генитивным окончанием *н* (*н* + *joki*, *jogi*) [Попов 1949: 64; 1965: 116–117] и саамским *н* + *йок* [Попов 1965: 117]. Версия эта была развита в нашей статье [Матвеев 1960].

Б.А. Серебренников подверг критике гипотезу происхождения форманта *Нн(ь)га* из генитивной конструкции, примкнув к предположению Д. Европеуса о связи этого форманта с угорскими языками и, в частности, с хант. *jïŋk* «вода» (а также с нен. *jeŋa* «речка») [Серебренников 1966; 1967; 1968]¹. Наконец, А.П. Дульзон сравнивал названия рек на *Нн(ь)га* с сельк. *анга* «курья» [Дульзон 1960: 2], а Е.М. Поспелов указывал, что *еньга* – географический термин [Поспелов 1967: 82].

Таким образом, история изучения форманта *Нн(ь)га* продолжительна и богата. За истекшие со времен Шёгрена и Кастрел-

¹ В научной литературе последних лет можно встретить суждения, что дискуссия 1950–1970 гг. о методах топонимических исследований и происхождении субстратной топонимии РС не принесла особой пользы, так как ничего не решила. С высоты современных знаний в ней действительно много наивного и, разумеется, сейчас работы того времени представляют только историографический интерес. Но тогда они бесспорно продвигали вперед как изучение субстратного материала, так и совершенствование методов топонимических исследований. Потому в свое время дискуссия сыграла немалую роль, забывать о которой не следует.

на полтора столетия появились новые интерпретации, а также существенно пополнилась сравнительная база. Уже Шёгрэн сопоставлял некоторые названия на *Vga* и *Vn(b)ga*. Много параллелей выявили и Д. Европеус, М. Фасмер, Б.А. Серебrenников, Е.М. Поспелов.

История вопроса свидетельствует о том, что в ходе изучения названий на *Vn(b)ga* сложились три версии происхождения этого форманта, которые можно называть «детерминантной (терминологической)», «аффиксальной (суффиксальной)» и «генитивной». Все они рассматриваются и расцениваются как возможные в СТРС I, 261–275. Е.А. Хелимский утверждает, что «А.К. Матвеев склоняется к отказу» от генитивной версии [Хелимский 2006: 41]. Между тем в тексте СТРС I написано: «Отказываться и от этой версии пока, видимо, нецелесообразно» (СТРС I, 273). Неверная интерпретация нашей позиции и некоторые ошибочные утверждения вынуждают подробнее рассмотреть взгляды Е.А. Хелимского на происхождение форманта *Vn(b)ga* [Хелимский 2006: 41–44], при этом приходится различать два вопроса – происхождение форманта и его адаптацию в русском языке.

Е.А. Хелимский исходит из предположения, что названия на *Vn(b)ga* и *Vga* восходят к одному языку (об этой возможности см. СТРС I, 272–273), в котором обозначение реки выглядело как **juka* (> *juga* на РС). Они представляют собой соответственно генитивную и номинативную конструкцию. Е.А. Хелимский подчеркивает, что данное историко-фонетическое обстоятельство, т.е. реконструируемая форма **juka* не учитывается в нашей монографии [Хелимский 2006: 41]. Однако никакой необходимости в этом не было, поскольку восстанавливались такие фонетические формы субстратных языков, как **jugV*, **jug(ju)* (СТРС I, 252).

Так как детерминант *juga* стал известен северным славянам (новгородцам) «еще в ту эпоху, когда на месте более поздних редуцированных выступали гласные, близкие к кратким *и* и *і*» [Хелимский 2006: 41–42], с точки зрения Е.А. Хелимского закономерным было развитие *juga* > *jьga* > *jьga* > *йга* > *га* и соответственно *ньга* (*нга*) в генитивной конструкции [Хелимский 2006: 42]. Это построение вызывает ряд возражений.

1. Прежде всего непонятно, почему редукция охватила только четырехсложную генитивную конструкцию, но обошла аналогичную четырехсложную номинативную, например, в таких случаях как *Киперлюга* и *Нырьльдюга*.

2. В субстратной топонимии РС не засвидетельствовано ни одного сколько-нибудь доказательного случая отражения падения редуцированных в том или ином положении, тогда как на собственно новгородских землях такие факты зафиксированы. (ср. *Мста* и т.п. на Новгородчине и *Мустозеро*, *Мустюга* и т.п. на РС).

3. Интенсивная колонизация РС относится не к периоду между VII–VIII и XIII вв. [Хелимский 2006: 41], а к X–XIII вв. Только Поволховье, Приладожье и Белозерье были освоены русскими несколько раньше [Макаров 1997: 6]. В этом случае не дифференцируется русская колонизация собственно новгородских и заволочских земель, а это важно для хронологии такого историко-фонетического процесса, как эволюция редуцированных звуков.

4. Ссылка на «частотность данных моделей, сложившихся еще в районах первоначальной колонизации (юго-западные и южные окраины соответствующих топонимических ареалов)» [Хелимский 2006: 42] ошибочна: частотность названий на *Vga*,

Vn(b)ga к югу и юго-западу РС как раз убывает, а в Белозерье они вообще редкость (карты 1, 2).

Все сказанное позволяет считать, что связывать появление форманта *Vn(b)ga* с процессом эволюции редуцированных не следует. При этом нельзя не заметить, что, допуская наличие генитивной конструкции в языке-источнике, можно намного проще объяснить возникновение *Vn(b)ga* в многосложных наименованиях адаптацией неудобного сочетания **njug* на стыке основы и форманта, а именно ассимиляцией **j* со смягчением предыдущего согласного и синкопой гласного (**njug > ньг*) (см. об этом СТРС I, 272–273). Возможно, что процессы такого рода происходили на северо-западе и северо-востоке региона, где маргинальные названия на *Vn(b)ga* постепенно выклиниваются (карта 2), а часть их интерпретируется на прибалтийско-финской и саамской почве (СТРС I, там же). Этимологии см. в 4.2.

Теперь о некоторых дополнительных аргументах, подтверждающих, по мнению Е.А. Хелимского, версию генитивной конструкции.

1. Полное отсутствие употребления форманта в качестве самостоятельного топонима (см. об этом СТРС I, 269) [Хелимский 2006: 42]. Этот довод убеждает, если доказано, что названия на *Vga* и *Vn(b)ga* восходят к одному языку, но утрачивает силу, если выясняется, что гидронимы на *Vn(b)ga* являются субсубстратными или что наименования на *Vga* и *Vn(b)ga* – разноязычный адстрат.

2. Почти полное совпадение ареалов гидронимии *Vga* и *Vn(b)ga* и случаи параллелизма этих названий (*Меграга*, *Мехрень-*

га и т.п.)¹, а также широкое распространение генитивной конструкции с суффиксом *n* в прибалтийско-финских языках [Хелимский 2006: 43].

Высокая частотность генитивной конструкции в прибалтийско-финских языках отнюдь не основание предполагать наличие аналогичного явления в субстратной топонимии на *Vn(b)ga*, поскольку она в своем большинстве не является прибалтийско-финской. Напротив, тезис о почти полном совпадении ареалов *Vn(b)ga* и *Vga* и о параллельных названиях заслуживает внимательного рассмотрения.

Нет никакого сомнения в том, что мы имеем дело с генетически близкими языковыми фактами. Поэтому главное – не проблема генитивной конструкции (вопрос о происхождении форманта *Vn(b)ga* в полной мере, может быть, вообще не удастся разрешить), а соотношение наименований – принадлежат ли они одному или разным, хотя и близкородственным языкам. Решение этого вопроса целиком зависит от сопоставительного и этимологического анализа гидронимов с формантами *Vn(b)ga* и *Vga*. Ареалы их действительно близки, параллели многочисленны, но тщательное изучение ареалов, основанное на полном картографировании, и сопоставление сходств и различий в основах позволяют сделать вывод, что перед нами близкородственные, но в большинстве случаев все же различные языки, которые на разных территориях соотносятся как субстрат и субсубстрат, причем в качестве субсубстрата выступает язык названий на *Vn(b)ga*, или образуют адстрат. Этот вопрос подробно обсуждается в разделах 3. и 5.1. Здесь же ограничимся указанием на два принципиальных

¹ Строго говоря, гидронимы *Мезрега* и *Мехреньга* не могут считаться параллельными названиями, поскольку *Мезрега* относится к территории Карелии. На

различия между ареалами *Vga* и *Vn(b)ga*, которые имеют большое значение для решения обсуждаемой проблемы (карты 1, 2): 1) гидронимы на *Vga* относительно равномерно распространены на территории РС, кроме крайнего юго-востока, где полностью господствуют названия рек на *Vg*; 2) гидронимы на *Vn(b)ga* образуют мощное скопление в бассейнах Ваги и Сухоны, охватывают на юго-востоке значительную часть ареала *Vg*, но постепенно выклиниваются к северо-востоку от Сев. Двины.

Наиболее показательна ситуация, сложившаяся на крайнем юго-востоке РС, где пересекаются ареалы *Vn(b)ga* и *Vg*, поскольку модель возникновения генитивных гидронимов, предложенная Е.А. Хелимским для четырехсложных названий на *Vga*, к двусложным гидронимам на *Vg* неприменима. Никаких следов генитива с формантом *n* в двухсложных наименованиях на *Vg* нет и не может быть. Рассматривать названия на *Vn(b)ga*, распространенные на этой территории, как генитивную конструкцию, производную от *Vg*, также не представляется возможным. Отсюда следует, что форманты *Vn(b)ga* и *Vg* не связаны друг с другом, что при учете коррелятивности и ареальной смежности *Vga* и *Vg* позволяет усомниться и в наличии связи между *Vga* и *Vn(b)ga*.

3. Интерпретация статистического распределения гласных, предшествующих *n(b)ga*, как весьма близкого к прибалтийско-финскому вокализму, разумеется, представляет интерес, но не может иметь сколько-нибудь существенного значения для решения проблемы, поскольку, во-первых, названия с формантом *Vn(b)ga* в большинстве случаев не являются прибалтийско-финскими, во-вторых, преобладание *e* и *o* во многом может быть обусловлено русской адаптацией (см. СТРС, I, 151), а в-третьих,

РС засвидетельствовано 6 названий *Мехреньга* и ни одного *Мегрега*. Подробнее см. 4.2.

эти данные не объясняют наличия ареального сгущения *еньга* в центре ареала *Vn(b)ga*.

4. Наконец, если принять генитивную версию, возникает проблема своего рода «изолированности» гидронимии с формантом *Vn(b)ga*. Е.А. Хелимский признает, что «нуждается в объяснении высокая частотность в генитивных конструкциях именно **juka*, в отличие от других географических терминов» [Хелимский 2006: 44]. Но дело в том, что о какой-либо частотности генитивной конструкции в других топонимических типах просто не может быть речи, так как названия подобного рода скольконибудь регулярно не встречаются. Изредка фиксируются отдельные образования вроде р. *Коконега* (см. 4.2) или оз. *Акан* (< **Аканозеро*, ср. фин. *акка*, род. *акан* «старуха», «баба») и т.п., которые могут быть поздними прибалтийско-финскими генитивами, хотя ввиду их малочисленности возможны и другие объяснения. Вообще же ни в таких многочисленных названиях рек, имеющих прямые параллели в прибалтийско-финских языках, как гидронимы с детерминантами *ой*, *оя*, *уй*, *уя* и *сара*, *сора*, ни в лимнонимии, ни в разнообразных микротопонимических типах генитивная конструкция с формативом **n* на РС не засвидетельствована¹. Это ставит самый распространенный на РС субстратный топонимический тип в положение полной изоляции. Учитывая фонетическую специфику названий на *Vn(b)ga* (см. 3.3.) и своеобразие их основ (см. 3.2. и 4.2.), о прибалтийско-финском происхождении большинства наименований такого рода и думать не приходится. В то же время в названиях, близких к прибалтий-

¹ В микротопонимах с формантом *нем(a)* «мыс» и его вариантах генитивную конструкцию, как справедливо замечает Е.А. Хелимский, выявить невозможно [Хелимский 2006: 44], но она не зафиксирована и во всех прочих микротопонимических образованиях, например, с детерминантами *лахта*, *лохта*, *палда*, *пелда* и др.

ско-финским, например, на *оя* или *сара*, генитивная конструкция не отражена. Очевидно, что и формант *Vn(b)ga* не связан с генитивной конструкцией и что на РС преобладали образования номинативного типа, а генитивные (если они были) строились по позднесаамскому типу, т.е. путем изменения основы. Последнее могло быть обусловлено значительной ролью саамского или близкого к нему лингвоэтнического компонента в формировании субстратной гидронимии РС, поскольку в северных и восточных саамских диалектах древний генитивный суффикс **n* в отличие от прибалтийско-финских языков исчез [ОФУЯ 1975: 238], сохранившись только в южносаамском [Korhonen 1981: 212].

Е.А. Хелимский полагает, что одним из факторов высокой частотности генитивной конструкции в названиях на *Vn(b)ga* «могло явиться обилие оформленных по релятивному типу отантропонимических гидронимов», ссылаясь в качестве примера на селькупские названия рек в фиксациях XVII в. Именно это обстоятельство и затрудняет интерпретацию субстратных гидронимов с формантом *Vn(b)ga* [Хелимский 2006: 44]. Можно ожидать, конечно, что в основах субстратных названий таятся и древние антропонимы. Но неплохо было бы и доказать антропонимичность хотя бы некоторых из этих наименований. Ссылка на селькупские названия рек не помогает, так как субстратные гидронимы РС на много веков древнее. Они явно связаны с более архаичными общественными отношениями, чем селькупские наименования XVII в. Внешние аналогии далеко не всегда бывают полезны. Так, в отличие от селькупских названий в мансийской топонимии Северного Урала антропонимы встречаются очень редко, а в названиях рек их почти нет, см., например, [Глинских, Матвеев 1975]. И это не случайно. Реки, в прошлом, видимо, считались общим достоянием. В обстоятельной работе Т.Н. Дмитриевой,

посвященной хантыйской топонимии басс. р. Казым, констатируется, что антропотопонимы немногочисленны, причем во многих случаях они возникли на памяти местных жителей и связаны с конкретными людьми, о которых «лишь в немногих случаях не удалось получить дополнительной информации». [Дмитриева 2005: 274].

Значение антропонимии для образования древних субстратных гидронимов не следует преувеличивать, хотя учитывать эту возможность интерпретации, разумеется, необходимо. Но систематическое внедрение антропонимов в топонимию связано прежде всего с развитием тех или иных форм собственности на землю и угодья. Древние насельники РС были охотниками и рыбаками, может быть, оленеводами, и мы только в поздней прибалтийско-финской топонимии находим отражение сельскохозяйственной терминологии [Матвеев 19706]. Предшественники прибалтийских финнов – создатели древних гидронимов – жили, по-видимому, в дофеодальном обществе¹, поэтому и возможности отражения антропонимии в географических названиях, особенно в гидронимии, в этом случае невелики.

Генитивная (посессивная) конструкция и антропонимические модели на РС прочно утвердились уже с приходом русских и интенсивным развитием сельского хозяйства. Поэтому для СТРС, особенно для речных названий, ни генитивная конструкция, ни антропонимы не являлись высокочастотными, исключая может быть, позднюю прибалтийско-финскую топонимию (ср. [Саарикиви 2003]). При слабой заселенности огромной террито-

¹ Ср.: «...Финноязычные обитатели Северной Руси, равно как и сопредельные финно-угорские народы, находились на стадии разложения первобытнообщинных отношений. Более архаичные черты родоплеменного быта сохранились у тех аборигенных групп, хозяйство которых базировалось на присваивающей экономике» [Рябинин 1997: 237].

рии лесо-таежной зоны РС, родоплеменном строе и охотничье-рыболовецком быте трудно ожидать развитие богатой антропотопонимии, особенно антропогидронимии. А если даже допустить, что многие названия СТРС являются антропотопонимами, то к ним во всяком случае не относятся высокочастотные названия на *Vn(b)ga* с такими основами, как *печ*, *сельм*, *яхр* и т.п.

Наконец, несколько слов об утверждении, что формант *Vn(b)ga* частотен при субстантивных основах и не встречается при основах, надежно опознающихся как прилагательные (*Мустюга* «Черная река», *Пышега* «Святая река», но не **Мустаньга*, **Пышеньга*) [Хелимский 2006: 43]. Однако три реки с названием *Сулонга* «Талая (река)» (см. 4.2.) позволяют усомниться в этом утверждении. Но еще показательнее гидронимы с двумя определениями, ср. *Ваманга* «Старая (река)» при *Вамшереньга* (> *Шереньга*), т.е. «Старая Шереньга» (см. 4.2.), ср. еще *Иланга* «Верхняя (река)» (см. 4.2.), *Вама* «Старая» и *Ильвама* (> *Вама*) «Верхняя Вама» [Матвеев 2000а: 8].

Таким образом, генитивная конструкция ни в коей мере не может считаться единственным источником гидронимов с формантом *Vn(b)ga*. Возможности этимологической интерпретации этого форманта на финской почве подробно обсуждаются в СТРС I, 261–275.

Вторая проблема – адаптация форманта *Vn(b)ga* в русском языке – прежде всего связана с тем немаловажным обстоятельством, что на РС есть топонимы на *Vn(b)ga*, которые обозначают не реки, а другие объекты, особенно болота, луга, поля, причем смежных рек или ручьев нет. Естественно, подобные названия могут восходить к первичным гидронимам, например, в случаях, когда речка пересохла, а ее наименование было перенесено на смежный объект (СТРС I, 261). Однако таких топонимов оказа-

лось очень много, причем в своем большинстве они обозначают мелкие объекты, а именно уголья разного рода.

Есть два пути для того, чтобы объяснить эти факты: формант *Vn(b)ga* может восходить к словообразовательному суффиксу, который функционировал в языке-источнике, т.е. является компонентом субстратного названия, и может проникнуть в русскую речь из какого-то древнего языка в качестве освоенного топонимического аффикса, возможно, с экспрессивным оттенком, т.е. представляет собой факт русского языка, заимствованный у предшественников. Вопрос об адаптации форманта связан с «аффиксальной» версией, истоки которой следует видеть в известной концепции Я. Калимы [Kalima 1935: 133], в какой-то мере разделяемой нами (СТРС I, 264) и воспринятой Е.А. Хелимским [Хелимский 2006: 42].

Прежде всего необходимо исключить случаи потенциальной омонимии, поскольку в некоторых микрорегионах РС засвидетельствован детерминант *янга* «болото» (СТРС I, 228–229), который на русской почве обычно изменяется в *еньга* (> *иньга*), причем иногда названия такого рода переносятся на смежные реки. Это явление характерно, в частности, для западных окраин РС, особенно для Няндомского и Плесецкого районов Архангельской области. Приведем несколько примеров таких «ложных» по отношению к гидронимии на *Vn(b)ga* наименований, ср.: *Вешеньга*, бол. (Нянд), *Катленьга*, луг (Нянд), *Кимленьга* (*Кимленская Янга*), бол. > *Кимленский*, руч. (Нянд) < **Кимъянга* (СТРС II, 147), *Лавреньга*, бол. (Нянд), *Меженьга*, бол. (Плес), *Писенга*, бол. (Нянд), *Ратьменьга*, ур. (Нянд), *Рюзиньга*, луг (Плес), *Хаенга* (*Хаянга*), бол., р. (Нянд), *Шайменьга*, луг (Нянд), *Шидреньги*, поля (Плес) и т.п.

Исключив эту группу топонимов, мы, тем не менее, обнаруживаем множество негидронимических наименований на *Ин(ь)га* и в других микрорегионах РС, где не зафиксирован детерминант *янга*. Ср., например, в названиях болот: *Лайменьга* (Арх, Холм), *Овманга* (Влг, Выт), *Пиченьга* (Арх, Холм), *Реженьга* (Арх, Пин), *Режиньга* (Арх, Карг), *Роженьга* (Арх, Пин), *Супеньга* (Влг, Выт), *Череньга* (Арх, Пин); лугов: *Иденьга* (Арх, Пин), *Кишманга* (Арх, Он), *Конанга* (Влг, У-Куб), *Курланги* (Влг, Выт), *Лапоньга* (Арх, Холм), *Нихманьга* (Влг, Кир), *Пиздреньга* (Арх, В-Т), *Савеньги* (Арх, В-Т), *Севзеньга* (Арх, Леш), *Сивеньга* (Арх, Вин), *Солонга* (Арх, Карг), *Сусленги* (Влг, В-Важ), *Шаменьги* (Арх, Вель), *Шершеньга* (Влг, Бабуш); полей: *Пушанга* (Арх, Карг), *Филеньга* (Арх, Вель), *Хальменьга* (Арх, Вин); урочищ: *Иманга* (Влг, Выт), *Матеньга* (Влг, Выт), *Муденьга* (Арх, Вель), *Овашеньга* (Арх, Шенк) и т.п. Разумеется, среди этих топонимов могут быть вторичные, но всю массу подобных названий, особенно наименований болот и лугов, интерпретировать таким образом не представляется возможным. Вместе с тем их негидронимичность заставляет думать о суффиксальном характере топоформанта¹.

Чтобы подтвердить возможность функционирования форманта *Ин(ь)га* в русском языке, прежде всего необходимо выявить и проанализировать факты, свидетельствующие о его употреблении в сочетании с русскими основами как в топонимии, так и в диалектной лексике. ТЭ засвидетельствовала довольно много

¹ Эта возможность подтверждается также тем, что и среди названий на *Га* есть обозначения негидронимических объектов, ср. наименования оз. *Мурлюга* (Арх, В-Т), болот *Чуждега* (Влг, Выт) и *Чунога* (Влг, Бел), ур. *Юдуга* (Влг, Баб), лугов и полей *Евлюга* (Арх, В-Т), *Ляхтуга* (Арх, Шенк), *Пендуга* (Арх, Он), *Пиндуга* (Арх, Кон), *Пурлега* (Арх, Он), *Сявнега* (Влг, Выт), *Чекига* (Арх, В-Т) и т.п. См. об этом также СТРС II, 27.

наименований с формантом *Vn(b)ga*, основы которых с достаточным основанием могут рассматриваться как русские, ср. *Виленга* (*Виленка*), р., текущая из оз. *Вильное* (Арх, Плес), *Крестеньга*, р. (Влг, Нюкс), (*Запольская*) *Меленга*, мельница (Арх, Карг), *Митинга*, р. у д. *Митино* (Влг, Бабуш), *Мостеньга*, руч. (Арх, Вель), *Ольшанга* (*Ольши́анга*), р. (Арх, Уст), *Паненга*, р, текущая из бол. *Панино* (Влг, Кир), *Песчаньга*, оз. (Арх, Пин), *Поженьга* (*Поженька*), луг (Влг, В-Важ), *Пустыньга*, д. и руч. (Арх, Вель), *Реденьга* («в центре леса нет, есть пожни»), бол. (Арх, Вель), *Царстваньга*, ур. (Арх, Вель), *Чащеньга*, рч. (Арх, Уст) и т.п.

Несомненно, эти названия возникли разным путем. Часто *n(b)ga* восходит к русскому суффиксальному *n(b)ка*. Таковы, очевидно, *Виленга*, *Меленга*, *Ольшанга*, *Поженьга*, *Песчаньга*, *Пустыньга*. В других случаях можно предполагать народную этимологию на русской почве, ср. *Крестеньга*, *Царстваньга*. Однако есть образования, которые как будто бы прямо указывают на использование форманта *Vn(b)ga* в русской речи, ср. *Митино* – *Митинга*, *Панино* – *Паненга*, а также *Мостеньга*, *Реденьга*, *Чащеньга*. Хотя не исключено, что в случаях *Митинга*, *Паненга* надо видеть формант *га*, широко употребляемый в топонимии и говорах РС¹.

Полезны в этом отношении и лексические данные. О заимствованных диалектизмах с формантом *Vga* см. [Kalima 1919: 71–72], а также СТРС II, 27. Сложнее решить вопрос о существовании *Vn(b)ga* в русской диалектной лексике. Финаль *Vn(b)ga* в говорах РС встречается редко и этимологически разнородна. Так,

¹ Ср. гидроним *Визинга* (коми *Визин ю*) при названии с. *Визин* в Сысольском районе Республики Коми. Я. Калима указывает, что здесь можно предполагать суффикс *га*, а не *нга*, хотя русский гидроним входит в ряд названий на *нга* [Kalima 1935: 134].

во́льньга «тот, что долго плачет» [СРНГ 5: 83], по́льньга́, по́льньга́ «по́льня» [СРНГ 29, 178] явно русские образования, хотя и разные по происхождению, в ка́рен(ь)га «кривое сучковатое дерево» и в других близких значениях [СРНГ 13, 87] финаль восходит к карел. *ηgo* [Kalima 1919: 106]. Есть еще ку́кишеньга – производное от ку́киша «пестрая птица» [СРНГ 16: 49–50] и ну́кишиньга уменьш.-ласк. от ну́киша «лесная птица» [СРНГ 33: 121], которые считаются прибалтийско-финскими заимствованиями [Kalima 1919: 139], а также ли́пеньга «оконный косяк» [СРНГ 17: 53] и лявзёньга «болтун, болтуня», образованное от лявзать «болтать» наряду с лявза, лявзя, лявзун, лявзу́ня [СРНГ 17, 252] < приб.-фин. [Kalima 1919: 158]. Основываясь на этих фактах можно подумать, что *Ин(ь)га* в какой-то мере употреблялось и в русских диалектах в качестве экспрессивного или уменьшительного суффикса, но почти всегда находится и другое объяснение, например, для ку́кишеньга допустимо исходное *ку́кишенька, а для лявзёньга с неменьшим основанием *лявзёнька.

Все эти наблюдения позволяют прийти к следующему заключению.

1. Не исключено, что формант *Ин(ь)га* мог изредка употребляться в русской диалектной лексике, скорее всего имея экспрессивный оттенок. Этому могло способствовать широкое использование в местной русской лексике и топонимии образований с формантом *Га*, тоже экспрессивном по крайней мере в ряде случаев.

2. В топонимии факты употребления форманта *Ин(ь)га* на русской почве более убедительны, чем в лексике, но прежде всего в названиях болот и микротопонимии, которая часто обозначает объекты, имеющие (или не имеющие) хозяйственное значение,

достоинства (или недостатки) – луга, поля и прочие уголья. Не исключено, что определенную роль в распространении названий такого рода сыграли, во всяком случае на западе региона, и названия болот на *янга > ен(ь)га. Эти названия тоже могут иметь экспрессивный оттенок.

3. Имеются факты, свидетельствующие об использовании форманта *Вн(ь)га* в сочетании с русскими основами как в гидронимии, так и (реже) в названиях озер.

4. Все эти данные позволяют считать гипотезу Я. Калимы об активной русской адаптации субстратного форманта *Вн(ь)га* и его распространении в русской среде достаточно продуктивной, однако нет никаких оснований для предположения о массовом образовании гидронимов с этим формантом на русской почве там, где находится центр их ареала, т.е. в бассейнах Ваги и Сухоны (карта 2). Напротив, именно исключительная плотность названий в этих местах могла обусловить проникновение форманта *Вн(ь)га* в русскую речь, его иррадиацию на периферию ареала и перенос на другие типы объектов, когда формант уже никак не связывался с обозначением реки.

В проблеме происхождения гидронимии с формантом *Вн(ь)га* еще очень много неясного. Бесспорно, однако, что этот вопрос невозможно решать в отрыве от анализа другого важнейшего гидронимического типа РС – названий на *Вз(а)*. Можно предположить, например, что русские (или еще раньше прибалтийские финны) воспринимали конечное *зV как усеченное обозначение реки, что и вело к вторичному использованию этого форманта как в финской, так и в русской среде.

С другой стороны, надо иметь в виду, что в субстратной топонимии РС многие форманты (*Вма*, *Вша*, *Вс* и др.) не интерпретируются как географические термины и объясняются как

аффиксальные элементы. Параллелизм гидронимических и не-смежных с ними негидронимических образований (ср. *Мехреньга* в 4.2.) наводит на мысль, что в СТРС имела место далеко зашедшая контаминация детерминантных и аффиксальных компонентов вследствие их значительной звуковой близости, т.е. в названиях на *Vn(b)ga* могли объединиться генетически разные форманты с различными значениями, причем подобное смешение могло происходить еще в дорусский период.

3. Сопоставительный анализ

3.1. Предварительные замечания

Со времен А.И. Шёгрена гидронимы на $V_2(a)$ и $V_n(b)ga$ считаются родственными. Они неоднократно сопоставлялись (М. Фасмер, Я. Калима, Б.А. Серебренников и другие исследователи), но, как правило, выборочно и без должного учета фонетических и ареальных данных. Ни степень их родства, ни лингвистический статус до сих пор не установлены. На первый взгляд, перед нами один язык: у этих гидронимов сходные ареалы (карты 1, 2), они близки по составу звуков и имеют много совпадающих топооснов. Однако углубленное изучение материала обнаруживает более сложную картину.

Информативность топонимии ограничена. Поэтому сопоставительный (доэтимологический) анализ этих гидронимических типов может быть осуществлен только в трех аспектах: лексическом (выявление коррелятивных и дифференцирующих топооснов), фонетическом (сопоставление звуков и их сочетаний) и ареальном (установление сходств и различий в географическом распределении названий). Иногда топоосновы содержат и аффиксальные элементы (*Кулосега*, *Котишеньга*, *Переченьга*), но таких случаев мало для сколько-нибудь надежных обобщений.

Приступая к сопоставлению субстратных гидронимов, находящихся на одной территории, автор основывался на следующих принципах.

1. Бесписьменные языки древности, несомненно, существовали в диалектной форме, и это тем более относится к такой обширной территории, как РС. Отсюда важность сочетания макро- и микрорегионального подходов к изучению субстратных гидронимов.

2. Финское в широком смысле слова происхождение названий с формантами $V_2(a)$ и $V_n(b)ga$ не подлежит сомнению.

3. Исследуются формы древних финских языков, которые были значительно ближе друг к другу и к потенциальным праязыкам.

4. Общность территории и образа жизни обусловили наличие семантических соответствий в топонимической лексике различных финских этносов.

5. Субстратные типы гидронимии РС представлены неравномерно: к настоящему времени выявлено 402 названия с формантом $V_2(a)$, из них 308 на V_2a , 94 на V_2 , и 580 наименований с формантом $V_n(b)ga$. Поэтому наиболее показательными при сопоставлениях являются факты с высокой частотностью, а также оппозиции, отражающие те или иные фрагменты языковой системы.

Соответственно в разделе 3. рассматриваются коррелятивные и дифференцирующие названия (3.2.), фонетические регулярности (3.3.) и ареальные отношения (3.4.). Раздел завершается обобщением (3.5.).

3.2. Коррелятивные и дифференцирующие названия

Под коррелятивными (соотносительными) понимаются названия, которые имеют полностью совпадающие основы (*Var-*

зуга – *Варзеньга* и т.п.). Такая корреляция в пределах определенного региона может указывать либо на генетическую связь названий и их принадлежность одному языку или родственным языкам, либо на заимствование (ср. *Ханюга* и *Ханюг* в 4.2.). Естественно, что какая-то часть корреляций нарушена в процессе исторической эволюции в языке-источнике, или в языке-реципиенте, но в некоторых случаях удаётся их восстановить, ср. *Томлюга* < **Томјуга* ~ *Томлюг* < **Томјуг* ~ *Томанга*.

Коррелятивным названиям противостоят наименования с закономерными фонетическими соответствиями (ср. гидронимы с основами *яхр* ~ *явр* ~ *яр* «озеро»). Необходимо, однако, иметь в виду, что иногда в процессе исторической эволюции возникают новые корреляции. Если это отражено в памятниках, то устанавливаются историко-фонетические соответствия (ср. *Пинегга* < *Пѣнега* и *Пинюг* в 4.2.).

Для коррелятивных названий частотность не так существенна, поскольку факт полного совпадения основ разных типов нагляден даже при однократной фиксации имен, но для дифференцирующих (некоррелятивных) названий частотность, напротив, очень важна: чем она выше, тем меньше вероятность того, что в другом языке могло быть соответствующее коррелятивное название, которое не сохранилось или не удалось зафиксировать. Дифференцирующие названия учитываются уже при минимальной частотности – 2.

Таким образом, лексические сходства и различия, закрепленные в топонимах, могут способствовать сведению разных топонимических типов к одному языковому источнику или, напротив, к их языковой дифференциации. Рассмотрим сначала коррелятивные, а затем дифференцирующие гидронимы на $V_2(a)$ и $V_n(b)ga$.

Поскольку названия на $V_2(a)$ четко делятся на два подтипа – V_2a и V_2 (карта 1), возможны четыре разновидности корреляций (см. табл. 1)

Табл. 1

	V_2a	V_2	$V_n(b)_2a$
1.	+	+	+
2.	+	+	–
3.	+	–	+
4.	–	+	+

3.2.1. Корреляция $V_2a \sim V_2 \sim V_n(b)_2a$ (7)¹

Эти корреляции редки, что обусловлено количественной неравномерностью типов и их разноязычностью.

Киюга ~ Киюг ~ Киеньга
Кузегга (2) ~ Кузюг (3) ~ Кузеньга
Нарегга ~ Нарюг ~ Нареньга
Сельдегга ~ Сельдюг ~ Сельденьга
Солюга ~ Солюг ~ Солонга
**Союга ~ *Союг ~ Соеньга*
*Томлюга ~ Томлюг ~ Томанга (мл < *mj)*

В большинстве случаев основы этих гидронимов обозначают топонимически важные объекты – явления природы. Они хорошо этимологизируются из финских языков (см. 4.2.). Для решения вопроса о соотношении гидронимов на $V_2(a)$ и $V_n(b)_2a$ эти названия, однако, не имеют значения, так как их основы относятся к общему фонду.

3.2.2. Корреляция $V_2a \sim V_2$ (18)

<i>Анега ~ Анюг</i>	<i>Кольчуга ~ Кольчуг</i>
<i>Верюга ~ Верюг</i>	<i>Кортюга (2) ~ Кортюг (4)</i>
<i>Ёршуга ~ Ёршуг</i>	<i>*Лондуга ~ *Лондуг</i>
<i>Еюга ~ Еюг</i>	<i>Луптега, Луптюга ~ Луптюг (2)</i>
<i>Кирюга ~ Кирюг</i>	<i>Пертуга ~ Пертюг</i>
<i>Кичега, Кичуга (4) ~ Кичуг</i>	<i>Пинега ~ Пинюг</i>

¹ В скобках указывается частотность.

Полуга ~ Полуз (2)
Портюга ~ Портюг
Сендуга ~ Сендюг

Совега ~ Совьюг
Ханюга ~ Ханюг
**Шубьёга ~ *Шубьюг*

Две корреляции из этого перечня следует исключить по приведенным выше основаниям (*Пинега ~ Пинюг* и *Ханюга ~ Ханюг*). Исходя из количественных данных (см. 3.1.), устанавливаем, что в гидронимии с формантом *Vg* 19(25)%¹ названий имеют корреляты в наименованиях на *Vga*, а в гидронимии с формантом *Vga* соответственно 6(8)% названий имеют корреляты в наименованиях на *Vg*.

3.2.3. Корреляция *Vga* ~ *Vn(b)ga* (39)

Андога, Андюга ~ Анданга (3)
Бохтюга ~ Бохтенъга
Важуга ~ Важеньга
Ваймога, Ваймуга ~ Вайманъга
Варзуга (3) ~ Варзенъга
Варога ~ Вареньга (2)
Вилюга ~ Виленга
Воймуга ~ Войманга (4)
Волога, Волюга ~ Волонга (2)
Вохтога ~ Вохтонга
Елюга (5) ~ Еленьга (2)
Енега ~ Енанга
Ерюга ~ Ереньга
**Ижого ~ Иженьга*
Костюга ~ Костанга
Лудига ~ Луденьга (2), Лудонга
Лужуга ~ Луженьга (2)
Лундюга ~ Лундонга (2)
Нюнега ~ Нюеньга
Ошега, Ошуга ~ Ошеньга

Палега, Палуга (4) ~ Паленьга (6)
Панега, Панога, Пануга ~ Пананга
Пашуга ~ Пашеньга (3)
Пежуга ~ Пеженьга (5)
Пелега (2), Пелюга ~ Пеленьга (5)
Перечега ~ Переченьга
Почуга ~ Поченга (2)
Пучега (3), Пучуга ~ Пученьга
Розмога ~ Розменьга
Силюга ~ Силенъга
Урдюга (2) ~ Урденъга
*Ухтюга (2) > Уфтюга (6) ~ Ух-
танга, Ухтанъга*
Харога (2) ~ Хареньга
Чурьёга ~ Чуронга
Шилега (3) ~ Шиленьга (6)
Шичуга ~ Шиченьга (3)
Шорега ~ Шореньга
Шунега ~ Шуненга
**Юрьюга ~ Юреньга*

В гидронимии с формантом *Vga* 13(23)% названий имеют корреляты в наименованиях на *Vn(b)ga*, а в гидронимии с фор-

¹ Проценты округлены. В скобках приводятся данные с учетом повторяющихся названий.

мантом *Vн(ь)га* соответственно 7(13)% имеют корреляты в наименованиях на *Vга*.

3.2.4. Корреляция *Vг ~ Vн(ь)га* (10)

<i>Конюг ~ Конанга</i>	<i>Падюг ~ Паданга, Паденьга</i>
<i>Кундюг ~ Кундонга</i>	<i>Парюг (2) ~ Паренга</i>
<i>Курдюг ~ Курденьга (4)</i>	<i>Пичуг ~ Пиченьга</i>
<i>Мурдюг ~ Мурденьга</i>	<i>Пыжуг ~ Пыженьга</i>
<i>Нюрюг (2) ~ Нюренга</i>	<i>Шортюг ~ Шортанга</i>

Учитывая, что гидронимы *Кундюг*, *Курдюг* относятся к территории Белозерского края и не входят в ареал *Vг*, связанный с юго-востоком РС (СТРС I, 250), корреляции *Кундюг ~ Кундонга* и *Курдюг ~ Курденьга* следует исключить. Таким образом, в гидронимии с формантом *Vг* 7(9)% названий имеют корреляты в наименованиях на *Vн(ь)га*, а в гидронимии с формантом *Vн(ь)га* 1,5% названий имеют корреляты в наименованиях на *Vг*.

3.2.5. Дифференцирующие гидронимы

Приводятся в порядке убывания частотности.

Vга

<i>Пышега – 5</i>	<i>Нельнюга – 3</i>	<i>Олмога, Олмуга – 2</i>
<i>Ёжуга – 4</i>	<i>Немнюга – 3</i>	<i>Сюрега – 2</i>
<i>Рочуга – 4</i>	<i>Сенегга, Сенюга – 3</i>	<i>Целега, Целюга – 2</i>
<i>Синегга, Синюга – 4</i>	<i>Авнега, Авнюга – 2</i>	<i>Шенчуга – 2</i>
<i>Цебьюга – 4</i>	<i>Вырога – 2</i>	
<i>Маегга – 3</i>	<i>Лындюга, Лындыга – 2</i>	
<i>Марегга, Марьюга,</i>	<i>Мудьюга – 2</i>	
<i>Марюга – 3</i>	<i>Нерюга – 2</i>	

Vг

<i>Качуг – 4</i>
<i>Лантюг – 3</i>
<i>Шелюг – 3</i>
<i>Матюг – 2</i>
<i>Митюг – 2</i>

V_n(b)ga

<i>Печеньга</i> – 13	<i>Верденьга</i> – 3	<i>Морженьга</i> – 2
<i>Юрманга, Юрманка,</i>	<i>Еменьга</i> – 3	<i>Неленьга</i> – 2
<i>Юрманьга, Юрменьга,</i>	<i>Перденьга</i> – 3	<i>Петеньга</i> – 2
<i>Юрминьга</i> – 12	<i>Сулонга</i> – 3	<i>Пуронга</i> – 2
<i>Яхреньга</i> – 10	<i>Шабанга, Шабень-</i>	<i>Роменьга</i> – 2
<i>Сельменьга</i> – 8	<i>га, Шабоньга</i> – 3	<i>Сабреньга</i> – 2
<i>Мехреньга</i> ¹ – 6	<i>Шереньга</i> – 3	<i>Сёмженьга</i> – 2
<i>Нореньга</i> – 6	<i>Яреньга</i> – 3	<i>Семзеньга</i> – 2
<i>Корманга, Корменьга</i>	<i>Вахтанга</i> – 2	<i>Сиеньга</i> – 2
– 5	<i>Вондонга</i> – 2	<i>Соденьга, Содонга</i> –
<i>Леденьга</i> – 4	<i>Еденьга</i> – 2	2
<i>Нименьга</i> – 4	<i>Ёрмоньга</i> – 2	<i>Сяменьга, Сямоньга</i>
<i>Тихманьга</i> – 4	<i>Коленьга</i> – 2	– 2
<i>Шадреньга</i> – 4	<i>Леменьга</i> – 2	<i>Тавреньга</i> – 2
<i>Явроньга</i> – 4	<i>Ловзанга, Ловзеньга</i>	<i>Шарженьга</i> – 2
<i>Анданга</i> – 3	– 2	<i>Шепшеньга</i> – 2
<i>Ваеньга</i> – 3	<i>Махреньга</i> – 2	<i>Юменьга</i> – 2

3.2.6. Краткие выводы

1. Указывая на близкое родство исследуемых гидронимических типов и даже принадлежность их одному языку, как в случае *Vga* ~ *V_n(b)ga*, прежде всего ссылаются на коррелятивные названия. Действительно, выхватывая отдельные факты из топонимической системы, легко показать их связь и предположить языковую идентичность, однако изучение всего комплекса названий, известного на данный момент, свидетельствует, что, во-первых, подобных параллелей не так много по сравнению со всем материалом, а во-вторых, что коррелятивные отношения между типами разнятся. Разумеется, сопоставление затрудняется, а в конечном счёте искажается несоразмерностью имеющегося материала. Но что есть, то есть, и вряд ли дополнится сколько-нибудь существенно. Тем не менее, некоторые детали достаточно показательны (см. табл. 2).

¹ *Мегрега* в Карелии не относится к территории РС (см. 2. и 4.2.).

Табл. 2

Корреляция и частотность	%
V_2 (94) ~ V_2a (308)	19 (25) ~ 6 (8)
V_2a (308) ~ $V_{н(б)}a$ (580)	13 (23) ~ 7 (13)
V_2 (94) ~ $V_{н(б)}a$ (580)	7 (9) ~ 1,5

Из таблицы следует, что корреляция $V_2 \sim V_2a$, несмотря на меньшее количество фактов, свидетельствует о большей близости сравниваемых типов, чем $V_2a \sim V_{н(б)}a$.

Гидронимы с формантами V_2a и $V_{н(б)}a$ различаются и по составу дифференцирующих основ с частотностью соответственно 5–2 для V_2a и 13–2 для $V_{н(б)}a$. Это свидетельствует о том, что лексические различия между данными типами могут иметь характер языковых. Важно также, что выявление корпуса частотных дифференцирующих гидронимов создаёт благоприятные условия для лингвистического картографирования (см. 3.4.). Названия с формантом V_2 в этом отношении менее показательны вследствие малочисленности.

3.3. Фонетические регулярности

Фонетические особенности субстратной топонимии РС в целом и ее фонетическая адаптация охарактеризованы в СТРС I, 123–151. Поэтому здесь рассматривается только звуковая специфика гидронимов на $V_2(a)$ и $V_{н(б)}a$.

В структурном отношении названия на V_2 отличны от наименований на V_2a и $V_{н(б)}a$. Гидронимы на V_2 , как правило, двухсложны. Детерминант V_2 односложен. Односложны и основы, имеющие преимущественно структуру CVC (реже CVCC, CV, VC), тогда как прафинские именные основы были двухсложными (урал. **joke* «река» [UEW: 99], ср. раннеприб.-фин. **joke* [Korhonen 1981: 87] или **juka* [Хелимский 2006: 41]). Это, создавая значительные трудности для этимолога, поскольку преобла-

дающие основы типа CVC малоинформативны, вместе с тем доказывает, что для языка гидронимии на *Vz* характерна регулярная утрата конечных гласных, распространенная в финских языках, особенно в пермских, но известная и в волжских, а в какой-то мере и в прибалтийско-финско-саамских. Ареал *Vz* находится на стыке прибалтийско-финско-саамской лингвоэтнической зоны (с северо-запада), пермской (с северо-востока и востока) и мерянско-марийской (с юга и юго-запада). Поэтому утрата конечных гласных в языке гидронимии с формантом *Vz* лингвогеографически вполне объяснима. К этому следует добавить, что южнее в микрорегионе нижней Клязьмы зону *Vz* как бы продолжает специфический ареал гидронимии на *Vx*, генетически также связанный с финскими языками.

Консонантный исход односложных основ и наличие *j* в анлауте форманта обусловили широкие возможности для взаимодействия звуков на морфемном стыке, особенно для диерез и ассимиляций, причем эти процессы могли происходить как в языке-источнике, так и в русском языке.

Наиболее распространенный вариант детерминанта *юг* точно соответствует реконструируемой форме **jug* (> коми *ju* «река»). Именно это обстоятельство (наряду с утратой конечных гласных в основах, а также некоторыми этимологиями) наводило на мысль о родстве гидронимии на *Vz* с пермскими языками (см. [Vasmer 1936: 242–252; Матвеев 1963: 79]), хотя допускались и другие возможности, в частности, промежуточное положение языка гидронимии на *Vz* между пермскими и прибалтийско-финскими языками [Матвеев 1963: 79–80]. В настоящее время, когда выявлен и исследован намного более значительный материал, а также продвинулось изучение СТРС в целом, «пермскую» версию приходится отклонить. Против нее следующее: 1) нет

убедительных следов отпадения одиночных конечных согласных в конце односложных основ, характерного для пермских языков [Лыткин 1957: 83]; 2) нет случаев озвончения согласных в начале слова, а это явление считается весьма древним, свойственным раннему периоду существования прапермского языка [Лыткин 1957: 87–90; ОФУЯ 1976: 138], т.е. во всяком случае до времени его распада, который относят к периоду от VIII в. [ОФУЯ 1976: 99] до IX–X вв. [Лыткин 1957: 24], и, следовательно, до освоения гидронимов на *Vz* русскими (не ранее XI–XII вв.); 3) в гидронимии с формантом *Vz* обычны интервокальные группы согласных с носовыми (*Контюг, Лантюг, Лендюг, *Лондуг, Нимчуг, Рюндюг, Сендюг, Синдюг*), т.е. в этом языке не происходила деназализация сочетаний согласных, которую также относят к прапермскому периоду [Лыткин 1957: 90–92; ОФУЯ 1976: 138–139]; 4) не подтвердилось в полной мере и предположение [Матвеев 1963: 80] о проявлении в гидронимах с формантом *Vz* тенденции к сужению согласных в корне слова (см. о ней [Лыткин 1957: 81–82; ОФУЯ 1974: 174–176; ОФУЯ 1976: 133]). По первоначальным подсчетам фиксировалось до 40% узких гласных в основах, но более представительные новые данные изменили картину: гласные всех трех подъемов равномерно представлены в языке гидронимии с формантом *Vz*. Кроме того, эта тенденция характерна и для марийского языка [ОФУЯ 1974: 174–176].

Для позиции анлаута наиболее важно наличие или отсутствие *x* (< приб.-фин. **h*), поскольку этот звук является характерным индикатором прибалтийско-финских языков, противопоставляя их саамскому, волжским и пермским языкам (см. СТРС I, 143–144).

Начальное *x* (< **h*) в названиях на *Vz* представлено двумя примерами (*Ханюг, Хандюг*), которые (особенно *Ханюг*) могут

быть связаны с поздними заимствованиями (см. 4.2.). В гидронимии на *Vga* примеров больше (13) (карта 3). Гнездо из 6 гидронимов находится в нижнем течении Онеги, где вообще хорошо представлены прибалтийско-финские наименования. Это *Хайнога*, *Харога I*, *Хильдюга*, *Хозьюга*, *Холмога* и *Хомпуга*, которые с той или иной степенью надежности интерпретируются из прибалтийско-финских источников (см. 4.2.). Кроме того, отдельные названия зарегистрированы в низовьях Сев. Двины (*Хавзюга*, *Хурдуга*), на Пинеге (*Хорюга*), в бассейнах озер Лача (*Хальнега*), Воже (*Ханюга*) и Кубенского (*Харога II*), а также в верхнем течении Сев. Двины (**Хабуга*). Они тоже могут быть объяснены на прибалтийско-финской почве (см. 4.2.), свидетельствуя тем самым как о широком расселении прибалтийских финнов на РС, так и о том, что в своем большинстве названия на *Vga*, число которых возрастает к востоку от Онеги (карта 1), т.е. там, где гидронимов с начальным *x* меньше, могут быть и не прибалтийско-финскими.

В анлауте гидронимов на *Vn(b)ga* засвидетельствовано только два случая употребления *x* – *Хареньга* в басс. Ваеньги (> Сев. Двина) и *Хоеньга* в басс. Пинеги. Оба эти названия находятся за пределами центра ареала *Vn(b)ga* (карта 2) и восходят к прибалтийско-финским источникам, представляя собой, возможно, генитивные формы. Этимологию *Хареньга* см. в 4.2. Отсутствие анлаутного *x* подтверждает, что в большинстве случаев гидронимы на *Vn(b)ga* не являются прибалтийско-финскими.

Близость сопоставляемых языков и относительная бедность уральского консонантизма вынуждают обращать внимание прежде всего на интервокальные консонансы, при этом особенно важны результаты сравнения консонансов гидронимов на *Vga* и *Vn(b)ga*, тогда как гидронимы на *Vg*, основы которых в ауслауте

были больше подвержены изменениям, а численность значительно меньше, в этом отношении не столь показательны. В свое время уже была выявлена существенная разница в составе консонансов названий на *Vga* и *Vn(b)ga* [Матвеев 1964: 109–110]. Ниже приводятся дополненные и уточнённые данные. Повторяющиеся названия не учитываются.

1. Согласный + шипящий спирант (*Векшеньга*, *Кипшеньга*, *Кярженьга*, *Шарженьга* и т.п.).

Табл. 3

Консонансы	пш	кш	мш	мж	нш	нж	лш	лж	рш	рж	все го
<i>-Vn(b)ga</i>	7	11	1	4	1	—	—	1	5	12	42
<i>-Vga</i>	—	—	—	—	—	2	—	—	1	2	5

В гидронимии на *Vga* зафиксировано только 5 случаев в сочетаниях с сонорными *n* и *r*.

2. Согласный + свистящий спирант (*Курсеньга*, *Пурсанга*, *Талзанга*, *Юмзеньга* и т.п.).

Табл. 4

Консонансы	кц	гз	мц	мз	нц	нз	лц	лз	рц	рз	все го
<i>-Vn(b)ga</i>	2	2	—	2	—	—	—	1	4	9	20
<i>-Vga</i>	1	—	1	1	—	—	—	—	—	2	5

3. Согласный + аффриката *ч* (*Емчуга*, *Ильчуга*, *Кирчуга*, *Севчуга* и т.п.).

Табл. 5

Консонансы	тч	кч	мч	нч	лч	рч	всего
<i>-Vn(b)ga</i>	—	—	—	—	3	—	3
<i>-Vga</i>	2	2	3	2	3	4	16

4. Согласный + *м* (*Волманга*, *Ёрмоньга*, *Розменьга*, *Тихманьга* и т.п.).

Табл. 6

Консонансы	ТМ	КМ	ШМ	ЖМ	СМ	ЗМ	ЧМ	ХМ	ЛМ	РМ	всего
<i>-Vн(ь)га</i>	3	1	2	1	2	3	3	5	8	23	51
<i>-Vга</i>	—	—	—	—	—	1	—	—	3	2	6

Количественная разница между гидронимическими типами, конечно, могла в какой-то мере сказаться на результатах. Так, несколько менее убедительны итоги сопоставления в группе 2 («согласный + свистящий спирант»). В то же время полное преобладание групп 1 («согласный + шипящий спирант») и 4 («согласный + м») в названиях с формантом *Vн(ь)га* и группы 3 («согласный + аффриката ч») в топонимах с формантом *Vга* свидетельствуют о существенных различиях в инвентаре консонансов гидронимов на *Vн(ь)га* и *Vга*.

Иногда нарушение регулярности находит объяснение при сопоставлении консонансов разных типов. Явным нарушением в случае 3 представляется консонанс *лч* (точнее *л'ч*) в названиях *Кильченьга*, *Польченьга*, *Пульченьга*, но он служит своего рода компенсацией за не зафиксированную в случае 1 группу *ли*.

Уникальное для названий на *Vга* сочетание с глухим шипящим в *Ёршуга* примечательно еще и тем, что имеет точную параллель *Ёршуг* в гидронимах на *Vг*, которая является таким же изолятом. Не исключено, что это гибридные образования, возникшие в период сосуществования финно-угров и русских в результате заимствования рус. *ёрш*.

Появление некоторых групп, например *гз* в случае 2 (*Vгзеньга*, *Югзеньга*) может озадачить, но как оказалось, интервокальное озвончение в СТРС способно охватывать не только одиночные глухие и сочетания с сонорными (см. СТРС I, 142–143), но и другие консонансы вплоть до сочетаний из двух шумных. Е.А. Хелимский считает предполагаемое изменение *хта* > *гда*

типологически маловероятным [Хелимский 2006: 44], ср., однако, *Логдуз* < **Лохтус* или **Локтус*, *Муздаемское* < **Мустанем(а)* и т.п.

Как уже было замечено, в гидронимии с формантом *Vz* консонансов очень мало (*Имзюг*, *Калчуг*, *Кольчуг*, *Нарчуг*, *Нимчуг*), тем не менее они указывают на близость названий на *Vz* к гидронимам на *Vza* (см. табл. 4 и 5).

3.4. Ареальные отношения

Даже в относительно небольшом для РС ареале *Vz* есть свои микроареалы, в зонах *Vza* и *Vn(b)za* их много больше. В этом разделе рассматриваются только те ареальные отношения, которые имеют значение для идентификации основных гидронимических типов *Vza*, *Vz* и *Vn(b)za*. Проблемы микроареальных связей обсуждаются в 5.1.

Ареалы *Vza* и *Vz* смежны и четко противопоставлены (карта 1). Ареал *Vz* охватывает крайний юго-восток РС и прилегающие территории Волго-Двинского междуречья, ареал *Vza* с относительно одинаковой степенью плотности распространяется на остальную территорию РС вплоть до арктического побережья, вырождаясь однако, в Белозерском крае. Гидронимы на *Vza* не встречаются в пределах ареала *Vz*, а названия рек на *Vz* в зоне форманта *Vza*. Исключения относятся только к пограничной полосе между этими ареалами, где наблюдается обычное для контактных зон смешение формантов, а также к Белозерскому краю и примыкающим к нему территориям, где зафиксировано несколько названий на *Vz*. Между ними и ареалом *Vz* на юго-востоке РС весьма значительное расстояние, так что объединять эти наименования в лингвогеографическом отношении невозможно. Происхождение белозерских гидронимов на *Vz* пока не

установлено. Не исключено, что это реликты мерянских миграций вдоль Шексны.

Предполагать регулярную эволюцию $V_{ga} > V_g$ на русской почве трудно, а $V_g > V_{ga}$ более вероятно, но вряд ли доказуемо. В свете русской адаптации необъяснима и четкая граница между этими ареалами, которые свидетельствуют о их хронологической совместимости. Картографирование корреляций $V_{ga} \sim V_g$ не дает сколько-нибудь показательных результатов, хотя можно отметить, что наиболее близки по лексическому инвентарю гидронимы на V_g и непосредственно примыкающие к ним с севера названия на V_{ga} .

Гидронимы на $V_n(b)ga$ засвидетельствованы как в ареале V_{ga} , так и в ареале V_g (карты 1, 2), но их распределение имеет некоторые особенности. Названия на $V_n(b)ga$ распространены в северо-западной части ареала V_g между Сухоной, Югом и верхним течением Унжи (выше гор. Кологрив). Ниже по Унже, верховьям Ветлуги с ее притоком Вохмой, по Моломе, а также по Лузе с притоками названия на V_g столь же частотны, как и в северо-западной части ареала, но гидронимы на $V_n(b)ga$ здесь единичны. Засвидетельствованы только *Якишанга* в верховьях Ветлуги, *Волманга* в верхнем течении Моломы и *Лундонга* в басс. Лузы. Гидронимов на $V_n(b)ga$ в ареале V_g значительно меньше, чем названий на V_g (а в басс. р. Юг гидронимов на V_g даже в два раза больше), но они обозначают наиболее крупные притоки Юга (*Енанга*, *Кильченьга*, *Китшеньга*, *Кичменьга*, *Курденьга*, *Шарденьга*, *Шарженьга*). К этому надо добавить, что и в структурном отношении наименования на V_g никак не соотносятся с названиями на $V_n(b)ga$ (подробнее об этом см. 2). Отсюда следует, что гидронимы на V_g и $V_n(b)ga$ принадлежали различным языкам,

притом язык названий на $Vn(b)ga$, по-видимому, предшествовал языку гидронимов на Vg .

Ареал $Vn(b)ga$ особенно плотен в пространстве между Сухоной, Сев. Двиной и Онегой. Он вырождается в Белозерском крае, Поморье и на правобережье Сев. Двины (карта 2).

Экстраполяция соотношения ареалов Vg и $Vn(b)ga$ на ареалы Vga и $Vn(b)ga$ встречает определенную трудность в их сходстве, которое, как полагают, может быть обусловлено языковой идентичностью. Однако внимательное сравнение этих ареалов (карты 1, 2) выявляет существенные различия между ними (бóльшая протяженность Vga в северном направлении, ответвление ареала $Vn(b)ga$ в зону названий на Vz^1), тем не менее возникающие сложности дифференциации побуждают обратиться к более детальному картографированию.

Многочисленность и очевидная разнородность фактов обусловили необходимость определенного ограничения: картографировались только частотные названия, которые являются наиболее надежными (карты 4, 5).

На карте 4 воспроизведены результаты картографирования гидронимов на $Vn(b)ga$ с наиболее частотными основами (*печ* – 13 названий, *юрм* – 12, *яхр* – 10, *сельм* – 8, *мехр* – 6, *нор* – 6, *корм* – 5). Оказалось, что все они находятся в зоне между Сухоной, Сев. Двиной и Онегой, т.е. там, где ареал $Vn(b)ga$ плотен².

¹ Карта 2 в СТРС I, 340 схематична, но отражает эти различия, не показывая, однако, плотность ареалов. Кроме того, на ней воспроизведена только та часть ареала $Vn(b)ga$, где этих названий особенно много, что оговорено в тексте (СТРС I, 263).

² Единственное исключение – *Печеньга XIII* на крайнем севере Кольского полуострова (фин. *Petsamo*) – результат поздней миграции какой-то части носителей языка топонимии на $Vn(b)ga$ (наряду с другими названиями этого типа вроде *Альденьга*, *Ваеньга* и т.п.) или русской переделки местных названий по привычной модели.

Повторяющихся наименований на *Vga* значительно меньше (см. 3.2.). Поэтому на карту 5 нанесены все дифференцирующие гидронимы с частотностью от 5 до 2. Большая часть из них характерна только для северо-востока РС, а меньшая для территории между Онегой, Сев. Двиной и Сухоной, где ареал *Vn(b)ga* особенно плотен. Лишь один гидроним *Сюрега* (частотность 2) был зафиксирован как северо-восточнее, так и южнее Сев. Двины. Но это явно прибалтийско-финское название (см. 4.2.), связанное с поздней миграцией (приб.-фин. *i* передаётся рус. *у*).

Сравнение карт 4 и 5 свидетельствует, что названия на *Vga*, которые находятся на северо-востоке региона, ареально противостоят гидронимам на *Vn(b)ga*, т.е. эти два гидронимических типа восходят к разным языковым источникам. Однако вопрос о названиях на *Vga*, засвидетельствованных в зоне максимальной плотности ареала *Vn(b)ga* в свете этих данных остается открытым.

Картографирование частотных коррелятивных названий на *Vga* (см. 2.) полностью подтверждает полученные ранее результаты. Они членятся на те же две группы – северо-восточную и южную (см. карту 6).

3.5. Некоторые результаты сопоставительного анализа

Соответствия и различия между названиями на *Vg*, *Vga* и *Vn(b)ga* показательны. Коррелятивные названия, которые прежде всего обращают на себя внимание, близость формантов, очевидная в случае *Vg* ~ *Vga*, смежность ареалов или их сходство, наконец, фонетические соответствия свидетельствуют о том, что мы имеем дело с близко родственными языками, которые, однако, не следует отождествлять. Случайные совпадения, обычные в субстратной топонимии, и нивелирующее действие русской адаптации ни в какой мере не могут изменить общую картину, которая

даже в русской ипостаси воспроизводит при явно общих и многочисленные различительные черты.

1. Лексические, фонетические и ареальные различия указывают, что языковые общности *V₂*, *V_{2a}* и *V_{n(b)}a* не сводятся к одному источнику, при этом складывается впечатление, что в своем большинстве названия на *V₂* и *V_{2a}* составляют более поздний пласт.

2. Смежность ареалов и сходство формантов позволяют допустить ту или иную степень родства у гидронимов на *V_{2a}* и *V₂*, а также что детерминант *V₂* возник из более древней двусложной формы вследствие утраты конечного гласного. Очевидно, что по своей структуре названия на *V₂* представляли собой номинативную конструкцию. Менее вероятно, что в русской форме адаптировались как номинативная, так и генитивная конструкции. Так или иначе, но в названиях на *V₂* нет никаких следов прибалтийско-финской конструкции с род. ед. *n*.

3. Плотный и четкий ареал названий на *V₂*, а также наличие в его пределах географического термина *Юг* в самостоятельном топонимическом употреблении (3 гидронима) свидетельствуют о том, что на этой территории русским предшествовала определенная лингвоэтническая общность финно-угорского происхождения. В русской летописи под 1396 г. упоминаются некие южане: «А се имена живущимъ около Перми землямъ и странамъ и местомъ иноязычнымъ: *Двиняне, Устюжане, Виляжане, Вычежане, Пенежане, Южане, Серьяне, Гаияне, Вятчане, Лопь, Корела...*» [ПСРЛ 11: 165]. Трудно сказать, действительно ли летописные южане были какой-то лингвоэтнической группой финно-угров или это уже территориальное наименование русских, но вряд ли есть более удобный термин для обозначения носителей местного топонимического субстрата. Поэтому в дальнейшем

будем пользоваться терминами «южанская топонимия», «южанский язык» и т.п., понимая под ними соответственно топонимию и язык финно-угорского этноса («южан»), создавшего гидронию с формантом *Vz* на юго-востоке РС.

4. География гидронимов на *Vza* свидетельствует о некоторых особенностях в территориальном распределении структурно-фонетических подтипов названий с этим детерминантом.

Ареалы наиболее распространенных гидронимов на *юга* и *ега* в основном совпадают. Это связано с тем, что *ега* очень часто восходит к *юга*. Однако источником для *ега* могли быть и форманты *ога*, *уга* с предшествующим шипящим. Всё же некоторые различия между ареалами *юга* и *ега* имеются. В ряде случаев они, по-видимому, объясняются степенью освоённости местной топонимии русскими. Гидронимов на *ега* нет или почти нет в глухих до недавнего времени микрорегионах РС, например, в басс. Пёзы, верховьях Пинегы, басс. Устья и некоторых других местах. В то же время налицо увеличение количества названий с формантом *ега* на западе региона и уже полное преобладание их в районе западнее Онеги между Кенозеро и оз. Лача. Поэтому можно допустить, что на западе региона в субстратной топонимии был шире распространен формант **jog(V)* прибалтийско-финского типа, а на востоке – **jug(V)*, более близкий к саамским и пермским источникам. Разумеется, могло иметь место и взаимопроникновение названий с этими формантами соответственно на запад и восток РС и выравнивание топонимических рядов по господствующей в микрорегионе модели уже в русском языке, так что эти наблюдения относительно, но в целом они соответствуют общей тенденции – прибалтийско-финское влияние особенно усиливается на западе РС, что вполне естественно.

5. Из фонетических особенностей гидронимов на *Vz* наиболее показательное полное преобладание среди интервокальных шипящих звука *ч* (13 фиксаций, а также в группах с сонорными согласными *лч*, *льч*, *мч*, *рч* при единичных фиксациях *жс*, *рш*, *шт* ~ *ш* и отсутствии интервокального *ш*), что, вообще говоря, напоминает ситуацию в саамских диалектах РС, где саамские аффрикаты в этой позиции совпали в **č* или **č̥*, отразившись в русских диалектах в виде *ч* (см. об этом СТРС II, 220–222). О саамских аффрикатах и сочетаниях других согласных с аффрикатами см. [Korhonen 1981: 159, 186–187].

В гидронимии на *Vza*, распространенной в южной части РС, точнее в басс. Ваги, также представлены консонансы с аффрикатой *ч* в постпозиции, ср. *Ильчуга*, *Семчуга* и т.п. (12 гидронимов). К ним можно причислить и подобные названия в смежной части басс. Сухоны (*Камчуга*, *Кирчуга*). Здесь же обычны и гидронимы с интервокальным *ч*. В северной части РС картина меняется: консонансы с *ч* не засвидетельствованы вообще¹, хотя названия с интервокальным *ч* встречаются.

6. Лексических соответствий между гидронимами на *Vz* и *Vza* довольно много (см. 3.2.), и они подтверждают, что язык гидронимии на *Vz* в этом отношении был достаточно близок к языку (или языкам) гидронимии на *Vza*. Дифференцирующие названия с формантом *Vza*, отсутствующие в ареале *Vz* (см. 3.2.), в свою очередь показывают специфичность языка (языков) гидронимии на *Vza* и невозможность отождествления названий на *Vz* и *Vza*. Картографирование дифференцирующих названий на *Vza* (карты 5, 6) показало, что они четко членятся на два микроареала: северо-

¹ К ним явно не относится *Вавчуга* ввиду членения *Вав-чуга* (см. 4.2.), а относительно *Етчуга* и *Путчега* из-за вариантов *Ечуга* и *Пучега* трудно сказать что-либо определенное.

восточный и южный в зоне максимальной плотности названий на *Ин(ь)га*. Северо-восточный ареал совпадает с распространением саамских дифференцирующих основ (см. СТРС II, карты 14–18, 26), южный, по-видимому, связан с севернофинскими источниками. В пределах ареала *Үга* могут быть и поздние прибалтийско-финские названия. На это указывает распространение гидронимов на *Үга* со звуком *х* (< **h*) в анлауте (карта 3).

7. Доэтимологический этап анализа южанской гидронимии ведет к предположению, что эта гидронимия в некоторых отношениях приближается к саамскому языковому типу. Это в общем соответствует выводу, сформулированному еще несколько десятилетий тому назад, о том, что названия на *Үг* «несмотря на ряд близких коми-зырянских соответствий (*Нюрюг* – *нюр* «болото», *Кузюг* – *кузь* «длинный») могут быть даже и не пермскими, а относиться к какому-то финно-угорскому языку, близкому к саамскому» [Матвеев 1968: 35], что в свою очередь оправдывает опыт этимологизации гидронимов на *Үг*, обращаясь к саамским и – с учетом прафинско-саамской (раннеприбалтийско-финской) гипотезы – к прибалтийско-финским источникам.

В то же время необходимо учитывать территориальную смежность гидронимов на *Үг* с марийско-мерянскими и пермскими названиями Верхнего Поволжья и Нижнего Прикамья. Вполне может быть, что в южанском языке были лексические элементы, родственные волжским и пермским языкам или заимствованные из этих языков. Поэтому автор приводит в этимологических статьях также волжские и пермские этимологии.

8. В отличие от севернофинских названий с формантом *Үг*, ареал которых четок и относительно невелик по сравнению с территорией РС, ареал гидронимов на *Үга* очень широк, охватывая почти весь РС (см. карту 1). Кроме того, гидронимы на *Үга*

обнаруживаются и на некоторых смежных с РС территориях, в частности, в Республике Коми¹, в Ненецком автономном округе, в Республике Карелия и Мурманской области.

Надо, однако, заметить, что на смежных территориях с нерусским населением формант *Vga*, как правило, фиксируется в русских названиях, а в языке местного коренного населения всегда выступает иная форма, ср. *Варзуга* (Мурм, Терск) и саам. *Vjâršji*, *Мезрега* (Карелия, Олон) и ливв. *Mägrii*, *Лонтюга* (Коми, Удор) и коми *Лопи*, *Лопи ю* и т.п. Решить, какая форма первична, не так просто: можно допустить, что *Vga* на смежных территориях является более поздней русской «аффиксацией» по распространенной на РС модели. Больше оснований, однако, видеть в этих гидронимах отражение более древнего состояния. Они как бы продолжают основной массив названий на *Vga* в различных направлениях и в общем в разных языках адаптируются почти одинаково (*ji*, *ii*, *i*), что представляет большой интерес, но пока не нашло объяснения. Ни в прибалтийско-финских, ни в саамском, ни в пермских языках эти «форманты» невозможно связать с какими-либо значащими элементами², что и доказывает их вторичность. Эти параллельные названия, естественно, важны для этимолога, но они выходят за пределы собственно русской лингвоэтнической зоны (ср. 1).

¹ В памятниках, относящихся к территории Республики Коми, гидронимы на *Vga* встречаются очень часто, ср., например, удорские *Венюга*, *Киюга*, *Лонтюга* и т.п. [АСВР III, № 291a].

² Ближе всего фин. *oja* «ручей» с его соответствиями в прибалтийско-финских и в саамском языках, а также гидронимы с формантами *ей*, *ея*, *ий*, *ия*, *ый*, *ья* в СТРС, однако и в этом случае фонетическую эволюцию **oja > ii* и т.п. трудно представить, а на РС появление подобных формантов явно связано с русской адаптацией по роду прилагательных (см. разработку этого вопроса на вепском материале в [Муллонен 1988: 44–47]).

9. У гидронимов на *Vga* могут быть разные источники. На такой обширной территории, как РС априорно нельзя ожидать генетической однородности в рамках столь распространенного топонимического типа, во-первых, ввиду возможной разноязычности и многодиалектности громадного топонимического континуума, во-вторых, в связи с функционированием в его пределах общего детерминанта, в древности выступавшего в фонетически более близких модификациях, наконец, в-третьих, вследствие нивелирующей роли русской адаптации и втягивания генетически разных языковых фактов в единый топонимический ряд.

Даже поверхностный фонетический анализ названий рек на *Vga* показывает, что они неоднородны. Так, например, гидронимы с начальным *x*, типичным индикатором прибалтийско-финской топонимии, характерны прежде всего для запада региона и единичны на других территориях РС. Это согласуется со сделанным ранее выводом о том, что именно в нижнем течении Онеги хорошо представлены прибалтийско-финские микротопонимы и гидронимы (СТРС II, 114–131, 194–205). Соответственно уменьшается вероятность того, что гидронимы на *Vga*, засвидетельствованные на других территориях, являются прибалтийско-финскими.

Нельзя исключить также, что, кроме прибалтийско-финских и саамских гидронимов на *Vga*, на востоке РС, особенно в бассейнах Мезени и Пинеги, были и пермские названия с этим же формантом (из др.-перм. **jug*). М. Фасмер предложил целый ряд этимологий такого рода, правда, в своем большинстве неудачных [Vasmer 1936]. Их поиск вел и автор (см. [Матвеев 1968; 1969: 54]). Наконец, наличие общих основ в гидронимии на *Vga* и *Vz*, а также – при более широком сравнении – в субстратных названиях Русского Севера и Верхнего Поволжья, наводит на

мысль о необходимости учитывать волжско-финские (особенно марийские и мерянские) лексические факты, аналоги которых могут встретиться в южной и юго-восточной части РС. Совокупность этих обстоятельств обуславливает необходимость последовательного приложения к гидронимии с формантом *Vza* в процессе поиска ее потенциальных источников прежде всего фактов таких языков, как прибалтийско-финские, саамский, коми и марийский. Различные возможности интерпретации при необходимости обсуждаются в рамках этимологических статей (4.2.).

10. Гидронимия на *Vn(b)za* имеет многочисленные параллельные названия в гидронимах на *Vza* (см. 3.2.), но наиболее частотные наименования с основами *печ*, *юрм*, *яхр*, *сельм*, *мехр*, *нор* (см. 3.2.) относятся к числу дифференцирующих и географически связаны с «эпицентром» названий этого типа в «важском треугольнике». Другая особенность названий на *Vn(b)za* – господство консонансов с шипящими и свистящими в постпозиции в отличие от наименований на *Vz(a)*, которые характеризуются преобладанием консонансов с *ч* в постпозиции. Все это указывает на то, что названия на *Vn(b)za*, будучи генетически близкими к гидронимам на *Vz(a)*, принадлежат другому лингвоэтническому образованию, если не во всей своей массе, то, во всяком случае, в центральной части ареала. Учитывая географию, этот язык можно было бы назвать важско-финским или важанским. Логично предполагать, что наименования на *Vn(b)za* образуют подстилающий пласт, впоследствии перекрытый названиями на *Vz(a)*, при этом происходило интенсивное взаимодействие между пластами, которые в свою очередь были неоднородны (ср. показательную реализацию важной семантемы «озеро» в гидронимии на *Vn(b)za* как *яхр*, *явр* и *яр*). Что касается мнимого совпадения ареалов *Vz(a)* и *Vn(b)za*, то их сходство, очевидно, связано с двумя

последовательными потоками миграции близко родственных финских племен из более южных территорий Верхнего Поволжья, которые направлялись по естественным водным путям – Сухоне и Югу на Сев. Двину и ее важнейший левый приток Вагу. Западная часть региона – Шексна, Белозерский край и Онега, видимо, была менее доступна для миграционных движений с юга, поскольку здесь обитали другие этнические группы финского происхождения, освоившие удобные для жизни «озерные» территории. В Белозерье, возможно, это были носители гидронимии на *бой*, родичи тех саамов, которые занимали север региона.

4. Этимологический анализ

4.1. Предварительные замечания

Принципы этимологического изучения субстратных топонимов кратко изложены в СТПС I, 71–100, а более подробно в [Матвеев 2006: 55–132]. Однако этимологизация гидронимов на $V_2(a)$ и особенно на $V_n(b)za$, несмотря на их многочисленность и явно финское в широком смысле слова происхождение, встречается с большими трудностями как из-за разнообразия источников, так и вследствие пестроты апеллятивных составляющих. Поэтому автор не стремился к сплошной, массовой этимологизации, которая в целом может оказаться ошибочной (ср. «иранские» этимологии А.И. Соболевского и «угорские» Б.А. Серебренникова). Учитывая сложность проблемы, он прежде всего руководствовался результатами сопоставительного анализа и обращал внимание на наиболее перспективные в этимологическом отношении основы, особенно на повторяющиеся, поскольку их «топонимичность» более очевидна, а также фонетически более информативные (типа CVCC), потому что возможности их успешной интерпретации выше. Это, разумеется, совсем не означает, что гидронимы с наиболее распространенными основами типа CVC и весьма редкими типа VC и CV были обойдены в нашем исследо-

вании, однако в таких случаях этимологизация, как правило, следовала принципу семантической мотивированности топонимов, а с фонетической стороны – моделям потенциальных комбинаторных изменений в консонантном составе основ.

Изучение СТРС показывает, что особенно большую роль в ее формировании играли лингвоэтнические компоненты, имеющие саамские и прибалтийско-финские соответствия. Это характерно и для гидронимов на *Vga* и *Иn(ь)ga*. Поэтому в поисках этимологических решений автор обращается прежде всего к саамской и прибалтийско-финской апеллятивной лексике.

Решая вопрос о возможных языках-источниках гидронимии необходимо учитывать и результаты этимологического анализа субстратных микротопонимов, сопоставляя основы гидронимов и микротопонимов. Эта процедура разработана в [Матвеев 1969] и широко используется в СТРС II. Так, наряду с микротопонимами *Кортеванга*, *Кортмина*, где *корте* ~ фин. *korte*, диал. *korteh*, карел., люд. *korteh*, вепс. *kortez* «хвощ», в СТРС дважды зафиксирован и гидроним *Кортюга* (подробнее см. СТРС II, 43). Это позволяет предположить, что и гидронимы с формантом *Vga* могут иметь прибалтийско-финское происхождение. Аналогично устанавливается, что в случае *Шидьега* гидроним может быть саамским (саам. сев. *sii'dâ* «деревня»). А поскольку субстратная микротопонимия РС интерпретируется прежде всего из прибалтийско-финских и саамских источников, гидронимы на *Vga* также следует сравнивать прежде всего с прибалтийско-финской и саамской лексикой.

Однако возможности этого приема ограничены. Он не был особенно полезен при этимологизации гидронимов на *Иn(ь)ga*, поскольку те в большинстве случаев воспринимаются как субсубстратные. И был вообще неприменим в ареале *Vg*, так

как эту территорию рано освоили русские и субстратные микро-топонимы здесь единичны.

Севернофинские гидронимы могут иметь соответствия в лексике разных финских языков. Преобладают параллели в саамском и прибалтийско-финском апеллятивном инвентаре. Однако нередко соответствия и в волжско-финских источниках, особенно в марийских. Для гидронимии правобережного Подвинья и Примезенья обнаруживаются параллели и в пермских языках. В этимологических статьях предлагаемые апеллятивные соответствия обычно приводятся именно в этой последовательности. Но порядок может быть изменен при бóльшей близости гидронима тому или иному соответствию. Таким образом, в статьях могут обсуждаться несколько этимологий, и в этих случаях поиск наиболее адекватного решения принадлежит будущему.

Автор использует знак ~ («соотносится») и не употребляет «знаки сомнения» (?, ??, ???). Первое связано с необходимостью подчеркнуть, что пометы фин., саам. и т.п. означают не источник гидронима, а язык в котором данное название имеет соответствие. Этимологизируются наименования мертвых неизвестных языков, поэтому прямолинейная отсылка к каким-либо языкам и диалектам может быть ошибочной. Второе вызвано тем, что во всех «условных» топонимических этимологиях (см. о них [Матвеев 2006: 71]), а таковых большинство, можно сомневаться, градация же сомнений субъективна.

Этимологические статьи приводятся по алфавиту гидронимов. В статьях названия с формантом $V_2(a)$ предшествуют наименованиям с формантом $Vn(b)za$. Это обусловлено не только алфавитным принципом подачи материала, но и прозрачностью структуры названий на $V_2(a)$. Намного более многочисленные

гидронимы на *Vza* предшествуют названиям на *Vz*. Между гидронимами на *Vz(a)* и *Vn(b)za* ставятся две косые черты (/).

Статьи построены так же, как в СТРС I и СТРС II, однако изменена географическая привязка. Посредством знака > («впадает в») обозначаемая гидронимом река последовательно включается в речную систему региона вплоть до наиболее крупного гидрообъекта¹. Кроме того, в скобках приводится географическая привязка устья реки: в сокращенной форме указывается наименование области и района.

4.2. Этимологии

Авдюга > Стрельна > Сухона (Влг, В-Уст). Прасаам. **āvtę*, саам. сев. *haw'dâ*, Инари *hauda*, Колтта *audd*, Кильдин *āvd*, тер. *āvd* «гага» [YS: 16–17] или прасаам. **āvtē*, саам. сев. *haw'de*, Инари *hävdi*, Колтта *äudd*, Кильдин *āvd*, тер. *āvde* «могила», «яма» < фин. *hauta* «то же» [YS: 16–17].

Авженьга > Вандыш > Волошка (Арх, Кон). ~ Саам. норв. *aw'žę*, Инари *ävžī* «расселина, лощина, ущелье с крутыми склонами» [ILW I: 50], сев. *avčī* «глубокая долина, покрытая лесом» [LW: 42]. Саам. > фин. диал. *autsi* «глубокое ущелье» [SKES: 30]. В верхнем течении Авженьга протекает по глубокой лощине, покрытой лесом.

– *Овженьга* (ошибочно!) (Олон. г., Карг. у.) может быть, содержит саам. *awčō*, *awčę* «узкая долина с крутыми склонами» [Vasmer 1936: 212].

¹ К ним относятся: Белое море, оз. Белое, Вага, Вашка, Вель, Ветлуга, Виледь, Водла, оз. Воже, Волошка, Вычегда, Вятка, Кокшеньга, Кострома, Кубена, оз. Кубенское, оз. Лача, Мезень, Молома, Моша, Онега, оз. Онежское, Пинега, Сев. Двина, Сояна, Сухона, Унжа, Устья, Юг.

Авнега (*Авнежска, Авнюга, Авнюжска*) > Шейбухта > Сухона (Влг, М-Реч). **Авнюга** (*Авнега, Авнига, Амнега*) > Сев. Двина (Арх, В-Т). ~ Фин. *aита*, ливв. *aипи*, люд. *aипе*, эст. *aип* «стог, скирда, копна» [SSA 1: 89].

Азеньга (*Азенга, Азиньга*) > Пежма > Вага (Влг, В-Важ). ~ Фин. *ase* «военное или охотничье оружие», «орудие, инструмент», ижор. *asu* «орудие, инструмент», «парусное судно», карел. *ase* «оружие; ружье; палка», вепс. *azeg* «палка, кол, дубина, жердь», вод. *aze* «сосуд». Фин. > саам. норв. *asá* «оружие, орудие», Колтта *āzzä* «вещь». Образовано от того же корня, что и слова *asea* «ставить», *asua* «жить» [SSA 1: 85]. Возможности семантической интерпретации многообразны.

Андога > Суда > Рыбинское вдхр. (Влг, Череп). **Андюга** > Чалекса > оз. Белое (Влг, Бел). // **Анданга I** > Шарженьга > Юг (Влг, Ник), **Анданга II** (*Ветлужская Анданга*) > Юг (Влг, Ник), **Анданга III** (*Спасская Анданга*) > Юг (Влг, Ник). ~ Фин. *antaa*, ижор. *antā*, карел. *antoa*, люд. *ant(t)a*, *andada*, *andoa*, вепс. *ant(ta)*, вод. *antā*, эст. *anda*, лив. *andā* «давать» = саам. норв. *wuow'det* (соответствия в диалектах Уме, Пите, Луле, Инари, Колтта) «продавать», морд. *andoms* «кормить», удм. *udñi*, коми *udñi* «поить; кормить», венг. *ad* «давать» (фин.-угор. **amta-*) [SSA 1: 77; UEW: 8]. Ср. также прасаам. **entē*, саам. сев. *âd'det*, Инари *added*, Колтта *âdded*, Кильдин *añded*, тер. *oñded* «давать» < фин. *antaa* [YS: 10–11]. При всех трудностях интерпретации структуры и семантики названий с этой основой предлагаемая этимология пока является единственно приемлемой.

– Ahlqvist 1887: 25; Богданов 1951: 30; Ткаченко 1985: 47, 62, 65, 68, 82, 116–117, 132–133, 172, 179; Матвеев 1995; 1997: 38.

Ачуг > Ветлуга (Киров, Шаб). ~ Прасаам. **ēcé* (зап. диал. – **āććē*, вост. – **ēćē*), саам. сев. *ač'če*, Инари *eeči*, Колтта *ečč*, Кильдин *ačč*, тер. *jiečče* «отец» [YS: 10–11] = фин., ижор., карел. *isä*, люд. *iža*, *ižä*, вепс. *iža*, вод. *isä*, эст. *isa*, юж. *esä*, *edsä*, *jedsä* «отец» ~ мар. *əzä*, *iza*, *iža* «старший брат; младший брат отца» [SSA 1: 229]. Другая возможность: мар. *ача*, горн. *äтя* «отец», «свекор» [СМЯ 1: 120], ср. фин. *ati* «свекор» ? = эрз. *at'a*, мокш. *at'ä* «дед», «старик», мар. *at'ä*, *at'sa* «отец» (?< чув.), удм. *ataj* «отец» (?< тат.), венг. *atyа* «отец» [SSA 1: 88]. Ср. **Ичуг**. Если принять саамскую этимологию, для гидронима *Ачуг* исходной может быть праформа типа **āććē*, а для *Ичуг* – типа **ēćē*. Ср. еще фин.-перм. **aśa* «(речной) луг, долина» [UEW: 3].

Бохтюга I (*Boхтюга*) > Сухона (Влг, Сок), **Бохтюга II** (*Boхтюга*) > Шиченьга > Сямжена > Кубена (Влг, Сямж). **Вохтюга** (*Boхтюга*) > Лежа > Сухона (Влг, Гряз). **Уфтюга I** (*Ухтюга*) > Пуя > Вага (Арх, Вель), **Уфтюга II** > Сев. Двина (Арх, К-Б), **Уфтюга III** > Устья > Вага (Арх, Уст), **Уфтюга IV** > Сухона (Влг, Нюкс), **Уфтюга V** > Кокшеньга > Устья > Вага (Влг, Тарн), **Уфтюга VI** (*Охтюга*) > оз. Кубенское (Влг, У-Куб). **Ухтюга I** (*Уфтюга*) > Илеша > Пинега (Арх, В-Т), ***Ухтюга II** (< *Ухтюжка*) > Лежа > Вологда > Сухона (Влг, Гряз). // **Бохтеньга** (*Boхтиньга*, *Вохтеньга*) > Ухтомица > Модлона > оз. Воже (Влг, Кир). **Вохтонга**, оз. (Влг, Сок). **Охтонга** > Бол. Порма > Волошка > Онега (Арх, Нянд). **Ухтанга** (*Ухтенга*, *Ухтонга*, *Ухтоньга*) > Сухона (Влг, Тот). **Ухтаньга** (*Ухтоньга*) > Ваеньга > Сев. Двина (Арх, Вин).

Топонимы с основами *бохт*, *вохт*, *охт*, *ухт* и *уфт* (< *ухт*) на РС засвидетельствованы в самых различных структурных типах и в многочисленных фиксациях. Дискуссия о их происхожде-

нии продолжается до сих пор. Наиболее серьезные версии: 1. ~ хант. *oxet* «волоок», манс. *ayit*, *āxēt* «сток озера, реки»; 2. ~ субстр. приб.-фин.-саам.-волж.-фин. *окса* ~ *охта* «протока», «река»; 3. ~ фин. *ohto*, эрз. *ovto*, *ofto* «медведь». Не исключено, что у названий с этими основами могут быть разные источники, но гидронимы с основами *бохт*, *вохт*, *ухт* ~ *уфт* и детерминантом *Vga*, по-видимому, одного происхождения. На это указывает их достаточно четкий общий ареал в южной части РС (карта 7). Гидронимы на *Vga* с основами *бохт*, *вохт* и *ухт* ~ *уфт* иногда смежны (*Бохтюга I* и *Вохтонга* в басс. оз. Кубенское, *Вохтога* и **Ухтюга II* в басс. р. Лежа), однако в целом названия с основами *ухт*, *уфт* более характерны для восточной части ареала, а с основами *бохт*, *вохт* – для юго-западной. Возможно, они восходят к разным диалектам (языкам).

Существенно, что гидронимы на *Vga* с этими основами в ареальном отношении противостоят саамским названиям северной части региона и вписываются в юго-восточную «северно-финскую» зону.

Для этимологии важно, что оз. Долгое в верховьях р. *Ухтомица* смежно с оз. *Волоцкое* в истоке р. *Ухтома* > оз. Белое (Влг, Вашк), оз. *Вохтонга* расположено близ р. Бол. Пучкас против устья р. *Вохтома*, а р. *Волохтомка* (> Свидь > оз. Лача) берет начало в бол. *Перелаз* (Арх, Карг).

– *Уфтюга* ~ коми *улт* «нижний» [Веске 1890: 9], *ult*, *uvt* «подставка, прокладка (< нижний)» [Vasmer 1936: 245, 249]; *Бохтюга* ~ саам. норв. *bakte* «скала» [Vasmer 1936: 189]; *ухт* (*охт*, *вохт*, *бохт*): фин. *ohto*, морд. *овто* «медведь» [Попов 1947: 305–307; Матвеев 1970а: 476], субстр. приб.-фин.-саам.-волж.-фин. *окса* ~ *охта* «протока», «река» [Матвеев 1970а: 477; Поспелов 1970: 101], хант. *охгт*, *охгот*, *ухгт*, *ухгут* «перешеек», «во-

лок», манс. *axт* «протока» [Афанасьев 1976: 21–26]; см. также [Керт, Мамонтова 1982: 45–47; Шилов 2001: 14–16; Муллонен 2002: 208–215].

Вавчуга > Сев. Двина (Арх, Холм). Это очень интересное название, на первый взгляд, ничем не отличается от таких гидронимов с детерминантом *Vga*, как *Мельчуга*, *Нерчуга*, *Севчуга* и т.п. Но в действительности все обстоит сложнее. На карте масштаба 1: 100 000 есть продолговатое оз. *Вавчугское*, в которое впадают рр. Северная и Летняя, а также показан сток из этого озера, примыкающего к Сев. Двине. В картотеке ТЭ зафиксированы с. *Вавчуга* и оз. *Вавчугское*. К сожалению, наименование озерного стока сотрудники экспедиции не выявили, но в письменных источниках оно засвидетельствовано. Так, о р. *Вавчуга*, небольшой, но глубокой, в устье которой находится одноименное село, упоминает знаток Беломорского края А. Михайлов [Михайлов 1868: 11]. Здесь же он справедливо замечает, что это наименование финского происхождения. Позднее М. Фасмер объясняет его следующим образом: «Можно попытаться увидеть в этом названии финское *Valkeajoki* от фин. *valkea*, эст. *valge* «белый». Второе *в* русского наименования могло быть диалектным отражением *л* = *й*. Значение я считаю вероятным, поскольку эта местность называется как *Вавчугская*, так и *Белая Гора*» [Vasmer 1934: 421–422]. В этимологии Фасмера есть, однако, слабое место: звук *ч* остается без объяснения. Между тем ключ к этимологии действительно в параллельном названии *Белая Гора*, которое как обозначение одного из «околков» Вавчуги было зафиксировано и ТЭ. Рассматривая это наименование в качестве метонимической кальки, следует, однако, членить его не *Вавч-уга*, выделяя гидроформант *Vga*, а *Вав-чуга*, где *чуга* ~ прасаам. **čokke*, саам сев. *čok'kâ*, Кильдин *čâkk* «вершина» [YS: 24–25]. Неподалеку по

р. Пинега есть д. *Чуга*, расположенная на высоком холме рядом с д. *Горка*, а в соседнем районе (Арх, Пин) есть еще одна д. *Чуга*, близ которой находятся дд. *Гора* и *Холм* (подробнее см. СТРС II, 102–103). Что касается основы *вав*, то, видимо, Фасмер прав, и надо восстанавливать ее в виде **valg* или **valk* «белый». Но в саамском языке нет соответствия этому прибалтийско-финскому слову. Следовательно, как и в ряде других случаев, приходится предполагать, что в языке древних саамов РС слово с такой основой существовало. Ср., однако, **Вовнега**.

Важуга > Уфтюга > Сев. Двина (Арх, К-Б). // **Важеньга** > Уфтюга > Кокшеньга (Влг, Тарн). ~ Прасаам. **vāset*, саам. сев. *vāžā*, Инари *vaij*, Колтта *vaaij*, Кильдин *vāž*, тер. *važ* «самка северного оленя (важенка)» [YS: 144–145] > рус. диал. (Арх, Влг) *важена*, *важенка* «самка оленя, лося, приносящая потомство» [МС 1: 47–48]. Ср. также коми *важ* «старый» [КЭСК: 46], засвидетельствованное в названии протоки *Важуг* (пойма Мал. Печоры, Ненец) и мар. *вож*, горн. *важ* «корень», «источник» [СМЯ 1: 257]. В [UEW:825] как мар. *waž*, *wož* «разветвление», так и коми *vož* «исток», «рассоха» выводятся из фин.-перм. **woša* «разветвление реки (дороги)».

– *Важеньга* (Волог. г., Тотем. у.), может быть, от коми *važ* «старый» [Vasmer 1936: 245].

Ваймога (*Ваймуга*) > Лахома > Уфтюга > Сев. Двина (Арх, К-Б). **Ваймуга** (*Ваймога*) > Емца > Сев. Двина (Арх, Холм). // **Вайманьга** (*Вайменга*, *Вайменьга*, *Вайминьга*) > Вага (Арх, Шенк). ~ Фин., ижор., карел. *vaito* «жена, супруга; женщина», эст. *vaht* «дух, привидение» ~ эрз. *ojte*, мокш. *vajmā* «дух, душа; живое существо» [SSA 3: 392] = прасаам. **vājmtō*, саам. сев.

vaib'mo, Инари *vaimu*, Колтта *väimm* «сердце, мозг; нрав» [YS: 144–145].

При сопоставлении данных различных финских языков устанавливается первоначальная семантика «находящийся внутри», поэтому значение апеллятивов, от которых образованы топонимы, может быть истолковано двояко – «внутренний» и «женский, бабий». Для гидронимов *Ваймога* и *Ваймуга* первое значение подтверждается реалиями, следовательно, его надо считать не менее вероятным, чем второе. В [UEW: 809] восстанавливается близкое по смыслу фин.-волж. **wajmz* «сердце». Вместе с тем примечательно, что на р. Ваймуга есть порог *Бабик*.

– *Ваймуга* ~ саам. *waimu* «сердце, внутренность» [Castrén 1862: 102], фин. *vaimo* «жена, женщина» [Vasmer 1936: 421].

Ваманга > Березовка > Сойга > Сев. Двина (Арх, В-Т). **Вамшереньга** > Шереньга > Вага (Арх, Шенк). ~ Прасаам. **ōmē*, саам. сев. *oames*, Инари *oami*, Колтта *viüämes*, Кильдин *viemetes*, тер. *viētes* «старый» [YS: 92–92] < урал. **oma* «то же» [UEW:337]. См. также KKS: 771–772, 1035. Гидроним *Вамшереньга* («Старая Шереньга») указывает на адъективный характер лексемы. Это название семантически тождественно гидрониму *Старая Тотьма* (Влг, Тот). Кроме того, немаловажно, что на Вамшереньге есть ур. *Городище*.

Варзуга I > Выя > Пинега (Арх, В-Т), **Варзуга II** > Белое море (Мурм, Терск), **Варзуга III**, луг (Арх, Карг). // **Варзеньга** (*Варзиньга*) > Сев. Двина (Арх, В-Т). ~ Фин., ижор., карел. *varsa*, люд. *varz(e)* «жеребенок», вепс. *varz* «жеребенок», «жеребец (обычно молодой)», вод. *varsa*, эст. *varss*, лив. *vārza* «жеребенок»; фин. > саам. норв. *var'sa* (соответствия в диалектах Луле, Инари) «то же» [SSA 3: 412].

Варога (*Варага*) > оз. Бол. Михайловское (Арх, Холм). // **Вареньга I** > Пежма > Вага (Арх, Вель), **Вареньга II** > Сев. Двина (Арх, Вин). ~ Фин. *vaara*, карел. *voara* «(покрытая лесом) гора» = или (вероятнее) < саам. *varre* «покрытая лесом гора; лес» [SSA 3: 386], ср. прасаам. **vārē* (~ фин. *vaara*), саам. сев. *varre*, Инари *vääri*, Колтта *väärr*, Кильдин *vārr*, тер. *varre* «то же» [YS: 144–145]. Приб.-фин. или саам. > рус. диал. (арх). *вара* «возвышенность, холм, гора» [Kalima 1919: 82–83; Itkonen 1931: 62].

– Матвеев 1969: 48–49.

Ватеха > Вонгуда > Онега (Арх, Он). ~ Фин., карел. *vata* «бредень», люд., вепс. *vada* «небольшой невод», эст. диал. *vada*, лив. *vadā* «невод» [SSA 3: 417–418].

Вачуг > Юг (Влг, К-Г). ~ Коми *ватиш*, *ватишкан* «коро-
стель, дергач, перепел, дрозд», удм. *во́чы* «чирок, дикая утка»,
общеперм. **vačǝ-* ~ мар. *-воч*: *шарвоч* «род дикой утки», эст. *vaiz*,
väiz «вид утки», саам. *vāǰ-lonte* «крохаль», венг. *vöcsök* «чомга»,
доперм. **wǝčǝ-* «вид птицы» [КЭСК: 48]. Древнемарийская форма
восстанавливается в виде **ватча* [ЭСМЯ 2: 147]. Предполагается
фин.-угор. **wajće* «вид утки» [UEW: 552].

Вежога (*Вежуга*) > Низьма > Мезень (Арх, Леш). ~ Коми
вежа «священный, святой» [КЭСК: 50]. О связи этого слова с
коми *веж I* «зеленый», *веж II* «зависть» (~ фин. *viha* «гнев, враж-
да, злоба») и т.д. см. [КЭСК: 49]. Ср. еще коми *веж III*: *туй-веж*
«разветвление дорог» [Там же].

Векшеньга (*Векиньга*) > Сухона (Влг, М-Реч). ~ Мерян.
вёкса «озерный сток», мар. *икса* «залив, заводь, затон, старица»,
«речка, проток» [СМЯ 2: 34], коми *вис* (*виск-*) «проток, протока,
канал (соединяющий озеро с рекой)» [КРС: 104] из **viks-*. Гидро-

ним *Вёкса* засвидетельствован на территории ИМЗ и в верховьях Сухоны на РС, *Икса* – на РС, *Икша* – в ВОМ. Консонанс *ки* в гидронимах *Векшеньга* и *Икша* находит объяснение в высокой частотности группы согласных *ки* в названиях на *Vn(b)ga*. Фонетически близкое саам. Кильдин *vuexs*, тер. *vjekse*, этимологически связанное с прасаам. **ōksē* ~ фин. *oksa* «ветвь» [YS: 92–93], тоже может быть сопоставлено с мерян. *вёкса*, но в этом случае придется отказаться от сравнения *вёкса* с *икса* и *вис* (*виск-*). Этимология поддерживается физико-географическими данными: *Векшеньга* соединена двумя речками (в прошлом протоками) с обширным чистым болотом Сухонское, которое некогда явно было озером. Подробнее об этой группе слов см. [Матвеев 1974].

Верденьга I (*Берденьга, Верзеньга*) > Кубена (Влг, Сямж), **Верденьга II** > Кулой (Влг, Тот), **Верденьга III** > Пиньша > Кубена (Влг, Хар). ~ Фин., ижор., карел *virta*, люд. *vird*, вод. *virta* «поток», «течение». Фин. > саам. норв. *vir'de* (соответствия в диалектах Луле, Инари, Колтта, Кильдин, тер.) «то же» [SSA 3: 460]. Ср. вокализм саам. Нотозеро *vēr^dl^ē* «поток», Патсйоки *veřDī* «быстрый» [KKS: 755].

Вижега > Шидозеро > Подломка > Кожозеро > Кожа > Онега (Арх, Он). ~ Фин., карел. *visa* «свиль, наплыв, кап», люд. *vižkoiv* «карельская береза», эст. *visa* «прочный, стойкий, вязкий», лив. *viza* «твердый», «вязкий (о дереве)» [SSA 3: 461].

Вилюга (*Вилега, Вилига*) > Соденьга > Устья > Вага (Арх, Уст). // **Виленга** (*Виленьга*) > Кожозеро > Кожа > Онега (Арх, Он). ~ Прасаам. **vēlje*, саам. сев. *viel'ljá*, Инари *vilja*, Колтта *villj*, Кильдин *vīl'l'*, тер. *vīl'l'* «брат» [YS: 148–149] = фин., ижор. *veli*, карел. *velji*, люд. *vel'*, вепс. *vel'l'*, вод. *velli*, эст. диал. *veli* «то же»

[SSA 3: 424]. Кроме того, надо иметь в виду фин. *viileä*, ижор. *vīliä*, карел. *viilie* «холодный», «прохладный» [SSA 3: 441].

Вирюга > Пеза > Мезень (Арх, Мез). ~ Прасаам. **vēre*, саам. сев. *vierrâ*, Инари *viera*, Колтта *viõrr*, Кильдин *vīrr*, тер. *virr* «пригорок, холм» [YS: 150–151] = фин., карел. *vieri*, люд. *vier*, вепс. *veí*, эст. *veer* «край; сторона» [SSA 3: 434]. Ср. также фин. *vireä*, карел. *viirie* «резвый, бойкий», эст. *vire* «быстрый» [SSA 3: 455].

Вичуга > Маныловица > Толшма > Сухона (Влг, Тот). ~ Фин. *vitsa*, ижор. *vitsa*, *vitša*, карел. *vittša*, люд. *vitš(e)*, вепс. *vits*, вод. *vittsa*, эст. *vits*, лив. *vitsā* «прут, хворостина; вица» [SSA 3: 465].

– *Вичуга* (Костр. г., Кинеш. у.) ~ мар. *Viče* (р. Белая в Уфим. г.) [Vasmer 1935: 549].

Вовданга > Юрманьга > Кулой > Вага (Влг. Тот). ~ Пра-саам. **vōvtē*, саам. сев. *vuow'de*, Инари *vuevdi*, Колтта *vuvdd* «лес» [YS: 156–157] или прасаам. **vōvtę*, саам. сев. *vuow'da*, Инари *vuovda*, Колтта *vuvdd*, Кильдин *vīv̄d*, тер. *vjv̄d* «ямка», «нора», «дупло», «гнездо (в дупле)» [YS: 156–157].

Вовнега (*Вовнюга*) > Сухона (Влг, М-Реч). Можно сравнить с гидронимом *Вавнйок*, *Вавка*, *Светлая* (> Ловозеро) на Кольском полуострове (Мурм, Лов), засвидетельствованном в [ГСКП: 18]. Саам. *вавн* «светлый» упомянуто в [Казаков 1949: 310], а р. *Wavnjok* в [KKS: 1033]. На современных картах фигурирует р. *Светлая*. Здесь далеко не все ясно, однако в какой-то мере этимология поддерживается гидронимическим двучленом *Вовнас* > *Черный Кер* в басс. р. Юг (Влг, Ник). Ср. **Вавчуга**.

Вожега > оз. Воже (Влг, Вож). Нет сомнения, что гидро-ним и лимноним связаны. Если первично название реки, то целесообразно учесть этимологию М. Фасмера (< коми *vož* «ветвь», «приток»), но только с семантической стороны. Дело в том, что в устье Вожега членится на ряд рукавов, которые имеют свои названия (собственно *Вожега*, *Иксама*, *Кера* и *Укма*). Другие коми названия здесь, однако, не прослеживаются, напротив, *Иксама* сопоставляется с мар. *икса* «залив, заводь. затон, старица», «речка, проток» [СМЯ 2: 34]. Поэтому перспективнее сравнение с мар. *вож*, *важ* «корень», «развилка» [СМЯ 1: 257], обычным в марийском топонимии.

– *Вожега* (Волог. г., Кадн. у.) < коми *vož* «ветвь, разветвление, рукав реки, приток» [Vasmer 1936: 248].

Возюг > Шарженьга > Юг (Влг, Бабуш). ~ Прасаам. **vōsē*, Инари *vyesi*, Колтта *vuess*, Кильдин *vūss*, тер. *viisse* «олененок» [YS: 156–157] = фин. *vasa* «олененок, теленок», карел. *vasa*, люд., вепс. *vaza* ~ морд. *vaz* «теленок» [SSA 3: 414].

Войдуга > Шиченьга > Сямжена > Кубена (Влг, Сямж). ~ Прасаам. **vojte*, саам. сев. *vuoi'dât*, Инари *vuojdađ*, Колтта *vioid-deed*, Кильдин *vījded*, тер. *vījdd* «мазать» [YS: 152–153], саам. норв. *vioidâs* (соответствия в диалектах Пите, Луле, Инари, Колтта) «мазь», «жир» = фин. *voide*, карел. *voije*, люд. *voide*, вепс. *vo-ižę*, вод. *voie* (род. *voidien*), эст. *või* (род. *võide*) «то же», производные от *voi* «масло» [SSA 3 : 468].

Воймуга > Онега (Арх, Он). // **Войманга I**, сливаясь с р. Леджа, образует р. Леденьга > Сухона (Влг, Бабуш), **Войманга** (*Войменьга*) **II** (лев.) и **III** (прав.) > Сухона (Влг, Тот), **Войманга IV** > Толшма > Сухона (Костр, Солиг). ~ Фин. *voima* «сила,

мощь», диал. также «удобрение», «плодоносность», «вкус», «насыщенность», ижор. *voima* «сила, мощь», карел. *voima* «сила, мощь», «плодоносность», люд. *voim* «сила, мощь», «народ, люди, войска», вод. *voima* «сила, мощь», эст. *võim* «власть», «могущество», «сила, мощь» (фин. > саам. норв. *viotbme*, Колтта *vojtmä* «сила, мощь» [SSA 3: 468].

– Матвеев 1960: 113.

Волога > Вожбал > Царева > Сухона (Влг, Тот). **Волюга** > Устья (Арх, Уст). // **Волонга I** (*Воланга*) > Двиница > Сухона (Влг, Хар), **Волонга II** > Чешская губа Баренцова моря (Ненец). ~ Прасаам. **vōlē*, саам. сев. *vuolle*, Инари *vueli*, Колтта *viell*, Кильдин *vüll*-, тер. *ville* «нижний» [YS: 152–153] = фин., ижор., карел., люд., вепс., вод., эст. *ala* в том же или близких производных значениях [SSA 1: 66]. Ср. *Волохтомка* > Свидь > оз. Воже (Арх, Карг). На реке д. *Волохтома*. Атрибутивная основа *вол* имеет значение «нижний», т.е. *Волохтома* – «Нижняя Охтома». Саамские формы фонетически дифференцируются, ср. урал. **ala* «нижний» [UEW: 6].

– *Волонга* ~ фин. *violas* «быстрый, стремительный», саам. *violas* «быстрое течение» [Матвеев 1960: 113]. Ошибочно.

Вондонга I (*Вонданга, Вонданка, Вондомга, Вондомка, Вондонка*) > оз. Воже (Влг, Вож), **Вондонга II** (*Вонданга, Вонданка*) > Молома > Вятка (Киров, Дар). ~ Фин. *onsi*, диал. *onta* «полое или пустое место», «полость, пустота, дупло», диал. также «низина», «ложбина», *ontelo* «полость, пустота, дупло», *ontto* «полый, пустой», диал. «низина», «углубление», «впадина», «яма», «омут», ижор. *ons*, карел. *onsi, ontelo, ontto*, люд. *õndž, on-dus*, вепс. *onž*, эст. *õds* в тех же и близких значениях [SSA 2: 268] = прасаам. **vōmte*, саам. сев. *vuow'dâ*, Инари *vuobda*, Колтта

viõbdd «грудная или брюшная полость» [YS: 152–153] < фин-угор. *omte* «полость» [UEW: 338]. С учетом распространения этой основы на территории ИМЗ (*Вондога, Вондох, Вондюха* и др.) следует иметь в виду и мар. *вондо* «куст, стебель» [СМЯ 1: 282]. Для семантики представляет интерес микротопоним *Вондюх*, название ямы в р. Ниж. Тойма (Арх, В-Т).

– *Вондонга* ~ мар. *вондо* «куст» [Кузнецов 1910: 156; Матвеев 1969: 48–49], *Вондюха* (Влад. г.) ~ мар. *βondo* «стебель»; «тростник» [Vasmer 1935: 568].

Вонжуга (*Воньжуга*) > Устья > Вага (Арх, Уст). ~ Праса-ам. **õńćē*, саам. сев. *oažžē*, Инари *oažžī*, Колтта *viežž*, Кильдин *vieñž*, тер. *vjeñžē* «мясо» [YS: 92–93] = фин., ижор., карел. *osa*, люд., вепс. *oza*, вод. *ęsa*, эст. *osa*, лив. *vozā* «часть», «доля», «судьба», «счастье», «кусочек мяса (фин. диал.)», «мясо» (вод., эст. юж., лив.) [SSA 2: 273].

Вортюга (*Ворчуга*) > Сюма > Вага (Арх, Шенк). ~ Праса-ам. **võŗććē*-, саам. юж. *vuortje*, Уме *vuõŗtjee*, Арьеплуг *vuor'hija*, сев. *vuor'čes*, Кильдин *vũŗžēñž*, тер. *vjŗče* «ворона» [YS: 154–155].

Воченга (*Вочанга, Вочинга*) > Юмиж > Сев. Двина (Арх, В-Т). ~ Саам., ср. сев. *vuoc'čō* «болото, в котором скапливается вода для ручья», Инари *viačši* «длинное узкое болото или залив», Колтта, Сонгельск *viäťš* «узкая полоса болота» [SKES: 1825], Имандра *vuottš* «береговая песчаная отмель» [KKS: 800] > фин. *vuotso, vuotsu, uotso* «длинное узкое болото, водяное место», «береговая отмель» [SKES: 1825].

Выжига (*Выжога*) > Илекса > Водлозеро (Арх, Он). См. **Вижега**.

Вырмоньга (*Вырманга, Вырманьга*) > Явзора > Пинега (Арх, Пин). ~ Прасаам. **vērmē*, саам. сев. *fier'bme*, Инари *viermi*, Колтта *viðrâm*, Кильдин *viřem*, тер. *viřte* «рыболовная сеть» [YS: 150–151]. Может быть, архаичная генитивная форма.

Вырога I > Пинега (Арх, В-Т), **Вырога II** (*Вырага*) > Пинега (Арх, В-Т). ~ Прасаам. **vēre*, саам. сев. *vierrâ*, Инари *viera*, Колтта *viðrr*, Кильдин *vīrr*, тер. *vīrr* «пригорок, холм» [YS: 150–151] = фин., карел. *vieri*, люд. *vier*, вепс. *veŗ*, эст. *veer* «край, сторона» [SSA 3: 434]. География позволяет думать также о коми *вӧр* «лес», удм. *выр* «возвышенность» [КЭСК: 67].

– *Вырьюга* ~ коми *wӧr* «лес» [Sjögren 1861: 315].

Вышега > Выя > Пинега (Арх, В-Т). Гидронимия верхней Пинеги обнаруживает в фонетическом отношении некоторое сходство с терским диалектом саамского языка (ср. *Выя* и тер. *viđijē* «ручей» [KKS: 765]). Исходя из этого, при прасаам. **õššē* и Кильдин *viešš* «хвощ» [YS: 94–95] можно реконструировать терскую форму **viěšše*, аналог которой допустимо усмотреть в данном гидрониме (ср. **Ошега, Ошуга**).

Еврюг > Лантюг > Кема > Унжа (Влг, Ник). ~ Прасаам. **jāvrē*, саам. сев. *jaw're*, Инари *jävri*, Колтта *jäurr*, Кильдин *javr*, тер. *javre* «озеро» [YS: 34–35] = фин., карел. *järvi*, люд. *d'ärv*, *d'ärv*, вепс. *järv*, вод. *jarvi*, эст. *järv*, диал. *järi*, *jerv* «то же» [SSA 1: 259]. О.В. Востриков пишет: «заманчиво сопоставление с саам. *явр* «озеро», но консонантизм вызывает сомнения – для данной территории скорее нужно предполагать основу *ягр* или *яхр*» [Востриков 1979: 54]. Однако в языке гидронимии на *Vɛ* нет никаких следов этих основ, характерных для гидронимов на *Vn(b)ga* (*Яхреньга*) и *Vш* (*Ягрыш*). Если же допустить, что гидронимия на

Vz представляет собой верхний пласт, а названия на *Vn(ь)ga* и *Vш* являются более древними, оснований для сомнений не будет. Изменение типа **a > *ä > e* могло произойти еще в языке-источнике (ср. мар. *jär ~ jer* «озеро»), но возможен и переход *a* (из **a* или **ä*) в *e* на русской диалектной почве, поскольку это допускает позиция между мягкими согласными под ударением (подробнее см. СТРС I, 140–141). Этимология поддерживается географическими данными: речка *Еврюг* берет начало в безлесном болоте с четко выраженными границами, которое в древности, по всей видимости, было озером.

– *Еврюг* ~ ? саам. *явр* [Востриков 1979: 54].

Евьюга (*Евьюга, Евъега*) > Пинега (Арх, Пин). ~ Прасаам. **jēvjē*, саам. сев. *jiew'jâ*, Инари *jievja*, Колтта *jiivji*, Кильдин *jivj* «белый, светлый олень» [YS: 36–37] или прасаам. **jōvę*, саам. сев. *juovvâ*, Инари *juovina*, Колтта *juōvv*, Кильдин *jūvak-*, тер. *jivv* «скалистая местность», «груда камней» [YS: 38–39]. Ср. еще название луга *Евлюга* (Арх, В-Т), возможно, с вставным *л'*.

Еденьга I > Устья > Вага (Арх, Уст), **Еденьга II** (*Иденьга*) > Сухона (Влг, Тот), ***Песьеденьга** > Сухона (Влг, Тот). ~ Фин. *esi* «передняя часть», «передняя сторона», «пред-», «первый», *edessä* «впереди», ижор. *etes* «вперед», карел. *eteh* «перед (кем, чем)», люд. *edes* «впереди», вепс. *edęs* «то же», вод. *etē* «перед (кем, чем)», эст. *ees* «впереди», лив. *je²d, je²ddi* «находящийся впереди» [SSA 1: 108]. Возводится к фин.-угор. **eðe*, поскольку имеются соответствия во всех угорских языках [UEW: 71–72].

География хорошо объясняет исходную семантику: *Еденьга II* впадает в Сухону слева сразу же ниже города Тотьма, на месте которого, видимо, находилось древнее поселение,

**Песьеденьга* – тоже слева чуть выше Тотьмы, а *Еденьга I* впадает в Устье в нескольких километрах ниже села *Едьма*. Названия *Еденьга I* и *Едьма*, видимо, образованы от одной основы, и это подтверждается гидронимом *Едьма (Идьма)*, наименованием притока *Еденьги II (Иденьги)* в среднем течении. Привлекательно в компоненте *ма* видеть значение «земля, место» (ср. фин. *таа* «земля»). Однако это решение осложняется наличием еще одного села *Едьма* в Поважье (Арх, Шенк) и фиксацией в тех же местах многочисленных микропонимов *Едьма (Идьма)* (см. о них [Матвеев 1998: 98–99]). Поэтому возможно, что в топонимии совмещены факты разного происхождения, а в двучленах *Еденьга – Едьма* отражена различная реализация звука **η*, отсутствующего в русском языке (*ньг / нг* и *м*).

Поучительна также реконструкция и интерпретация первичной семантики гидронима **Песьеденьга*. Уже в источнике 1499 г. эта река дважды именуется *Песья-денга* [АСВР III, № 280], а в настоящее время – *Пёсья Дёньга*. Однако есть основания считать, что современная форма является результатом народно-этимологической переработки древнего субстратного гидронима, который может быть восстановлен в виде **Песьеденьга*. На это указывает смежная река *Еденьга*, место впадения которой находится в 5 км ниже устья Песьи Деньги, а исток всего в 3 км от ее начала. Таким образом, *Еденьга* и **Песьеденьга* образуют примечательную пару соотнесенных гидронимов, при этом компонент **песь* должен рассматриваться как дифференцирующее определение. Для его толкования есть разные возможности, ср. прасаам. *pēsē* ~ фин. *pesä*, саам. сев. *bæsse*, Инари *peesi*, Колтта *piäss*, Кильдин *piess* «гнездо» [YS: 100–101] или прасаам. **pēssē*, саам. сев. *bæs'se*, Инари *pessi*, Колтта *peäss*, Кильдин *piess*, тер. *pieṣse* «береста» [YS: 100–101]. Но наиболее перспективно сопоставле-

ние с фин. *pestä*, ижор., карел. *pessä*, люд. *pestä*, вепс. *pesta*, вод. *pesä*, эст. *pesta* «мыть»; фин., ижор., карел. *pesu*, люд. *pezend*, эст. *pesu* «мыть», «умыванье», «мойка», «стирка» [SSA 2: 343] = прасаам. **peše*, саам. сев. *bâssât*, Инари *poossađ*, Колтта *põðssâd*, Кильдин *pēssed*, тер. *põssâd* «мыть» [YS: 96–97]. **Песьеденьга* несколько ближе к населенному пункту, чем *Еденьга*, и намного меньше ее. Неудивительно, что она уподобилась многочисленными речкам с русским наименованием *Портомойка*. Отсюда же и оттенок пейоративности в современном *Песья Деньга*.

– *Еденьга* < коми *jödy*, *jody* «лещ» [Vasmer 1936: 246], *Деньга* < **Deñjuga* < коми *dyń*, удм. *diń* «устье» [Vasmer 1936: 244].

Ёжуга I (*Ёжега*) > Мезень (Арх, Леш), **Ёжуга II** (*Ёжуга*) > Кулой (Арх, Пин), **Ёжуга III** > Пинега (Арх, Пин), **Ёжуга IV** (*Зырянская Ёжуга*) > Вашка (Коми, Удор). ~ Прасаам. **jěče*, саам. сев. (*j*)*ieš*, Инари *jieč*, Колтта *jiðčš*, Кильдин *jĩžž*, тер. *jičš* «сам (свой, собственный)» [YS: 36–37] = фин., ижор. *itse*, карел. *itše* «сам», люд., вепс. *itše* «сам», «свой», вод. *ize*, *ittse* «сам», эст. *ise* «сам», «свой» ~ морд. *eś*, мар. *эś*, *iš*- «то же» [SSA 1: 230]. На возможность употребления этой лексемы в функции атрибутива указывают такие саамские (Инари) сложения, как *jieč-eälu* «собственная (отдельная) жизнь» [ILW I: 129], *jieč-olmoož* «самостоятельный, независимый в хозяйственном отношении человек» [ILW II: 279]. Для *Ёжуга I, III, IV* мотивация названий, очевидно, состояла в том, что реки сходятся верховьями, причем вдоль нижнего течения Ёжуги *III*, а затем по Ёжуге *I* идет старая тропа с Пинеги на Мезень, а вдоль верхнего течения Ёжуги *III* и по Ёжуге *IV* тропа на Вашку. Как тропы, так и реки становились в этом случае «своими», скорее всего, для пинежан, но, возможно, и для

жителей Примезенья. Ср. названия реки *Собенная* (Арх, В-Т), ручья *Свой Ключ* (Влг, Гряз), болота *Свой Мох* (Арх, Нянд), луга *Своя Рочуга* (см. **Рочуга**) (Арх, Леш) и мн. др. Ср. также древнее коми название *Асьюга*, в котором выделяют *ас* «свой» [Попов 1965: 105–106].

Учитывая географию, можно сопоставить также и с коми *эжа* «дерн», «трава», «луг», удм. *ожо* «трава» < общеперм. **ēža* «то же» [КЭСК: 331].

– *Ежуга* (Арх. г., Пин. у.) ~ коми *еж* «луг, лужайка, молодая трава» [Sjögren 1861: 317; Vasmer 1936: 237].

Елюга I > Вель > Вага (Арх, Вель), **Елюга II** > Ёрга > Сев. Двина (Арх, В-Т), **Елюга III** > Илеша > Пинега (Арх, В-Т), **Елюга IV** > Пинежская Ёнтала > Илеша > Пинега (Арх, В-Т), **Елюга V** > Сев. Двина (Арх, В-Т). // **Еленьга I**, д. (Влг, Влгд), **Еленьга II** > Кубена (Влг, Сямж). ~ Прасаам. **elē*, саам. сев. *äl-len*, Инари *ale*, Колтта *ool*, Кильдин *ēl*, тер. *ol* «верхний» [YS: 10–11] = фин. *ylä*, ижор. *ülä*, карел. *ylä* «верхний», люд. *ül'i* «через», «поверх», вепс. *üleš* «наверх», вод. *üles* «наверх, вверх», эст. *ülä* «верхний» [SSA 3: 490]. *Елюга II, III, IV* действительно находятся соответственно в верховьях рек Ёрга, Илеша и Пинежская Ёнтала. Следует заметить, что и название *Илеша*, по-видимому, имеет значение «Верхняя» (о наименованиях с основой *ил-* см. [Матвеев 1970а: 477–480; 2000а: 7–9; СТРС I, 115; СТРС II, 171]). Не исключено, что *Елюга I* и *Елюга V* тоже должны толковаться «Верхняя», поскольку значение «верхний» по отношению к рекам относительно. Однако расположение этих гидронимов на такую семантику не указывает. Поэтому можно предложить и другую этимологию, ср. прасаам. *ēlē*, саам. сев. *ællet*, Инари *eellid*, Колтта *jiälled*, Кильдин *jielled*, тер. *jielled* «жить», «посещать»

[YS: 32–33] = фин. *elää* «жить», ижор. *ellä*, карел. *eleä*, люд. *el'ädä*, *elada* «жить, проживать», вепс. *el'ädä*, *elada*, вод. *elä* «жить», эст. *elada* «жить, проживать», лив. *je'lla* «жить» [SSA 1: 103–104] < урал. **elä*- «жить» [UEW: 73].

– *Елюга* (Волог. г., Вель. у.) ~ коми *jöl* «молоко» [Vasmer 1936: 247]. Гидронимы РС с основой *ele* ~ прасаам. **ele* «верхний» упоминаются в [Saarikivi 2004: 196–197]. Здесь же помещена карта их распространения. Однако сами названия не приводятся. Автор справедливо оговаривает, что некоторые наименования с этой основой могут быть этимологически связаны с другими лексемами.

Еменьга I > Пуя > Вага (Арх, Вель), **Еменьга II** > оз. Пышелохта > оз. Спасское > Воезерка > оз. Мошинское > Моша (Арх, Няндр), **Еменьга III** > Вага (Арх, Шенк). ~ Фин. *jumala*, ижор. *jumtāla*, карел. *jumala*, люд. *d'umal(u)*, вепс. *jumal*, *jumā*, вод. *jumala*, эст. *jumal*, лив. *jumāl* «бог» = ? морд. *Jumi: Jumishipas* «имя какого-то мордовского бога», мар. *jumâ*, *jême* «небо; главный бог» [SSA 1: 247]. Ср. мар. *юмо*, горн. *йымы* «бог; божий» [СМЯ 10: 174].

Фонетически наиболее близко мар. горн. *йымы*. Но вероятнее всего исходная форма **Ёменьга* > *Еменьга* на русской почве вследствие ассимиляции гласных. Это позволяет думать о соответствии **jo* ~ **ji*, характерном для некоторых параллельных названий РС (ср. **Ёрмоньга** ~ **Юрманга** и т.п.). По-видимому, оно диалектного характера.

Этимология *Еменьга II* поддерживается смежными названиями оз. *Пышелохта* и *Пышозеро* (*пыш*, *пыше* «святой») ~ раннеприб.-фин. **püšä*, см. СТПС II, 234–235), а также близлежащим

русским «святым» лимнонимом оз. *Спасское. Еменьга I* сходится верховьями с *Еменьга II*.

Другой путь подсказывает урал. **etä* «мать, женщина» [UEW: 74].

– *Еменьга* ~ фин. *Hämeñjoki*, карел. *Hämeñjogi* «Емская река» (< этноним *Емь*) [Sjögren 1861: 511], фин. *Häme* «Емь» [Хелимский 2006: 43].

Ендюга (*Еньдюга*) > Чача > Емца > Сев. Двина (Арх, Холм). ~ Прасаам. *jēñkē*, саам. сев. *jæg'ge*, Инари *j(i)eggi*, Колтта *jeägg*, Кильдин *jieñg* «болото» [YS: 36–37] > фин., карел. *jänkä* «то же» [SSA 1: 257]. Согласный *д* появился в результате диссимилиации заднеязычных. Река берет начало в болотах и протекает недалеко от деревни *Заболотье*. *Чача* (~ прасаам. **čāsē* «вода») – типовое саамское название (см. СТПС II, 98–99).

– *Ендюга* (Арх. г., Холм. у.) ~ коми *jenöd* «болотистая земля, почва» [Vasmer 1936: 234], *йöñöd* «болотистое место, заросшее несъедобной травой, кустарниками и мелкими деревьями» [КРС: 252].

Енега > Паденьга > Вага (Арх, Шенк). // **Енанга** > Юг (Влг, К-Г). ~ Прасаам. **ēñōj*, саам. сев. *æno*, Инари *eäñij*, Колтта *jääñ*, Кильдин *jāna*, тер. *jeana(j)* «дядя (по матери)» [YS: 32–33] = фин. *eno*, ижор. *enoī*, вод. *ono*, эст. *они* «то же» [SSA 1: 105] или прасаам. **ēññē*, саам. сев. *æñne*, Инари *enñi*, Колтта *jeäññ*, Кильдин *jienn*, тер. *jienne* «мать» [YS: 32–33]. Фонетически удовлетворяет и прасаам. **ēñō*, саам. сев. *ædno*, Колтта *jääññ*, Кильдин *jāñ* «большая река» [YS: 32–33] = фин., карел. *eno* «поток, фарватер, глубокое место» [SSA 1: 105], но оба гидронима обозначают не-

большие реки. Впрочем, как известно, представление о величине объекта, отраженное в топонимии, весьма относительно.

Ёрмоньга I (*Ёрманьга*) > Волошка > Онега (Арх, Кон).
Ёрмоньга II (*Ёрманьга*) > Вохтомица > Волошка > Онега (Арх, Кон). См. **Юрманга**.

В западной части РС в анлауте нередко фиксируется **jo*, соответствующее **ji* в восточной части региона, ср. *Ёга* – *Юга*, **Ёменьга* – *Юменьга*, *Ёрмала* – *Юрмола*, *Ёрмоньга* – *Юрманга*.

Ерюга (*Еврюга*) > Сояна > Кулой (Арх, Мез). // **Ереньга** > Валасарь > Томаша > Верх. Тойма > Сев. Двина (Арх, В-Т). ~ Прасаам. **jāvrē*, саам. сев. *jaw're*, Инари *jävri*, Колтта *jäurr*, Кильдин *jāvr*, тер. *jāvre* [YS: 34–35] = фин., ижор., карел. *järvi*, люд. *d'ärv*, *d'ärvi*, вепс. *järv*, вод. *jarvi*, эст. *järv*, диал. *järi*, *jerv* ~ эрз. *e'ke* (*-ke* – уменьш. суффикс), мар. *jär*, *jer* «озеро» [SSA 1: 259]. В вершине р. Ерюга есть озеро, в бассейне р. Ереньга в настоящее время озер нет. Если вариантная форма *Еврюга* первична, напрашивается сравнение с **Еврюг** (см.). Гласный **e* может восходить к языку-источнику. Переход **ä* > *e* обычен и для русских диалектов.

Етчуга (*Ечуга*) > Выя > Пинега (Арх, В-Т). ~ Прасаам. **ečē* (зап. диал. **āčē*, вост. *ēčē*), саам. сев. *ač'če*, Инари *eeči*, Колтта *ečč*, Кильдин *ačč*, тер. *jiečče* «отец» [YS: 10–11] = фин., ижор., карел. *isä*, ливв. *ižä*, люд. *iža*, *ižä*, вепс. *iža*, вод. *isä*, эст. *isa*, юж. *esä* «то же» [SSA 1: 229] или прасаам. **jēčē* «сам (свой, собственный)» [YS: 37] (см. подробности **Ёжуга**). С учетом географии интерес представляет также коми *этиа* «мало», общеперм. **eč-* ~ саам. *ucce*, *utse* «малый» [КЭСК: 332].

Еюга (*Eega*) > Ёжуга > Пинега (Арх, Пин). **Еюг** > Юза > Унжа (Влг, Ник). ~ Прасаам. **ije*, саам. сев. *iggjá*, Инари *ijja*, Кильдин *ijj* «ночь» [YS: 34–35] = фин., карел. *yö*, люд. *üö*, вепс. *ö*, эст. *öö*, лив. *īe* ~ морд. *ve*, *vä*, удм. *uj*, коми *voj* «то же» [SSA 3: 493]. Ср. фин.-угор. **eje* «ночь» [UEW: 72]. Для семантики важно, что в пермских языках соответствующие слова имеют, кроме «ночь», «ночной», также значение «север», «северный». В севернорусских диалектах слово *ночь* тоже употребляется в значении «север» [СРНГ 21: 304]. Как в пермской топонимии, так и на РС эти слова используются для называния рек, текущих с севера. Река *Еюг* также течет с севера, а *Еюга* в нижнем течении – с северо-востока.

***Ижога** (< *Ижожка* < *Ижогозеро*) > Емца > Сев. Двина (Арх, Плес). // **Иженьга** > Пинега (Арх, Пин). ~ Фин., ижор., карел. *isä*. ливв. *izä*, люд. *iža*, *ižä*, вепс. *iža*, вод. *isä*, эст. *isa*, лив. *izā* «отец» ~ мар. *azä*, *iza*, *iža* «старший брат», «младший брат отца» [SSA 1: 229]. Ср. еще прасаам. **jěće*, саам. сев. (*j*)*ieš*, Инари *jieš*, Колтта *jiðčš*, Кильдин *jīžž*, тер. *jičš* «сам (свой, собственный)» [YS: 36–37]. Подробнее см. **Ёжуга**.

Изюга > Пинега (Арх, В-Т). ~ Фин., ижор., карел. *isä*, ливв. *izä*, люд. *iža*, *ižä*, вепс. *iža*, вод. *isä*, эст. *isa*, лив. *izā* «отец» ~ мар. *azä*, *iza*, *iža* «старший брат», «младший брат отца» [SSA 1: 229]. Следует также иметь в виду мар. *изи* «маленький, небольшой» [СМЯ 2: 20] и коми *из* «камень» [КРС: 239].

– Мар. *изи* или коми *из* [Матвеев 1969: 54].

Иланга > Яхреньга > Кокшеньга > Устья (Влг, Тарн). ~ Фин. *ylä-*, ижор. *ülä-* «верхний», карел. *ylä* «верхний», люд. *ül'i* «через», «поверх», вепс. *ül'ez* «наверх», вод. *üles* «наверх», эст.

üla: *ülapool* «верхняя сторона», лив. *i²l'*, *ü²l'*, «через», «поверх» = саам. *âlas* «наверх», эрз. *vel'd'e*, мокш. *vel'd'ä* «через», мар. *wälnä*, *wülnä* «над», «поверх», коми *vile* «верх» [SSA 3: 490].

Высокочастотная основа *ил* в субстратных топонимах надежно интерпретируется как «верх(ний)», при этом многократно зафиксированы названия *Илекса* (*Илакса*, *Илокса*) и *Илас*, *Илос*. Гидроним *Иланга* является единственным в своем роде. Это обстоятельство озадачивает, тем более что *Иланга* находится не в верховьях, а в среднем течении Яхреньги. По-видимому, следует учитывать и другие возможности, например, мар. *илыме* «жилой» [СМЯ 2: 49]. Ср. Елюга.

– О названиях с основой *ил* см. [Матвеев 1970а: 477–480; 2000а: 7–9; СТПС I, 115; СТПС II, 171].

Илисига (*Илесига*, *Илесига*) > Моша > Онега (Арх, Нянд). ~ Фин. *ylä*-, ижор. *ülä*-, карел. *ylä*- «верхний», люд. *üläž*- «вверх», вепс. *ül'ez*, вод., эст. *üles* «наверх, вверх» [SSA 3: 490]. Согласный *c* (< *s) являлся суффиксом в языке-источнике. Илисига в старину действительно должна была считаться последним (верхним) крупным притоком Моши перед Мошинским озером, так как устье еще более верхней и тоже крупной р. Лим, судя про карте, раньше относилось к территории Мошинского озера (как и р. Икса). Возможно, название *Илисига* – неточная прибалтийско-финская калька более древнего саамского названия, которое сохранилось в имени ее притока р. **Кысига** (см.).

Имзюг > Юг (Влг, К-Г). ~ Прасаам. **ēmeš*, саам. сев. *âmâs*, Инари *oomas*, Колтта *õdmâs*, Кильдин *ēmas* «чужой» [YS: 10–11] = фин. *ihme*, диал. *imeh*, *imes*, *imet*, *ime*, карел. *imeh*, вод. *ime*, эст. *ime*, *imeh* «чудо», «диво» [SSA 1: 221] при раннеприб.-фин. **imeš* [Korhonen 1981: 80]. Приходится предполагать выпа-

дение гласного второго безударного слога. Поскольку все основы гидронимов в южанском языке односложны, это не должно озадачивать.

Возможно, более перспективно эрз. *инзей* [ЭрзРС: 212], мокш. *инези* [МокшРС: 207] «малина», мар. *эныж* «то же» [СМЯ 10: 96], удм. *эмезь*, коми *ӧмидз* (общеперм. **етеӝ*) «то же» [КЭСК: 211]. См. также [UEW: 26].

Ичуг > Унжа (Костр, Мант). ~ Прасаам. *е́сē* (*ḗcē*), саам. сев. *ač'ce*, Инари *ее́i*, Колтта *е́сč*, Кильдин *ačč*, тер. *jiečce* «отец» [YS: 10–11] = фин., ижор., карел. *isä*, ливв. *ižä*, люд. *iža*, *ižä*, вепс. *iža*, вод. *isä*, эст. *isa* «то же» [SSA 1: 229]. Прасаам. **ḗcē* восстанавливается для восточных диалектов саамского языка [YS: 10]. Изменение **ē* > **i* характерно для субстратной топонимии басс. р. Юг (см. 5.1.1.). Ср. также урал. **ičä* «отец» [UEW: 78]. Другая возможность – фин.-перм. **ičä* (*ičä*) «малый» [UEW: 78].

Калманьга (*Калменьга*) > Юла > Пинега (Арх, Пин). ~ Фин. *kalma* «смерть», «покойник» «могила», ижор. *kalmat*, *kalmoit* «кладбище», карел. *kalma* «могила», «смерть», люд. *kalm(e)*, вепс. *kaum*, *koum* «могильный холм» вод. *kalma* «могила», эст. *kalm* «место погребения», лив. *kālma* «могильный холм» = ? саам. Луле *kuolmōi* «вечерние сумерки», норв. *guolmås* «бледный» (саам. норв. *gaľbme* (и соответствия в других диалектах) «могила» < фин.), эрз. *kalmo*. мокш. *kalma* «могила» [SSA 1, 288]. Ср. также прасаам. **kālme* < фин. *kalma*, саам. сев. *gaľbme*, Кильдин *kāl̄m*, тер. *kālme* «могила» [YS : 44–45].

Калчуг > Лименда > Вычегда (Арх, Котл). ~ Прасаам. **kālčō*, саам. сев. *skal'žo*, Инари *skalžu*, Колтта *kälčč*, Кильдин

kāl̥ž «раковина; улитка, моллюск» [YS: 44–45]. Смущает скандинавское происхождение слова [YS: 44]. Однако надо иметь в виду, что и фин. *simpukka* «моллюск, улитка» заимствовано, но из рус. *жемчуг*, причем в карел. *sim(p)išukka* сохраняется первичное значение [SSA 3: 182]. На РС засвидетельствованы рч. *Ракушиха* (Арх, Вин), оз. *Ракушиное* (Арх, Вель), руч. *Жемчужный* (Арх, Прим и Арх, Шенк).

Калюг > Ветлуга (Костр, Окт). ~ Фин., карел., люд., вепс., эст. *kala* «рыба» = саам. *guolle*, морд. *kal*, мар. *kol* «то же» [SSA 1: 282], ср. прасаам. **kōlē*, саам. сев. *guolle*, Инари *kyeli*, Колтта *kuell*, Кильдин *küll*, тер. *kjille* «рыба» [YS: 60–61]. Наиболее близки мордовские и прибалтийско-финские соответствия. Ср. также прасаам. **kālē* ~ фин. *kahlata*, саам. сев. *gallet*, Инари *käällid*, Колтта *käälled*, Кильдин *källed*, тер. *kalled* «переходить вброд» [YS: 44–45].

– Фин. *kala* «рыба» [Матвеев 1963: 80].

Кастюга, старица р. Моша > Онега (Арх, Нянд). ~ Фин. *kastaa*, ижор. *kastā*, карел. *kastoa*, люд. *kastada*, вепс. *kastta*, вод. *kassā*, лив. *kastə* «мочить, намочить, замачивать», «крестить (фин., люд.)». Фин. > саам. Луле *kāstatit* «мочить», норв. *gas'tat* (соответствия в диалектах Инари, Колтта, Кильдин) «мокнуть» [SSA 1: 324]. Ср. широко распространенное русское название небольших водоемов *Мочище* < *мочище* «водоем, в котором вымачивают лен, коноплю, луб и т.п.» [СРНГ 18: 319]. Такие водоемы могли использоваться и для обряда крещения.

Касуг > Унжа (Костр, Мант). ~ Прасаам. **kāssē*, саам. сев. *gas'se*, Инари *kässi*, Колтта *käss*, Кильдин *käss*, тер. *kässe* «смола» [YS: 46–47]. Восстанавливают урал. **kaśa* «смола» [UEW: 112]. Ср. **Качуг**.

– Мар. *кас* «вечер, вечерний» (т.е. «запад, западный», ср. мар. *касвел* «запад, западный») или саам. Кильдин *kāss* «смола» [Востриков 1979: 54]. Марийская этимология должна быть отвергнута, поскольку Касуг впадает в Унжу с востока.

Качуг I (*Катчуг*) > Шарженьга > Юг (Влг, Бабуш), **Качуг II** > Стрельна > Сухона (Влг, В-Уст), **Качуг III** > Пичуг > Юг (Влг, К-Г), **Качуг IV** > Юг (Влг, Ник). ~ Прасаам. **kāssē*, саам. сев. *gac'se*, Инари *kāssi*, Колтта *kāss* «скупой» [YS: 42–43]. Образное название малорыбной реки? Другие решения: коми *катш*: *катш помель* «можжевельник» [КЭСК: 118] или *кач* «пихтовая кора, употребляемая как суррогат пищи в голодные годы» [КЭСК: 119]. Ср. также **Касуг**.

– Коми *кач* «пихтовая кора (употребляемая как суррогат пищи в голодные годы)» [Востриков 1979: 53].

Каюг (*Каюжок*) > Шелюг > Луза (Киров, Луз). ~ Прасаам. **kājēkē*, саам. сев. *gaggjeg*, Инари *kaaijuv*, Колтта *kaaiji*, Кильдин *kājjeu*, тер. *kajjeg* «чайка» [YS: 42–43] = фин., карел. *kajava*, люд., вепс. *kajag* «то же» [SSA 1: 280]. Ср. особенно саам. Колтта *kaaiji*, а также варианты в финском – *kajaa*, *kajaja* и в карельском – *kaja(i)*, *kajoa* [SSA 1: 280]. Ввиду географии целесообразно учитывать и коми *кай* «птичка, пташка», удм. *кай*: *кый-кай* «дичь» ~ общеперм. *kaj* «птица, птичка» [КЭСК: 115].

Квахтюга > Ваеньга > Сев. Двина (Арх, Вин). ~ Прасаам. **kōktē*, саам. сев. *guok'te*, Инари *kyehti*, Колтта *kuiehtt*, Кильдин *kūxt*, тер. *kjkt* «два» [YS: 60–61] = фин. *kaksi*, ижор. *kaks*, карел. *kaksi*, люд. *kakš*, вепс., эст. *kaks* «то же» ~ эрз. *kavto*, *kafto*, мокш. *kafta* «то же» [SSA 1: 282]. Название объясняется тем, что есть две реки *Верхняя Квахтюга* и *Нижняя Квахтюга*, которые впадают в Ваеньгу. Между их устьями всего 1 км. Ср. рус. *Двуречье*,

Двуреченск и т.п. Наиболее близки к гидрониму саамские формы диалектов Инари и Колтта.

Кидюга > Устья > Вага (Арх, Уст). ~ Прасаам. **kīde*, саам. сев. *giddā*, Инари *kidda*, Колтта *kidd*, Кильдин *kidd*, тер. *kʃtt* «весна» [YS: 48–49]. Но не исключено, что из **Киюга* со вставным *д* (см. **Киюга**). Аналогию находим в Волго-Окском междуречье (Влад), где смежные названия членятся *Ки-бол* и *Ки-д-екша* при формантах *бол* и *Вкиша*.

Кименьга > Волошка > Онега (Арх, Кон).~ Фин., карел., *kiima*, люд. *kīm(e)*, вепс. *kim* «токование, ток (у птиц)», эст. *kiim* «похоть, сладострастие» [SSA 1: 358] = прасаам. **kējmē*, саам. сев. *giei'bme*, Инари *kiejmad* «время течки у животных» [YS: 50–51]; фин. > прасаам. **kimē*, саам. сев. *gibme*, Инари *kime*, Колтта *keem*, Кильдин *kimes*, тер. *kʃmməd* «то же» [YS: 50–51].

– Матвеев 1970а: 420–421.

Киндога > Сев. Двина (Арх, Вин). ~ Прасаам. **kēntē*, саам. сев. *giei'de*, Инари *kieddi*, Колтта *kedd*, Кильдин *kīndʔ*, тер. *kīndʔ* «луг; лужок, лужайка» [YS: 52–53] = фин. *kenttä*, *kentä* «ровный луг», «поле, ставшее лугом», «лужайка, окружающая саамское жилище», карел. *kenttä* «открытое, ровное, поросшее травой место», вепс. *kend* «берег реки или озера, край болота» [SSA 1: 343–344].

Кинжуга > Унская губа > Белое море (Арх, Прим). ~ Прасаам. **kēñsē*, саам. сев. *gieʒʒeʔ*, Инари *keʒʒi*, Колтта *keʒʒ*, Кильдин *kienʒ*, тер. *kienʒe* «узкий» [YS: 48–49].

Киперлюга > Сура > Пинега (Арх, Пин). ~ Фин. *kiperä* «кривой, изогнутый», ижор. *kippura* «кудрявый», «крючковатый»,

карел. *kiperä* «кривой, изогнутый», вепс. *kibrík* «поплавок сети», эст. *kibr, kiber* «морщинка, складка, сборка» [SSA 1: 368]. О вставном л' см. СТРП I, 145–146.

Кируга > оз. Воже (Влг, Кир). **Кируг** > Кичменьга > Юг (Влг, К-Г). ~ Прасаам. **kērē*, саам. сев. *gierre* «силок», «добывать дичь силками» [YS: 52–53] или прасаам. **kērē*, саам. сев. *geris*, Инари *ke(e)rris*, Колтта *kerres*, Кильдин *kieres* «саамские сани (кережа)» [YS: 48–49]. О возможности развития **ē*, **ē̄* > *i* см. 5.1.1.

Кичега (*Кичёга, Кичига, Кичиха*) > Топса > Уфтюга (Арх, К-Б). **Кичуга I** > Сухона (Влг, В-Уст), **Кичуга II** > Сухона (Влг, Нюкс), **Кичуга III** > Сухона (Влг, Нюкс), **Кичуга IV** > Тафта > Царева > Сухона (Влг, Тот). **Кичуг** > Пушма > Юг (Киров, Подос). ~ Прасаам. **kēcē*, саам. сев. *gæčče*, Инари *keeči*, Колтта *kiäčč*, Кильдин *kiečč*, тер. *kiečče* «конец, кончик; острие; вершина» [YS: 46–47]. Для толкования ср. **Кысига** и **Илисига**. О развитии **ē̄* > *i* см. 5.1.1.

– Едва ли к коми *кыч* «круг», скорее – к коми *гыч* «карась» [Vasmer 1936: 246]. Первое неудачно семантически, второе – с точки зрения соответствия реалиям: название частотно, а карась обитает главным образом в озерах, старицах, прудах.

Киюга (*Киега*) > Вель > Вага (Арх, Кон). **Киюг** (*Кивг, Киуг*) > Унжа (Костр, Мант). // **Киеньга** > Вага (Арх, Вель). ~ Фин., ижор., карел., люд., вепс., эст. *kivi* «камень» = эрз. *kev, käv*, мокш. *kev*, мар. *kü, küj* «камень», удм. *ке*, коми *ki: izki* «мельничный жернов» [SSA 1: 378]. В субстратных языках можно предположить формы **ki(j)*, **kiw*. О функционировании этого слова в древнесаамских наречиях РС см. СТРП II, 225.

Кобанга > Царева > Сухона (Влг, Тот). ~ Прасаам. **korē*, саам. сев. *gorpe*, Инари *core*, Колтта *kāāpp*, Кильдин *kābb* «яма» [YS: 54–55], ср. фин. *kuorpa*, ижор. *kōrpa*, карел. *kuorpa*, люд. *kuor(pe)*, вепс. *кор*, вод. *kōrpa*, эст. *koobas*, диал. *коор* (род. *кооба*) «то же» [SSA 1: 441].

Ковтанга (*Кофтанга*, *Кофтаньга*) > Устья (Арх, Уст). ~ Прасаам. **kōvte*, саам. сев. *guow'dâ*, Инари *kuovda*, Колтта *kuvdd*, Кильдин *kieṽd*, тер. *kieṽd* «промежуток», «расстояние», «ровный», «средний» [YS: 64–65] ~ фин. *kausi*, ижор. *kaus*, карел. *kauši* «временной интервал», «период» и т.п., эст. *kaud*, *kaude* «путь; направление» [SSA 1: 332] или прасаам. **kōvtē*, саам. сев. *guow'de*, Инари *kyevdi*, Колтта *kuvdd*, Кильдин *kiṽd* «змея» [YS: 64–65].

Коглюга > Вадюга > Пинега (Арх, В-Т). ~ Фин. *kohista*, ижор., карел. *kohissa*, люд. *kohišta*, эст. *kohiseda* «шуметь», «бурлить»; фин., карел., люд. *kohi* «шум» [SSA 1: 382] или фин. *kuohi*, *kuoha*, *kuoho*, ижор. *kōhi*, карел. *kuohi* «пена» [SSA 1: 439]. Другой путь: мар. *кокля́* «промежуток», «пространство между чем-либо», «средний» [СМЯ 2: 381–382]; мар. горн. *кóкла* «чащоба, мелкий лес» [СМЯ 2: 381]; мар. горн. *кого* «большой» [СМЯ 3: 77]. Об эпентетическом согласном л' см. СТПС I, 145–146.

Коеньга (*Коенга*) > Карица > Толшма > Сухона (Влг, Тот). ~ Фин., ижор., карел. *koivu*, люд., вепс. *koiv(u)*, эст. юж. *kõiv*, лив. *ķeiv*, *kiu(v)*, *kīiu(v)* «береза» = эрз. *ki-l'ej*, *ki-l'eŋ'*, мокш. *ke-lu*, мар. *күрі*, *коүі*, *куе* «то же» [SSA 1: 386].

Козланга (*Козланка, Козлонга, Козлоньга, Козлонька*) > Шуя > Сухона (Влг, М-Реч). ~ Мар. *кожла* «лес» [СМЯ 2: 372]. Соответствие *ж ~ з ~ з'* известно в марийских говорах. Зафиксирована и форма *козла* «еловый лес» [Грузов 1965: 165].

Коконегга > Равжа > Сухона (Влг, Тот). ~ Прасаам. **kōkkē*, Инари *koakki*, Колтта *kuäkk*, Кильдин *kiekk*, тер. *kjekd* «крюк» [YS: 56–57] = фин. *kokka* «нос (лодки)», «что-либо выступающее», «рыболовный крючок», ижор. *kokka*, «крюк», карел. *kokka* «кончик», «угол», «крюк», люд. *kok(ke)*, вод. *kokka*, эст. диал. *kokk(a)* «крюк» ~ саам. норв. *goak'ke* «мотыга» [SSA 1: 386–387]. Ср. фин. *kokko* «коническое сооружение (ловушка на тетерок); кухонная избушка; чердак», карел. *kokko* «конусообразная куча гороха». люд. *kokoï* «продолговатый пирог», вепс. *kokat'* «пирог», эст. диал. *kokk* «маленькая куча сена». Образовано от *kokka* (см. выше) [SSA 1: 387]. Ср. также фин. *kokko*, ижор. *kokkoi*, карел. *kokko*, люд. *kok(u)oi*, эст. *kokas* (род. *kokka*) «орел» [SSA 1: 387]. Согласный *н* может быть формантом родительного падежа единственного числа или вставным звуком для устранения зияния в русском языке.

Кокшеньга (*Кокиэньга*) > Устья (Арх, Вель). ~ Прасаам. **kōškē*, саам. сев. *guoi'ká*, Инари *kuoška*, Колтта *kuōškk*, Кильдин *kūšk*, тер. *kjšk* «порог» [YS: 62–63] = фин. *koski*, карел. *koski*, *koški*, люд. *košk*, *koski*, вепс. *košk*, эст. *kosk*, диал. *kōšk* «то же» ~ мар. *kaškâ*, *koške*, *koškâ* «бурная река», «порог», коми. *koś*, *košk*, *kośt* «порог, пережат» [SSA 1: 409] или (и это более вероятно) коми *kos*, удм. *kös* «сухой», мар. *кукишо* «то же» с доперм. **kōšksz* < **koks3z* «сухой» [КЭСК: 134], ср. мар. *кукишо*, горн. *кукишы* «сухой» [СМЯ 3: 108–109] < фин.-перм. **koks3* «то же» [UEW: 670].

Коленьга I > Вага (Арх, Вель), **Коленьга II** > Кулой (Арх, Мез). ~ Прасаам. **kōlē*, саам. сев. *guolle*, Инари *kyeli*, Колтта *kuell*, Кильдин *kūll*, тер. *kille* «рыба» [YS: 60–61] = фин., ижор., карел., люд., вепс., вод., эст. *kala*, лив. *kalā* «то же» ~ морд. *kal*, мар. *kol*. манс. *kul*, *χūl*, хант. *kul*, *χut'*, *χйл*, *χul*, венг. *hal* «то же» [SSA 1: 282].

Основа *кол* находит точное соответствие в прасаам. **kōlē* и мар. *kol*. Последнее предпочтительнее, так как саамское слово со значением «рыба» на РС выступает в форме **kul*, ср. *Кулой* – притоки Ваги и Мезенской губы Белого Моря [Castrén 1862: 102], а также *Кулозеро*, *Кулосега* и т.п. (СТРС II, 85–86). Соответственно основы в гидронимической паре *Кулой* – *Коленьга* должны считаться семантически тождественными и в данном случае можно предполагать наличие саамско-севернофинской метонимической кальки (подробнее см. [Матвеев 2000б: 111–112]). Мезенские названия, видимо, являются результатом переноса.

– Матвеев 2000б: 111–112; 2005: 140.

Кольдюга (*Колдюга*, *Кольдуга*) > Тошня > Вологда > Сухона (Влг, Шексн). ~ Фин. *kolle* (род. *kolteen*) «неровное место (изгиб, прогиб, впадина, складка)», *koltto* «складка, полость, дупло», эст. *kolle* (род. *kolde*) «крутой берег реки», диал. *kolda*, *kolde* «то же», *koldas* (род. *kolta*) «полый (береговой) откос», лив. *kūolta* «берег» [SSA 1: 391]. Ср. еще фин. *kuolla*, ижор. *kōlla*, карел. *kuolla*, люд. *kuolda*, вепс. *kolda*, вод. *kōlla*, эст. *koolda* «умирать» [SSA 1: 439–440] и прасаам. **kolte*, саам. сев. *gol'det*, Инари *kolded*, Колтта *kāldded*, Кильдин *kālded*, тер. *kol'ded* «ловить рыбу саком, бреднем, сплавной сетью» [YS: 54–55] = фин. *kultaa*, карел. *kuultoа* «то же» [SSA 1: 432–433].

Кольчега (*Колчега*) > Самина > Андома > Онежское озеро (Влг, Выт). **Кольчуг** > Возюг > Шарженьга > Юг (Влг, Бабуш). ~ Прасаам. **kōlsē*, саам. сев. *goal'se*, Инари *koalssi*, Колтта *kuälss*, Кильдин *kuels*, тер. *kiēlse* «крохаль (род нырковых уток)» [YS: 56–57].

Контюг > Стрельна > Сухона (Влг, В-Уст). ~ Прасаам. **kontē*, саам. сев. *godde*, Инари *kodde*, Колтта *kādd*, Кильдин *kānd*, тер. *konde* «дикий олень, северный олень» [YS: 54–55]. Ср. также фин. *kontu* «дом», «двор», «хозяйство», карел. *kontu* «дом», «жилище», «угодьё», люд. *kond(u)* «дом», «двор», «хозяйство», «усадыба», эст. *kõnd* «земля» [SSA 1: 398–399].

– Фин. *kontio*, карел. *kondie*, люд. *koñd'ī*, вепс. *koñd'i* «медведь» [Востриков 1979: 55].

Конюг > Межа > Унжа (Костр, Меж). // **Конанга** (*Кононга*) > Кулой > Вага (В-Важ). ~ Прасаам. **kone*, саам. сев. *gonâgâs*, Инари *kunagas*, Колтта *kongõz*, Кильдин. *-koneγas*, тер. *koneγas* «царь, король» [YS: 54–55] < фин. *kuningas*, ижор. *kunikas*, карел. *kuninkas*, люд. *kuñingas*, вепс. *kuñigaz*, эст. *kuningas* «то же» [SSA 1: 437]. В гидрониме отражена усеченная форма, ср. прасаам. **kone*, возможно, не без влияния др.-рус. *кань* «хан» [СДРЯ IV: 202–203] или др.-перм. *кан* «царь, хан», тат. *кан* «хан» [КЭСК: 116]. Конюг сходится верховьями с рекой *Княжая* (> Унжа). Ср. **Ханюг**.

Корбанга > Двиница > Сухона (Влг, Сок). ~ Фин., карел. *korpi*, люд. *kořb(i)*, *korbi*, вепс. *kořb* «глухой, дремучий лес», эст. *kõrb* «большой лес» [SSA 1: 405].

– Матвеев 1960: 113; 1964а: 191; 1964б: 74; 1969: 48–49; 1996: 21; 1997: 38.

Корманга I > Юза > Унжа (Влг, Бабуш), **Корманга II** > Кема > Унжа (Влг, Ник), **Корманга III** > Понга > Унжа (Костр, Кол). **Корменьга I** (*Корминьга*) > Вага (Влг, В-Важ), **Корменьга II** > Терменьга > Вага (Влг, В-Важ). ~ Фин. *kurma*, ижор. *kõrma*, карел. *kuorma* «воз; груз, ноша», вепс. *korm* «охапка», вод. *kõrma*, эст. *koorem* (род. *koorma*) «воз; груз, ноша» = саам. норв. *guor'bme* (с соответствиями в диалектах Луле, Инари, Колтта) «то же» [SSA 1: 442].

Распространенность названия и географическая привязка к юго-востоку РС позволяют предложить и другую этимологию, ср. мар. *корно*, горн. *корны* «дорога, путь, тропа», родственные фин. *kuurna* «колея, борозда», «тропинка» и т.п. [SSA 1: 458]. Из **kornanga* в результате диссимиляции одинаковых носовых могло возникнуть *Корманга*, при этом изменение должно было произойти в основе, а не в форманте (вследствие его частоты). Основа *корн* зафиксирована и в других топонимических типах, ср. *Корнома* > оз. Воже (Влг, Вож) на РС и *Корнега* > Кисть > Вига > Унжа (Костр, Чухл) в ИМЗ. См. карту 4.

– Фин. *kuorma*, вепс. *korm*. эст. *koorem*, саам. норв. *guor'bme* «воз; груз, ноша» [Матвеев 1960: 113].

Кортюга I > Сула > Мезень (Арх, Леш), **Кортюга II** > Кокшеньга > Устья > Вага (Влг, Тарн). **Кортюг I** > Охта > Виледь (Арх, Вил), **Кортюг II** > Луженьга > Сухона (Влг, В-Уст), **Кортюг III** > Вочь > Вохма > Ветлуга (Костр, Вох), **Кортюг IV** > Пызмас > Вочь > Вохма > Ветлуга (Костр, Пав). ~ Фин. *korte*, диал. *korteh*, *kortes*, *korre* «хвощ» (особенно «хвощ приречный»), карел., люд. *korteh*, вепс. *kortez* «то же» [SSA 1: 407]. В говорах РС широко распространено слово *кортега*, *кортеха*, *кортег* и т.п. «хвощ», заимствованное из прибалтийско-финских языков [Ка-

lima 1919: 132]. В русской топонимии часто встречаются названия типа рч. *Хвощевка*, руч. *Хвощеватый* и т.п.

– *Кортюга* (Волог. г., Ник. у.) ~ удм. *kort* «железо, железный» [Vasmer 1936: 243].

Костюга (*Коштюга, Кошчуга, Кошуга*) > Вага (Влг, В-Важ). // **Костанга** (*Костаньга*) > Падома > Устья (Арх, Уст). ~ Прасаам. **kōstē*, саам. сев. *goastes*, Инари *koasti-*, Колтта *kuästt*, Кильдин *kuešt*, тер. *kješte* «кислый», «прогорклый» [YS: 58–59], вероятно, > фин. диал. *kuosto* «наполовину высохшая сосна», «высохшее дерево» [SSA 1: 443]. Другие возможности: фин. *kostea*, карел. *kostie* «сырой, влажный», вепс., эст. *kostuda* «таять» [SSA 1: 411], а также фин. *koste* «мыс, вдающийся в порог или в реку, который часть воды отводит в прилежащий заливчик», «встречное течение», «тихое место, плес», *kosteranta* «место на берегу, защищенное от ветра», карел. *kosse, košše, koste* «тихое место, например, под защитой острова», «заслоняющий от ветра», *kosseranta* «берег, находящийся под защитой ветра», люд. *kosterand* «берег озера, находящийся за ветром» [SSA 1: 410].

Котуга > Сояна (Арх, Мез). ~ Прасаам. **kōtē*, саам. сев. *goatte*, Инари *koati*, Колтта *kuett*, Кильдин *kuedd*, тер. *kjette* «хижина, чум (особенно у саамов)» [YS: 58–59] = фин. *kota* «шалаш, чум», карел. *kota* «навес», «шалаш из ветвей хвойных деревьев», «охотничий скрад», люд., вепс. *koda* «курытник», вод. *keta* «изба», «кухня (помещение)», эст. *koda* «хижина, шалаш; дом, комната» ~ эрз. *kudo*, мокш. *kud* «дом, изба», мар. *kudā, кудо* «марийская летняя изба», «летняя кухня» [SSA 1: 411–412]. В устье реки поселение Кепино (несколько домов), выше по реке и сейчас многочисленные избы.

Коченьга > Сухона (Влг, Тот). ~ Прасаам. **kōsseċ*, саам. сев. *guossá*, Инари *kuosa*, Колтта *kiðss*, Кильдин *kīžž*, тер. *kīss* «кислый», «гнилой» ~ мар. *košĕ* «горький» [YS: 60–61]. Ср. мар. *кочо*, горн. *качы* «горький», «кислый» [СМЯ 3: 16].

Куглюга (*Куклюга*) > Пинега (Арх, В-Т). ~ Фин. *kuhja*, *kuhjo*, ижор., вод. *kuhja*, эст. *kuihi* (род. *kuhja*) «стог сена» [SSA 1: 425] или прасаам **kukkē*, саам. сев. *guk'ke*, Инари *kukke*, Колтта, Кильдин *kukk*, тер. *kuḗke* «длинный» [YS: 58–59]. Ср. еще мар. *кугу*, горн. *кого* «большой» [СМЯ 3: 77–79]. Если принять «марийские» соответствия, гидронимы **Куглюга** и **Изюга** (см.) могут рассматриваться как соотносительные («Большая» и «Малая»), хотя по длине эти речки примерно равны. Об эпентезе *л'* см. СТРС I, 145–146. Ср. также **Коглюга**.

Куданга (*Кудонга*) > Юг (Влг, Ник). ~ Фин., ижор., карел. *kutu*, люд. *kudi*, вепс. *kudo*, *kudi*, вод. *kutu*, эст. *kudi*, лив. *ku'd* «нерест», «икра» [SSA 1: 453] = прасаам. **koðe*, саам. сев. *godðed*, Инари *koððeed*, Колтта *kååððed*, Кильдин *kådded*, тер. *kotted* «метать икру», «нерест, икра» [YS: 52–53]. В связи с географией значимо также мар. *кудо*, горн. *куды* «дом, изба» [СМЯ 3: 92].

– Перм., ср. удм. *kud* «болотистое место» [Vasmer 1936: 243], но Куданга протекает по территории гряды Северные Увалы, где сколько-нибудь значительных болот нет. Приб.-фин. (*kutu*) [Матвеев 1960: 113].

Кузегга I (*Кузига*) > Мезень (Арх, Леш), **Кузегга II** > Пукшеньга > Сев. Двина (Арх, Пин). **Кузюг I** > Ентала > Юг (Влг, К-Г), **Кузюг II** > Молома (Киров, Опар), **Кузюг III** > Вочь > Вохма > Ветлуга (Костр, Пав). // **Кузеньга** > Уфтыуга > Кокшеньга >

Устья (Влг, Тарн). ~ Прасаам. **kōsɛ*, саам. сев. *guossâ*, Инари *kuosa*, Колтта *kuõss*, Кильдин *kūss*, тер. *kjss* «ель» [YS: 62–63] = фин. *kuusi*, ижор. *kūsi*, карел. *kuusi*, люд. *kūži*, *kūž*, *kūzi*, вепс. *kuž*, вод. *kūsi*, эст. *kuusk*, юж. *kuus* «то же» ~ морд. *kuz*, мар. *kož*, удм. *kjz*, коми *koz*, *kež* «то же» [SSA 1: 460]. Наиболее близки к субстратным гидронимам прибалтийско-финские и мордовская формы, а из саамских – кильдинская. Основа *куз* относится к числу распространенных на РС, поэтому гидронимы *Кузюг* противопоставлять остальным названиям с этой основой вряд ли целесообразно, хотя их география указывает и на другой путь, ср. коми *кузь* «длинный», «долгий», удм. *кузь* «длинный» при общеперм. **kuž* «длинный» и мар. *кужу* «длинный» [КЭСК: 144]. Все три *Кузюга* действительно длинные реки.

Может быть, сюда же относится *Гузенъга* < **Кузенъга* (если не из **Хузенъга*) > Кумбасозеро > Кумбаса > Водла (Арх, Плес).

– *Кусега*, басс. р. Сясь (Новг. г., Тихвин. у.) ~ фин. *Kuusi-joki* «Еловая река» [Vasmer 1934: 379, 393], *Кузегга* (Волог. г., Ник. у.) ~ коми, удм. *kuž* «длинный» [Vasmer 1936: 243].

– Матвеев 1960: 113; 1963: 80; 1968: 35; 1969: 48–49; 1970а: 487–488; 1970в: 123; 1996: 20; 1997: 36, 38.

Кукшинъга (*Кукишинга*) > Березовка > Вочь > Вохма > Ветлуга (Костр, Пав). ~ Мар. *кукишо*, горн. *кукишы* «сухой» [СМЯ 3: 108–109]. Ср. **Кокшеньга**.

Кулосега > Пинега (Арх, Пин). ~ Прасаам. **kōlē*, саам. сев. *guolle*, Инари *kyli*, Колтта *kuell*, Кильдин *küll*, тер. *kjille* «рыба» [YS: 60–61] = фин., ижор., карел., люд., вепс., вод., эст. *kala*,

лив. *kalā* «то же» [SSA 1: 282]. Саамский гидроним с суффиксом **V_s* (СТРС II, 24–25).

– СТРС II, 85–86.

Кумзюга (*Кумзева*) > Цебьюга I > Мезень (Арх, Леш). ~ Фин. *kumsi* «вид форели», карел. сев. *kums(s)a*, *kumpsi* «небольшая кумжа, озерный лосось», вероятно, < рус. *ку́мжа*, *кумжа́* «вид лосося, кумжа» < саам. норв. *guw'žá*, Колтта *kuvžä* «то же» [SSA 1: 436], ср. еще Кильдин, тер. *kiŋd't's^(A)* «то же» [KKS: 184].

Кундонга (*Кунданга*) > Шарженьга > Кичменьга > Юг (Влг, К-Г). Есть несколько в равной мере приемлемых объяснений: 1. прасаам. **kontē*, саам. сев. *gowdeb*, Инари *kubduv*, Колтта *kobddi*, Кильдин *kōt̄deŋ*, тер. *komdeat̄ba* «широкий» ~ мар. *kumda* «то же» [YS: 54–55], ср. мар. *кумда*, горн. *кымда* «то же» [СМЯ 3: 118]; 2. фин. *kunne* «отпечаток; вмятина, углубление», диал. *kuntia* «скрести; рыть» ~ карел. *kunnoh* (мн. *kundohot*) «след на коже от удара или давления (синяк, кровоподтек и т.п.)» = саам. *god̄det* «убивать; ловить рыбу» ~ морд. *kundams* «поймать» [SSA 1: 437], ср. прасаам. **kontē*, саам. сев. *god̄det*, Инари *kodded*, Колтта *kādded*, Кильдин *kāñded* «убивать» [YS: 54–55] и эрз. *кундамо* «лов, ловля» [ЭрзРС: 314], мокш. *кундама* «то же» [Мокш РС: 304]; 3. фин. *kunta* «община», ижор., карел. *heimokunta* «племя, род» люд. *heimokund* «род», вепс. *hīmokund* «родственники», эст. *kond: maa-kond* «уезд» = саам. норв. *god̄de: sokkâgod̄de* «род» (с соответствиями в диалектах Инари, Кильдин, тер.) ~ мокш. *koñd'ä*, *kuñd'ä* «друг, товарищ» [SSA 1: 437–438].

Курданга, поле (Влг, Выт). **Курденьга I** > Юг (Влг, К-Г), **Курденьга II**, д. (Влг, В-Уст), **Курденьга III**, д. (Влг, К-Г). *Кур-*

деньга II и Курденьга III, по-видимому, являются вторичными названиями, перенесенными с Курденьга I.

Возможны два пути этимологизации, поскольку, кроме основы *курд*, должна учитываться и основа *курѣ* > *курд* вследствие диссимилиации заднеязычных (**Кургеньга* > *Курденьга*). В первом случае интерес представляет прасаам. **kurttē*, саам. сев. *gur'te*, Инари *kurtte*, Колтта *kurttt*, Кильдин *kuřt*, тер. *kuřte* «краснозобая гагара» [YS: 58–59], ср. также коми *горда* «кряква (утка)» ~ саам. *kurte* «полярный голубь» < доперм. **kšrtz-* «вид утки» [КЭСК: 78]. Во втором случае напрашивается прежде всего сравнение с прасаам. **kōrkę*, саам. сев. *guor'gâ*, Инари *kuorga*, Колтта *kuōrgg* «журавль» [YS: 62–63] = фин., ижор., *kurki*, карел. *kurki*, *kurgj*, люд. *kuřg(i)*, *kurgj*, вепс. *kuřg*, *kuřg*, эст., лив. *kurg* ~ эрз. *kargo*, мокш. *karga* «то же» [SSA 1: 448].

Ср. **Курдюг** > Ковжа > оз. Белое (Влг, Вашк) вне ареала гидронимов с формантом *юг*.

– *Курденьга* > Юг (Волог. г., Ник. у.) ~ удм. *gurdo*, коми *gordo* «чирок-свистунок» [Vasmer 1936: 243].

Куреньга > Шомохша > Мезенская губа (Ненец). ~ Фин. *kuri* «длинная узкая впадина», «крутая ложбина или русло», эст. *kuru* «угол» = саам. *gurrâ* «углубление», «яма», «ущелье» [SSA 1: 451–452]. Иначе: прасаам. **kurę*, саам. сев. *gurrâ*, Инари *kurra*, Колтта, Кильдин, тер. *kurr* «щель», «ущелье» < фин. *kuri* [YS: 58–59].

Ср. *Kurenjok* (*Куреньга*) [KKS: 985].

Курманга > оз. Воже (Влг, Вож). ~ Фин. *kurma*, *kurmi*, *kuurma* «знак; зарубка, засечка», ср. эст. юж. *kurtm* «бухта, заливчик; угол, уголок» [SSA 1: 449]. Ср. еще мар. диал. *курмыж* «во-

гнутый, чашеобразный» [СМЯ 3: 155]. Другое решение: фин. *kuurna*, *kurna* «трещина, канавка, борозда; желобок» и в близких значениях карел. *kuura*, *kuurna*, *kuurne*, люд. *kūrę*, *kurņę*, вепс. *kurn*, эст. *kurn*, лив. *kūrna* = ? мар. *kornâ*, *korno* «путь, дорога; по-лоса, борозда» [SSA 1: 458]. В этом случае предполагается **Курнанга* > *Курманга*, причем изменение **t* > *n* могло произойти еще в языке-источнике.

В говорах западной части РС, особенно в басс. Онеги, многократно зафиксировано слово *курма* «вид рыболовного устройства (конусообразная сеть), которое устанавливается в запо-ре» (ТЭ). Засвидетельствована эта лексема и в форме *курна* [СРГК 3: 68]. Вероятно, она этимологически связана с одним из рассмотренных выше слов.

Кысига (*Кисига*, *Кысега*, *Кычега*) > Илисига > Моша > Онега (Арх, Няндр). Возможно, прибалтийско-финская переработка саамского названия, см. **Кичега**, **Кичуга**, а также **Илисига** (Кысига – единственный крупный приток Илисиги).

Кярега > Анда > Онега (Арх, Он). ~ Прасаам. **kārē-*, Инари *kārree*, Колтта *kärrev*, Кильдин *kärrev*, тер. *karrev* «лесок на болоте» [YS: 46–47] или прасаам. **kārē*, саам. сев. *garre*, Инари *kääri*, Колтта *käärr*, Кильдин *kärr*, тер. *kärre* «сосуд, бочка; корыто» < сканд. [YS: 46–47].

Лавдуг (*Лаўдуг*) > Княжая > Унжа (Костр, Кол). ~ Фин., ижор., карел. *lauta*, люд., вепс., эст. *laud* «доска» [SSA 2: 55] = прасаам. **lōvtē*, саам. сев. *luow'de*, Инари *lyevdi*, Колтта *lvdd*, Кильдин *lv̄d*, тер. *līvde* «то же» [YS: 72–73].

– *Лавдуга* (Костр. г., Колог. у.) ~ коми *lapyd* «влажный, сырой» [Vasmer 1936: 257], *Лавдуг* ~ фин. *lauta* «доска» или *lautta* «плот» [Востриков 1979: 55].

Лавнега (*Лавнига*) > Ёжуга > Пинегга (Арх, Пин). ~ Пра-саам. **levnē*, саам. сев. *lâw'dnje*, Инари *lavne*, Колтта *lâunnj*, Кильдин *lq̄ñ*, тер. *lōñe* «торф» [YS: 64–65].

Ламсуга > Кокшеньга > Вага (Влг, Тарн). ~ Фин. *lämsä*, карел. *lämsä, lämsšä* «ремень», «петля», «аркан», люд. *lämtš*, вепс. *l'ämtš* «лямка» [SSA 2: 124–125] = прасаам. **lāmćē*, саам. сев. *law'že*, Инари *läbži*, Колтта *läbžž*, Кильдин *lāmž*, тер. *lāmža* «ремень» [YS: 66–67]. Фонетически ближе финская (*suomi*) форма.

Лантюг (*Ландюг*) > Кема > Унжа (Влг, Ник). ~ Прасаам. **lāntō*, саам. сев. *lad(ʹ)do*, Инари *laddu*, Колтта *lädd*, Кильдин *lāñd*, тер. *lañda* «пруд; лесное озеро» [YS: 66–67] ~ фин. *lantto* «низина; пруд; лужа», карел. *lantto* «низина, низинный», эст. юж. *land* «пруд; лужа», а также мар. *landaka* «низина» [SSA 2: 45]. Речка **Еврюг** (см.), приток Лантюга, берет начало в заболоченном водоеме.

Саамское слово заимствовано из финского.

Лаптюг I > Пыжуг > Юг (Влг, К-Г), **Лаптюг II** > Мала > Пушма > Юг (Киров, Подос), **Лаптюг III** > Ветлуга (Киров, Шаб). ~ Фин. *lattea* «плоский», карел. *latakka* «то же», вод. *lattike* «то же», эст. *latakas* «широкий и плоский предмет» [SSA 2: 52], ср. фин. *lattea* «плоский» ~ мар. *laptō* «плоский, ровный; мелкий» ~ нен. *lapta* «плоский, ровный; низкий» [Collinder: 51], урал. **lapta* «плоский, ровный» [UEW: 238].

Лебеньга > Кокшеньга > Устья (Влг, Тарн). ~ Фин. *liepeä* «мягкий, легкий», ижор. *lēpea* «чуть теплый», карел. *liepie* «легкий; слабый» (? < фин.), эст. *leebe* «нежный; мягкий; легкий» ? = мар. *liwä*, *lewe* «теплый», «тепленький» [SSA 2: 70]. Ср. мар. *леве* «теплый», «мягкий (о погоде)», «прохладный (о воздухе)» [СМЯ 3: 323]. Финно-угорская праформа – **leppz* «мягкий» [UEW: 246]. Другая возможность – фин., ижор., карел. *leppä*, люд. *lep(ре)*, вепс. *lep*, вод. *leppä*, эст. *lepp*, лив. *liepā* «ольха» = эрз. *l'ере*, мокш. *l'ерä* «то же» ? < балт. [SSA 2: 64–65]. Реконструируют финно-волжскую праформу **leppä* «ольха» [UEW: 689].

Левтюга (*Левчуга*) > Серюга > Чуплега > Пинега (Арх, Холм). ~ Фин. *löytö* «находка», ижор. *löütä* «находить», карел. *löytö* «находка», люд. *l'öuttä*, вепс. *l'eütä*, *l'öütä*, вод. *leiütä*, эст. *leida*, лив. *lieudä* «находить» [SSA 2: 132].

Леденьга I (*Леденга*) > Онега (Арх, Он), **Леденьга II** > Кокшеньга > Устья (Влг, Тарн), **Леденьга III** > Сухона (Влг, Тот), **Леденьга IV** (*Лединга*) > Нижняя Кизьма > Сить > Кубена (Влг, Хар). Реку *Леденьга III* в верхнем течении называют *Лёд-жа*. ~ Фин. *liete* «тина, ил», «тонкий речной песок», «наносная земля», ижор. *lēte*, карел. *liete*, люд. *l'iete*, вепс. *l'ete*, вод. *lēte*, эст. *leede*, лив. *līedag* в тех же и близких значениях [SSA 2: 71].

– Матвеев 1960: 113.

Леменьга I > Пуя > Вага (Арх, Вель), **Леменьга II** > Со-сновка > Тарнога > Кокшеньга (Влг, Тарн). ~ Фин., карел. *lemi* «сырое, топкое болото», люд. *lemi* «ил, тина; грязь», «трясина». «мох на воде (в болоте)» [SSA 2: 62] > рус. диал. *лема* «зыбун, трясина» [Kalima 1919: 151]. Если не из **Ляменьга* (см. **Ляменьга**).

Возможна и другая версия, ср. фин. *liemi*, ижор. *lēmi*, карел., люд. *liemi*, вепс. *l'en*, *l'etuz*, вод. *lēmi*, эст. *leem* «бульон, суп; рассол» = саам. *liebmâ*, эрз. *l'em*, мокш. *l'ām*, мар. *lem* «то же» [SSA 2: 70], ср. прасаам. **lēmę*, саам. сев. *liebmâ*, Инари *lieta*, Колтта *liõttm*, Кильдин *lĩttm*, тер. *lĩttm* «то же» [YS: 68–69]. Ср. также фин.-угор. **leme* «сок», «суп» [UEW: 245]. Ср. **Салонга**.

– *Леменга* (Арх. г., Шенк. у.) ~ коми *l'õt* «черемуха» [Vasmer 1936: 237].

Лендюг > Вона > Светица > Кичменьга (Влг, К-Г). ~ Пра-саам. **lēŋkę*, саам. сев. *lieggâs*, Инари *liegas*, Колтта *liõggâs*, Кильдин *lĩngas*, тер. *lieŋged* «теплый» [YS: 68–69]. Изменение **ŋk* (*ŋg*) > **nd* > *нд* могло произойти как на русской почве, так и в языке-источнике.

Либеньга > Сухона (Влг, Ньюкс). ~ Фин. *liiva*¹ «тонкий песок», «ил, тина, грязь», ижор., вод. *lĩva*, эст. *liiv* «песок» [SSA 2: 75] или фин. *liiva*² «слизь», «пена», «водоросль», карел. *liiva* «слизь (обычно в стоячей воде)», люд. *lĩv* «трава в воде или на берегу», «зеленая слизь на поверхности озера» [SSA 2: 75–76]. Карел., люд. > рус. диал. *лива*, *лыва* «лужа, сырое место» [Kalima 1919: 157–158]. ТЭ зафиксировала также *лыба* «топкое место на болоте» (Арх: Карг, Нянд).

Лизменьга > Вага (Влг, В-Важ). ~ Фин. диал. *lisma* «грязь, ил, тина», саам. Луле *lišme*, швед. *lisme* «то же» > рус. диал. *лизма*, *лизьма*, «топкое место, поросшее сверху мхом, травой» (Влг: Вашк, Выт). Подробнее см. СТРС I, 239–240; СТРС II, 89.

***Лондуга** < *Лондушка* > Тарнога > Кокшеньга (Влг, Тарн). В письменных источниках – *Лондога*, *Лундога* [ЦГАДА, ф.

1356]. ***Лондуг** < **Лондужка* < *Лондушка* > Понга > Унжа (Костр, Кол). ~ Прасаам. **lontē*, саам. сев. *lodde*, Инари *lodde*, Колтта *lādd*, Кильдин *lāñd*, тер. *loñde* «птица» [YS: 70–71] = фин., ижор., карел. *lintu*, люд. *lind(u)*, вепс., эст., лив. *lind* «то же» [SSA 2: 80]. Ср. **Лундюга**.

Лудига (*Лудега*) > Сев. Двина (Арх, Вин). // **Луденьга I** > Пежма > Вага (Арх, Вель), **Луденьга II** (*Луденга, Лудиньга*) > Ёмба > Кубена (Влг, Вож). **Лудонга** (*Луданга, Лудоньга*) > Сев. Двина (Арх, К-Б). **Лыданга** (*Лыдонга*) > Мехреньга > Устья (Арх, Уст). ~ Мар. *лудо*, горн. *лыды* «утка; водоплавающая птица» [СМЯ 3: 412].

Сопоставление с саамскими данными (прасаам. **lontē*, саам. сев. *lodde*, Инари *lodde*, Колтта *lādd*, Кильдин *lāñd*, тер. *loñde* «птица» [YS: 70–71]) неудовлетворительно, во-первых, потому, что в древних саамских наречиях РС носовой согласный в консонансах сохранялся¹ [СТРС II, 222], а во-вторых, поскольку все эти названия находятся в севернофинской зоне на юго-востоке РС. Сравнение с фин. *luoto*, ижор. *lōto*, карел. *luoto*, люд. *luod(o)*, вепс. *lodo*, вод. *lōto*, эст. диал. *lood* «(маленький и скалистый) остров», «каменистая мель», «подводная скала», «каменистое место в поле» и т.п. [SSA 2: 111] также следует отклонить, так как приб.-фин. *uo*, *ō*, *o* в субстратной топонимии РС регулярно соответствует рус. *o* (ср. фин. *tuomi* и *Томанга*, см. также [Матвеев 1969: 48–49]). На это же указывает Калима [Kalima 1919: 57], который приводит ряд русских диалектных заимствований подобного типа из прибалтийско-финских языков, ср. фин. *kuokka* – рус. *кокица*, карел. *puod'ivo* – рус. *нодьа* и т.п. Встречающаяся в древнейших заимствованиях (фин. *Suomi* – *Сумь*, фин. *luoto*, ка-

¹ По-видимому, кроме микрорегиона Средней Пинеги.

рел., ливв. *luodo* – луда) передача *uo* рус. *у* в СТРС не засвидетельствована (кроме детерминанта *луда* на западе РС и апеллятива *луда*, распространенного очень широко, но преимущественно в северной части РС, тогда как на юге и юго-востоке региона ему соответствует *лода*). Подробнее об этом см. СТРС I, 218–219. Колебание *у* ~ *ы* точно соответствует данным марийского языка.

– *Луденьга* (Волог. г., Вель. у.) ~ коми *lud* «луг», удм. *lud* «поле» [Vasmer 1936: 247]. Матвеев 1960: 114; 1969: 48–49.

Лужуга (*Луджига*, *Лудзегга*, *Лудъзига*, *Лужегга*, *Лужига*, *Лузига*) > Лельма > Моша (Арх, Плес). // **Луженьга I** > Сухона (Влг, В-Уст), **Луженьга II** (*Лужанга*, *Лужанъга*, *Луженга*, *Луженка*) > Илеза > Стар. Тотьма > Сухона (Влг, Бабуш). ~ Прасаам. **liśe*, саам. сев. *liśčâ*, Инари *liśča*, Колтта *liśč*, Кильдин *ližž*, тер. *liśč* «жидкое испражнение», «нечистоты», «помет» [YS: 70–71].

Лундюга (*Луньдюга*) > Великая Охта > Виледь (Арх, Вил). // **Лундонга I** (*Лунданга*) > Унжа (Влг, Ник), **Лундонга II** (*Лунданка*) > Луза (Киров, Луз). ~ Прасаам. **lontē*, саам. сев. *lod'de*, Инари *lodde*, Колтта *lâdd*, Кильдин *lâñd*, тер. *loñde* «птица» [YS: 70–71] = ? фин., ижор., карел. *lintu*, люд. *lind(u)*, вепс. *lind*, вод. *lintu*, эст. *lind*, лив. *lind* «то же» ~ мар. *lăđă*, *ludo* «утка» [SSA 2: 80]. Подробности см. фин.-угор. **lunta* [UEW: 254]. Ср. ***Лондуга**.

– Фин. *lontto* «яма», эст. юж. *lont* «лужа» [Матвеев 1960: 114]; саам. норв. *lod'de*, кольск. *lont* «птица» [Матвеев 1970в: 121].

Луптега (*Луптя*, *Луптяга*) > оз. Мошинское > Моша (Арх, Нянд). **Луптюга** (*Луптега*) > Полтома > Нюхча > Пинега

(Арх, Пин). **Луптюг I** > Ветлуга (Костр, Окт), **Луптюг II** > Хмелевка > Нея > Ветлуга (Костр, Поназ). ~ Фин. *lurpo*, *lurpa*, *lurpi*, карел. *lurpo* «бородатый лишайник» = саам. швед. *larpo*, Пите *lâh'po*, Луле (*s*)*lahppõ*, норв. *lâp'po* (*lur'po* < фин.) «то же», эрз. *пиро́й*, *лиро́й*, мокш. *пирăй* «мох». Саам. > фин.-карел. или наоборот? [SKES: 314]. Ср. более полную информацию о семантике финских слов: фин. *lurpo*, *lurpa*, *lurpi* «бородатый лишайник, растущий на деревьях», диал. также «очески, плохая трава (сено), мусор, сор, остающийся после злаковых растений», карел. *lurpo* «бородатый лишайник»? = саам. норв. *lâp'po* (соответствия также в диалектах Уме, Пите, Луле, Колтта, Кильдин) «то же» [SSA 2: 212].

Для этимологии очень важны сведения о рус. диал *луна*, засвидетельствованном ТЭ на РС в значении «наносы на берегах рек, озер из остатков водяных растений, особенно тростника, ситника; сухая прошлогодняя трава на берегу» (Арх: Карг, Плес; Влг: Вож), «тростник, ситник» (Арх: Карг; Влг: Кир). Ср. еще олон. *луна* «трава растущая на илистых местах в воде» [Куликовский: 51], *луна* «тростник» [СРНГ 3: 108]. Это русское слово несомненно восходит к прибалтийско-финским источникам, что подтверждается и его географией (олонецким ареалом). Другая важная деталь – метонимическая калька: река *Луптега* (Нянд) берет начало в озере, которое местные жители называют *Травяное* (на карте – оз. Суropyтово).

Взрывной *t* должен рассматриваться как вставной звук, возникший на русской почве (ожидалось бы **Lurjug* > **Луплюг*, но это труднопроизносимо ввиду начального *л*).

Однако может быть предложено и другое решение, ср. коми *лӧн* (*лӧнт-*) «древесный хлам», «сор», «валежник», переносно «негодная вещь, хлам», которое возводится к доперм.

**lspt3-* [КЭСК: 162] и сопоставляется с венг. *lap* «болото, топь», диал. «обломки камыша, соломы и сена, которые наносятся на берег во время половодья и впоследствии остаются на берегу» [КЭСК: 415]. Семантический аспект и в этом случае адекватен, но звуковые соответствия менее ясны. В [UEW: 257] восстанавливается фин.-угор. **lspr3*.

Лухтонга (*Лухтанга*) > Кубена (Влг, Вож). ~ Фин. *luhta* «(береговой) луг», «заливной луг», «низкое сырое место», «осока», ижор. *luhta* «засохшая трава», «старая трава», карел. *luhta* «заливной луг», «низкое место», люд. *luht(ę)* «лужа», «береговой луг», «трава берегового луга», вепс. *luht* «лужа», «мелкое место», «заливной луг», вод. *luhta*, эст. *luht* «заливной луг», «осока» [SSA 2: 98]. Лухтонга «вытекает из топких заболоченных озерных впадин», «берега ее низкие и топкие» [Соллертинский 1922: 12]. Один из притоков Лухтонги – река *Сенная*. Менее вероятно прасаам. **lōktę*, саам. сев. *luok'tâ*, Инари *luohta*, Колтта *luhtt*, Кильдин *lūχt*, тер. *līkt* «залив» ~ фин. *lahti* «то же» [YS: 70–71].

– Матвеев 1960: 114; 1964б: 74; 1969: 48–49, 53; 1970в: 122–123; 1997: 38.

Луюга (*Луега, Луига, Луйга*) > Волюга > Устья (Арх, Уст). ~ Прасаам. **lojē*, саам. сев. *loggie*, Инари *loje*, Колтта *lāāj* «тихий», «спокойный», «смирный» [YS: 68–69] = фин., карел., люд., вепс *luja* «крепкий, прочный», «сильный», «твердый» [SSA 2: 100]. Ср. еще мар. *луй* «куница» [СМЯ 3: 414].

Лындога (*Лындыга*) > Койдокурка > Сев. Двина (Арх, Холм). ***Лындыга** < *Лындыжский* > Пинега (Арх, Пин). ~ Фин., ижор., карел. *lintu*, люд. *lind(u)*, вепс. *lind*, вод. *lintu*, эст., лив. *lind*

«птица», ? = саам. *lod'de* «то же» [SSA 2: 80]. О передаче приб.-фин. *i* рус. *ы* см. СТПС I, 136–138.

– Матвеев 1970а: 371–372; СТПС II, 48–50.

Люленьга > Белое море (Арх, Прим). ~ Фин. *lyly*, ижор. *lülü*, карел. *lyly*, люд. *lülü*, вепс. *l'ül'ü*, *lül*, вод. *lülü(pū)* «крень, крепкое кривое дерево», «креновая (крепкая кривая, изогнутая) древесина» [SSA 2: 118].

Ляменьга (*Ляминьга*) > Шарженьга > Юг (Влг, Бабуш). ~ Фин. *lämtin*, диал. *lämtä*, *lämti*, ижор. *lämtä*, карел. *lämtin*, *lämtēä*, люд. *läm*, вепс. *l'äm*, вод. *l'ämti*, лив. *lem* «теплый» = эрз. *l'embe*, мокш. *l'ämbä* «то же».

– Ошибочно сопоставление с фин. *lampi*, карел., ливв., люд. *lambi* «пруд», «лесное озеро» [Матвеев 1960: 114].

Магреньга > Ёмба > Кубена (Влг, Вож). **Махренга I** (*Махрена*, *Махренка*, *Махринга*) > Комёла > Лежа > Вологда > Сухона (Влг, Гряз), **Махренга II** (*Махранга*, *Махранка*, *Махраньга*, *Махреньга*, *Махронга*) > Сухона (Влг, Сок).

См. **Мехреньга** (*Мехрёньга*). Вероятна иная огласовка в языке-источнике или другой вариант русской фонетической адаптации. Не исключено, что имело место то и другое.

Маега I (*Маяга*) > Терменьга > Вага (Влг, В-Важ), **Маега II** > оз. Пышелохта > Еменьга > оз. Спасское (басс. р. Моша) (Арх, Нянд), **Маега III** > Нишма > Шиченьга > Сямжена > Кубена (Влг, Сямж). Есть разные возможности: 1. фин. *tajava*, *tajaa*, *taja*, карел. *tajoa*, *tajava*, ливв. *tajai*, вепс. *tajag*, эст. юж. *tajaja(s)* «бобр» [SSA 2: 140] = прасаам. **mājēkē*, саам. сев. *taggjeg*, Инари *taaijuv*, Колтта *taaiji*, Кильдин *mājje*, тер. *tajjeg* «то же» [YS: 72–73]; 2. фин., ижор., карел., люд. *taja* «шалаш, хижина»,

вод. *taja* «жилье, жилище», эст. *taja* «дом», «постройка» [SSA 2: 140]; 3. фин. *таа*, ижор. *tā*, карел. *тоа*, люд. *тия*, вепс. *та*, вод. *tā*, эст. *таа* «земля» [SSA 2: 133].

Майменга (*Майманга, Майменьга, Маймонга, Маймоньга*) > Кичменьга > Юг (Влг, К–Г). ~ Фин., карел. *taima*, люд. *taim(e)*, вепс., эст. *taim* «маленькая рыбка», «малек», «наживка» [SSA 2: 138].

– Матвеев 1960: 114.

Маленьга > Ухта > Нюхча > Белое море (Карелия, Белом). Близ границы с Архангельской областью. ~ Фин. *malo* «край», «бок», «залив», «берег», карел. сев. *malo* «низкая вода», эст. *mala* «песчаный морской берег» [SSA 2: 142]. Река течет по краю обширного болота Большой Мох, которое примыкает к берегу Белого моря.

– Матвеев 1960: 114.

Манега > Вологда > Сухона (Влг, Влгд). ~ Прасаам. **mānā*, саам. сев. *tanpa*, Инари *таана*, Колтта *taanâk*, Кильдин *tānēx* «ребенок», «мальчик» [YS: 74–75]. Но возможны и другие решения, ср. саам. тер. *тана* «плес», «проточное озеро» [KKS: 236], Колтта, Кильдин *tāññ^e* тер. *таññē*, норв. *mānnje* «невестка» [KKS: 236].

Марденьга > Сухона (Влг, В-Уст). ~ Фин. диал. *maarto*, *marto*, *marta* «молодь рыбы, малек» = саам. норв. *mar'do* «хорошая свежая икра» [SSA 2: 136] или фин. *marras* «лежащий при смерти», «мертвый, мертвец», диал. *marto* «бесплодный», «яловый», ижор. *marras* «умирающий», карел. *marras* «бесконечный, вечный», «мерзлота», эст. *marras* (род. *marda*) «хилый», «слабый», *mardus* «(зловещий) призрак, привидение» [SSA 2: 151], ср.

саам. Сонгельск, Нотозеро *mārdes*, Кильдин *mārdas* (?) «рыба или дичь, которая своей странностью или необычностью способа добычи предвещает смерть ловцу» [KKS: 240]. Ср. **Мартюга**.

– Матвеев 1960: 114.

Марега > Кептур > Илеза > Старая Тотьма > Сухона (Влг, Бабуш). **Марьюга** (*Марега, Марёга, Марьёга*) > Ковжа > оз. Лача (Арх, Карг). **Марюга** (*Марега*) > Бол. Пучкас > Сухона (Влг, Сок). ~ Фин., ижор., карел. *marja*, люд. *muard'(e), mard'*, вепс. *mar'g, mar'j, mar'd'*, эст. *mari* (род. *marja*) «ягода» [SSA 2: 149] = прасаам. **mōrjē*, саам. сев. *tuor'je*, Инари *myerji*, Колтта *muerrj*, Кильдин *mūrj*, тер. *mūrje* «то же» [YS: 78–79]. Ср. морд. *mar'*, мар. *mör, mörö* и фин.-волж. **marja* «то же» [UEW: 264].

Мартюга > Бол. Бобровка > Сухона (Влг, Нюкс). См. **Марденьга**.

Матюг I > Ветлуга (Киров, Шаб), **Матюг II** > Бол. Парюг > Вохма > Ветлуга (Костр, Вох). ~ Прасаам. **matō*, саам. сев. *matto*, Инари *maatu*, Колтта *määtt*, Кильдин *mādd*, тер. *matta* «червь, червяк» [YS: 74–75] < фин., ижор., карел. *mato*, люд., вепс. *mado*, вод. *mato*, эст. *madu* «червь, червяк; змея» [SSA 2: 154].

Меженьга > Верхняя Тойма > Сев. Двина (Арх, В-Т). ~ Прасаам. **mēssē*, саам. сев. *mæs'ce*, Инари *teccī*, Колтта *teïss*, Кильдин *tiëss*, тер. *tiëxse* «лесная область» [YS: 74–75] ? = фин., ижор. *metsä*, карел. *mettšä*, люд. *metš, mets, mettše*, вепс., эст. *mets* «лес» [SSA 2: 163]. Предполагается озвончение в основе (**tš* > *dž* > рус. *дж* > *ж*, хотя **dž* > **ž* могло произойти и в языке-источнике). Об озвончении согласных в субстратной топонимии

РС см. СТРС I, 142–143. Ср. также *Мичуг* ~ *Межа*. См. **Мечуга**, **Мичуг**.

Мендюга (*Меньдюга*) > Мехреньга > Емца > Сев. Двина (Арх, Холм). ~ Фин. *mänty*, ижор. *mäntü*, карел. *mänty*, *mäntö*, люд. *mänd(ü)*, вепс. *mänd*, вод. *mäntu*, эст. *mänd* «(мяндовая) со-сна» [SSA 2: 193]. Относительно *ä* > *e* см. СТРС I, 140–141.

– Матвеев: 1969: 51; СТРС II, 53–54.

Мехреньга I (*Михреньга*) > Устья > Вага (Арх, Уст), **Мехреньга II** (*Михреньга*) > Емца > Сев. Двина (Арх, Холм), **Мехреньга III**, поле (Арх, В-Т), **Мехреньга IV**, поле (Арх, Вин), **Мехреньга V** (*Михреньга*), с. (Арх, Нянд), **Мехреньга VI**, луг (Влг, Вож). ~ Фин. *mäyrä*, *mäkrä*, карел. *mägrä*, ливв. *mägrii*, люд., вепс. *mägr*, эст. *mäger* «барсук» = ? мар. *perye* «то же» [SKES: 361]. На р. *Мехреньга I* находится луг *Изовёчьё* (*Изови́ца*) < рус. диал. *ёзвик*, *ёзвиц*, *ёзвица*, *ёзвич* «барсук», *ёзвичий* «барсучий» [СТРС III: 310–311]. Примечательно, что из шести названий только два являются гидронимами. По-видимому, *Мехреньга* < **Мегреньга* уже на русской почве (ср. *Яхреньга* < **Ягреньга*). Обращает на себя внимание последовательное смещение ударения на второй слог. См. карту 4.

На РС параллельные названия с детерминантом *Vga* не выявлены, но есть р. *Мегрега* в Карелии (Олон.). Этот гидроним толкуется из карел. *Mägrätjogi* [Мамонтова 1982: 60] как «Река барсуков». Проблему создает форма смежного карельского названия д. *Мегрега* – *Mägrii* [СКЯЛ: 7], ср., однако, русское название р. *Варзуга* (Мурм, Терск) и саамское *Vjârsij* [KKS: 1034].

– *Megrenga* < *Megrega* ~ карел. *mägrä* [Sjögren 1861: 301, 512]; *Mechrenga* ~ карел. *mägrä*, но не приб.-фин. [Vasmer 1934:

424–425]; Матвеев 1960: 114; 1964а: 191; 1964б: 74; 1969: 51. См. также СТПС II, 53.

Мечуга > Вель (Арх, Вель). ~ Прасаам. **mēccē*, саам. сев. *mæc'se*, Инари *meccī*, Колтта *meäcc*, Кильдин *miecc*, тер. *mieχce* «лесная область» [YS: 74–75] ? = фин., ижор. *metsä*, карел. *mettšä*, люд. *metš*, *mets*, *mettšē*, вепс., эст. *mets* «лес» [SSA 2: 163] или фин. *metso*, ижор. *metsoi*, карел. *mettšo*, ливв. *metšoi*, люд. *metšoi*, *mettšuoī*, вепс. *metsj*, *metsoi*, *metsō*, вод. *mettso*, эст. *metsis* «глухарь» [SSA 2: 163]. Ср. **Меженьга**, **Мичуг**.

– СТПС II, 221.

Милюг (*Мильдюг*, *Мильнюг*) > Унжа (Костр, Кол). ~ Прасаам. **mēllē* < сканд., саам. сев. *miel'le*, Инари *mielli*, Колтта *miell*, Кильдин *miell* «речной обрыв» [YS: 76–77]. Колебание *ð* ~ *n* в фонетических вариантах позволяет думать о том, что это вставные согласные. О гласном **i* в соответствии с прасаам. **ē* см. 5.1.1.

Митюг I > Унжа (Влг, Бабуш), **Митюг II** > Кунож > Унжа (Влг, Бабуш). ~ Прасаам. **mēte*, саам. сев. *miettâ*, Инари *mieta*, Колтта *miött*, Кильдин *mīdd*, тер. *mitt* «мед» [YS: 76–77] < фин. *mesi* (род. *meden*), ижор., карел. *mesi*, люд. *meži*, *mezi*, вепс. *meži*, вод., эст. *mesi* «мед» ~ морд. *med'*, *mäd'*, ? мар. *mü*, *müj*, удм. *tu*, коми *ta*, венг. *méz* «то же» (< фин.-угор. **mete*) [SSA 2: 161]. О **i* ~ прасаам. *ē* см. 5.1.1.

Мичуг > Межа > Унжа (Костр, Меж). ~ Прасаам. **mēccē*, саам. сев. *mæc'se*, Инари *meccī*, Колтта *meäcc*, Кильдин *miecc*, тер. *mieχce* «лесная область» < фин. *metsä* «лес» [YS: 74–75], ср. фин., ижор. *metsä*, карел. *mettšä*, люд. *metš*, *mets*, вепс., эст. *mets* «лес» ?

= саам. *тсѣѣ* «окраина» [SSA 2: 163].¹ Соответствие субстратного **i* прасаамским долгим звукам типа *ē*, *ĕ*, отмечено неоднократно (ср. **Пинюг**, **Пичуг** и др.). См. об этом 5.1.1. Примечательно также, что *Мичуг* является левой составляющей реки *Межа* (правая составляющая – *Конюг*), название которой, может быть, отражает более древний вокализм **e* или *ē* и имеет то же самое исходное значение «лес», но восходит к какому-то другому языку. Этимология подтверждается наименованием речки *Боровая Шохра*, впадающей в Межу в двух километрах ниже слияния Мичуга и Конюга у населенного пункта *Борки*. Ср. **Меженьга** и **Мечуга**.

– Коми *мича* «красивый» [Матвеев 1963: 80; 1964б: 75], коми *мича* «красивый» или саам. *tieess* «лес» [Востриков 1979: 54, 55].

Морженьга I > Пельшма > Бохтюга > Сухона (Влг, Сок), **Морженьга II** > Подюга > Вель > Вага (Арх, Кон). ~ Фин. *morsian*, диал. *morsein*, *morsien*, ижор. *morssia* «невеста», карел. *morsien*, *moržein*, вепс. *muřžäin*, *muřžei*, *mořžä* «молодуха», «молодая жена», эст. *mõrsja*, диал. *mõrs*, *mõrši* «невеста» [SSA 2: 172] > прасаам. **mõrsā*, саам. сев. *moar'se*, Инари *myerssee*, Кильдин *mořsej* «невеста», «молодуха» [YS: 78–79].

– Матвеев 1960, 114–115.

Мудьюга I (*Мудьѣга*) > Онега (Арх, Он), **Мудьюга II** > Двинская губа (Арх, Прим). ~ Фин., ижор., карел. *muta*, люд., вепс. *tuda*, вод. *muta*, эст. *tuda* «ил, тина; муть (в воде)» = саам.

¹ Реконструируется фин-угор. **теѣä* «край, сторона чего-либо» [UEW: 269], что соответствует рус. *межа*, которое имеет диалектное значение «лесок», но является славянским и балтийским словом со значением «дерево», «лес» [Фасмер II: 591].

норв. *modde* «болотный ил, тина», Луле *mâtē* «пыль от одежды», морд. *moda* «земля» [SSA 2: 184], саам. Патсйоки *mō'tte*, Сонгельск *moadd^E*, Нотозеро *moadd^E* «ил, тина» [KKS: 262]. Ср. рус. олон. *мудега* «торф», «мутная, грязная вода» [Куликовский: 57] < вепс. *mudeg* «илистая, грязная вода» [Kalima 1919: 167]. Ср. еще выт. *мудйга* «грязь, муть, ил» [СРГК 3: 268].

– *Мудьюга* ~ фин. *muta joki* «мутная река» [Castrén 1862: 95–96]; *Мудьюга* (Арх. г., Онеж. у.) ~ фин. *muta*, эст. *muda* «ил, тина; грязь» [Vasmer 1934: 416]; СТРС II, 129.

Мурдюг > Вятка (Киров, В-Шиж). // **Мурденьга** > Пежма > Вага (Арх, Вель). ~ Фин. *murto* «деревья, сваленные ветром», карел. *murto* «сор, мусор», «валежник, бурелом», вепс. *murdot* «сор, мусор», эст. *murd* «перелом; валежник, бурелом» ~ эрз. *murdams*, мокш. *mârdams* «возвращаться обратно». Саам. норв. *murdet* «посторониться, отойти в сторону», *mur'do* «валежник, бурелом» с соответствиями в диалектах Луле, Инари, Колтта, Кильдин и терском считаются заимствованиями из финского [SSA 2: 182]. Для толкования гидронима важно название леса *Мурды* (мн.), т.е. «Завалы», «Лома (диал.)», засвидетельствованное на РС (Арх, Карг).

– *Мурдюга, Мурдюк* (Вят. г., Орл. у.) ~ удм. *murda* «имеющий глубину» [Vasmer 1936: 251]; приб.-фин.-саам. (фин. *murto* и т.п.) [Матвеев 1969: 48–49; 1970а: 437–438].

Мустюга > Уфтюга > Сев. Двина (Арх, К-Б). ~ Фин., ижор., карел. *musta*, люд. *must(e)*, вепс., эст. *must* «черный» [SSA 2: 183].

– Матвеев 1997: 36; СТРС II, 52–53.

Неленьга I > Лака > Кулой (Арх, Мез), **Неленьга II** > Вага (Арх, Шенк). ~ Прасаам. **nēlkē*, саам. сев. *næ'l'ge*, Инари *nelgi*, Колтта *neälgg*, Кильдин *niēlg*, тер. *niēlg* «голод» [YS: 82–83] = фин., ижор., карел. *nälkä*, люд. *ñäl'g(ę)*, вепс., эст. *nälg*, лив. *nālga* «то же» [SSA 2: 251]. Конечный согласный основы выпал. Это могло произойти и в языке-источнике. Ср. **Нельнюга**.

Нельменьга > Пинега (Арх, Пин). ~ Прасаам. **ñālmē*, саам. сев. *njal'bme*, Инари *njälmi*, Колтта *njälmt*, Кильдин *ñālm*, тер. *ñālme* «рот», «устье» [YS: 86–87]. Ср. также венг. *nyelv* «язык», саам. *njal'bme* ~ *njalme* «рот», мар. *jālmə*, *ñōlme* «язык», манс. *ñēelm* «язык» [Collinder: 61], которые восходят к фин.-угор. **ñālmä* «язык» [UEW: 313–314]. В финских языках привлекает внимание саамско-марийское соответствие. Близ устья в Нельменьгу впадает р. Лывлей.

Сюда же, очевидно, относится **Мельменьга** > Устья (Арх, Уст) ввиду возможной ассимиляции **n* – *m* > *m* – *m*, отсутствия основы *мельм* в других названиях СТРС и географических данных (на левом берегу Устья слияние трех «рассох» Мельменьги в 0,5 км от места ее впадения, на правом берегу слияние двух значительных притоков Переиски и Квазеньги в 1 км от берега).

– СТРС II, 92.

Нельнюга I > Шорда > Мехреньга > Емца > Сев. Двина (Арх, Плес), **Нельнюга II** (*Нельнега*) > Пинега (Арх, Пин), **Нельнюга III** (*Нельнега*) > Пинега (Арх, Пин). См. **Неленьга**. В результате ассимилятивных процессов ауслаут основы переработан. Это могло произойти и в языке-источнике.

Немнюга I > Кулой (Арх, Мез) < *Немьюга* [АСВР III, № 15; ДДГ, № 89], **Немнюга II** (*Немнега*, *Немьнега*) > Пинега (Арх,

Пин), **Немнюга III** > Пучкома > Вашка (Коми, Удор). ~ Фин. *niemi*, ижор. *nēti*, карел. *niemi*, люд. *ńiem(i)*, вепс. *ńet*, вод. *nēti*, эст. *neet* «мыс» [SSA 2: 216]. О вставном *h'* см. СТРС I, 146. Ср. **Нименьга**.

– *Немега* (Новг. г., Валд. у.) ~ фин. *niemi* «мыс» [Vasmer 1934: 374], *Немнюга*, пр. Кулоя (Арх. г., Пин. у.) ~ ? фин. **Niemenjoki* или саам. *ńatń* «глина» [Vasmer 1936: 203–204], что ошибочно для *Немнюга I*, но возможно для *Немнюга II, III*; *Немнюга* < *Немьюга* ~ приб.-фин. [Матвеев 1968: 35; 1969: 51]; СТРС II, 54–55.

Нёрмуга > Шукша > Пинега (Арх, Пин). ~ Саам. Сонгельск, Нотозеро *ńoĩĩ^a*, Кильдин *ńoĩĩ^a* «заросшее место (в воде, редко на земле)» [KKS: 305] = фин., ижор., карел. *nurmi*, люд. *niĩm*, вепс. *nort* «луг, поляна», вод. *nurmi* «поле», эст. *nurm* «поле, луг», лив. *nurm* «поле» [SSA 2: 242–243].

– Матвеев 1969: 48–49, 51; СТРС II, 92–93.

Нерюга I (*Нерьюга*) > Лофтура > Пеза > Мезень (Арх, Мез), **Нерюга II** (*Нернюга*) > Нюльнюга > Онега (Арх, Он). ~ Прасаам. **nēřē*, саам. сев. *njærre*, Инари *njeeri*, Колтта *njiärr*, Кильдин *ńierr*, тер. *ńier(r)am* «небольшой порог; прибрежный луг» [YS: 86–87]. Показателен вариант *Нернюга* со вставным согласным (см. СТРС I, 146).

Нименьга I (*Неменьга, Миненьга, Мининга, Мининьга*) > Свидь > оз. Лача (Арх, Карг), **Нименьга II** (*Неменьга*) > Волошка (Арх, Кон), **Нименьга III** (*Неменьга, Ниминьга*) > Моша (Арх, Нянд), **Нименьга IV** (*Неменга* [АСМ 1479–1571, № 242; КБЧ: 152], *Нименга* [АСМ 1479–1571, № 180]) > Белое море (Арх, Он).

~ Фин. *niemi*, ижор. *nēmi*, карел. *niemi*, люд. *niem(i)*, вепс. *ńet*, вод. *nēmi*, эст. *neet* «мыс» [SSA 2: 216]. Ср. **Немнюга**.

– Матвеев 1960: 114; 1964а: 191; СТПС II, 54–55.

Нимчуг > Кичменьга > Юг (Влг, К-Г). ~ Прасаам. **niñśē*, саам. сев. *njižžē*, Инари *njižžē*, Колтта *nježž*, Кильдин *niñž*, тер. *niñžē* «женская грудь», «сосок» [YS: 86–87] = фин. *nisä*, вепс. *niža*, вод. *nisä*, эст. *nisa* «то же» [SSA 2: 225]. В с. Бобровское (Влг, Нюкс) засвидетельствован вариант *Немчуга*. Зафиксировано в саамской топонимии [KKS: 998]. Метафора: в вершине р. Нимчуг есть три округлые возвышенности.

Нойдуга > Синегга > Вель > Вага (Арх, Вель). ~ Прасаам. **nōjtē*, саам. сев. *noi'de*, Инари *noaidi*, Колтта *nāidd*, Кильдин *nojd*, тер. *njejde* «колдун, волшебник» [YS: 82–83] = фин., ижор., карел. *noita*, люд. *noide*, вепс. *noid*, эст. *nōid* «то же» [SSA 2: 227–228].

– Матвеев 1968: 35.

Нореньга I (*Норанга, Норонга*) > Мехреньга > Емца (Арх, Плес), **Нореньга II** (из *Норозеро*) > Калажма > Ваймуга > Емца (Арх, Холм), **Нореньга III** > Сухона (Влг, Нюкс), **Нореньга IV** (*Норенька, Норинга*) > Сямжена > Кубена (Влг, Сямж), **Нореньга V** > Вожбал > Царева > Сухона (Влг, Тот), **Нореньга VI** (*Большая, Малая*) > Сухона (Влг, Тот). ~ Фин. *poro* «небольшой ручей», «ложбина, низина с ручьем», карел. *poro* «ложбина, низина» [SSA 2: 232]. Связано с тем же гнездом слов, что и фин. *poriia* «течь, литься», имеющее соответствия в других прибалтийско-финских языках в близких значениях [SSA 2: 233]. Ввиду урал. **ńorз* «болото» [UEW: 324], возможно, из **Нёреньга* с диссимиляцией *н'-н'* > *н-н'*. См. карту 4.

Все эти реки протекают по низким заболоченным местам. *Нореньга V* имеет приток р. *Мокрая*, а *Нореньга VI* – р. *Болотница*.

– Фин. *noro* «ложбина» [Матвеев 1960: 114].

Норменьга > Вель > Вага (Арх, Кон). ~ Фин., ижор., карел. *nurmi* «трава; лужайка, луг», люд. *niŋm*, вепс. *norm* «то же», вод. *nurmi* «поле», эст. *nurm* «поле; луг», лив. *nurm* «поле» = саам. Колтта, Кильдин *ńormt̃* «травостой (в воде)» [SSA 2: 242–243]. Может быть, из **Нёрменьга*, ср. фин.-угор. **ńurme* «луг» [UEW: 328], **Нёрмуга** и **Нореньга**.

– Матвеев 1960: 114.

***Нылога** (< *Ныложка*, д. *Нылога*) > Виледь > Вычегда (Арх, Вил). ~ Фин., карел. *nila* «заболонь», «луб», *niloa* «снимать кору с дерева», люд. *ńila* «заболонь», «луб», вепс. *nila* «лубяной слой» [SSA 2: 221] = прасаам. **ńele*, саам. сев. *njállât*, Инари *njoollad̃*, Колтта *njõöllâd̃*, Кильдин *ńelled̃* «снимать кору с дерева» [YS: 84–85]. С учетом географии ср. также коми *ныл* (*ныл*-) «девочка, девушка, дочь», удм. *ныл* «дочь», «девушка», «невеста» [КЭСК: 196].

Нюксеньга > Юрлюга > Кокшеньга (Влг, Тарн). ~ Прасаам. **ńukse*, саам. сев. *njuk'čâ*, Инари *njuhčâ*, Колтта *njuhčč̃*, Кильдин *ńuḡč̃*, тер. *ńukč̃* «лебедь» [YS: 88–89] = эрз. *lokšij*, *lokšt'im*, мокш. *lokšt'i*, мар. *d'ũkšă*, *jukt'šö*, *d'ũksă*, удм., коми *jus* «то же» ~ фин., ижор. *joutsen*, карел. *joutšen*, люд. *d'outtsen*, *d'outsim*, вепс. *d'outsin*, *jousne*, эст. (поэт.) *jõudsin*, (диал.) *joos*, *jues* «то же» [SSA 1: 244]. Ср. еще мар. *ũḡkcö*, горн. *ũḡkсы* «лебедь» [СМЯ 2: 156].

Гидроним имеет саамский анлаут **ń*, но содержит сибилант **ś*, ср. общеперм. **juśk*- «лебедь», доперм. **jōkśe* «то же» [КЭСК: 336] и фин.-перм. **jokśe* «то же» [UEW: 101].

Ср. также фин.-угор. **ńukśe* «соболь» [UEW: 326–327].

– Матвеев 1969: 52–53.

Нюльнюга (*Нюльнега*) > Онега (Арх, Он). ~ Прасаам. **ńōle*, саам. сев. *ńjuollâ*, Инари *ńjuola*, Колтта *ńjuõll* Кильдин *ńüll*, тер. *ńjll* «стрела» [YS: 88–89], = фин. *nioli*, ижор. *nōli*, карел. *nioli*, эст. *pool* «то же» [SSA 2: 239]. Перед детерминантом эпенетическое *н'* (см. СТПС I, 146). Ср. мар. *нōлō* «стрела» [СМЯ 4: 197] и урал. **ńele* (*ńōle*) «то же» [UEW: 317].

Нюнега (*Нюнюга*, *Нюньга*) > Вага (Арх, Шенк). // **Ню-неньга** > Кема > Унжа (Влг, Ник). ~ Прасаам. **ńōnē*, саам. сев. *ńjunne*, Инари *ńjune*, Колтта *ńjuinn*, Кильдин *ńunn*, тер. *ńunne* «нос» [YS: 88–89] = фин. *nenä* «нос», *nenäke* «мысок», ижор. *nenä* «нос», «мыс», карел. *nenä*, люд. *ńenä*, *nenä*, вепс. *ńenä*, вод. *nenä* «нос», эст. *nina*, диал. *пена*, *пōпа*, *папа*, лив. *panā* «нос», «мыс» [SSA 2: 213]. Раннеприб.-фин. **ńana* [Korhonen 1981: 133]. Распространенная метафора «нос» > «мыс».

– *Нюнега* (Арх. г., Шенк. у.) ~ саам. норв. *ńjudne*, *ńjune* «нос» [Vasmer 1936: 205–206]; СТПС II: 93.

Нюрюг I > Паозеро > Ветлуга (Киров, Шаб), **Нюрюг II** > Вохома > Ветлуга (Костр, Вох), **Нюрюг III** > Ветлуга (Костр, Шар). // **Нюренга** > Това > Лундонга > Унжа (Влг, Ник). ~ Прасаам. **ńōre*, саам. сев. *ńjuorrâ*, Инари *ńjuora*, Колтта *ńjuõrr* Кильдин *ńũrr* «подводный камень, мель, отмель» [YS: 88–89]. Альтернативная этимология: коми, удм. *нюр* «болото» при общеперм. **ńsr* с тем же значением [КЭСК: 201]. Дальнейшие связи (фин.

poro «ложбина», а также обско-угорские и самодийские соответствия) сомнительны [SKES: 393; КЭСК: 201; UEW: 324]. Следует заметить, что сколько-нибудь значительные болота в бассейнах этих рек на картах не показаны.

– *Нюрюга* (Волог. г., Ник. у.) ~ коми, удм. *ñur* «болото» [Vasmer 1936: 242; Матвеев 1963: 80; 1968: 35], коми, удм. *нюр* «болото» или саам. *ñuorǎ* «волосообразный мох на дне реки» и саам. *ñuor^a* «мель» [Востриков 1979: 54, 55].

Олмога > Вадюга > Пинега (Арх, В-Т). **Олмуга** > Кепина > Сояна > Кулой (Арх, Мез). ~ Прасаам. **olmō-*, саам. сев. *olmuš*, Инари *olmoož*, Колтта *ååumaž*, Кильдин *ålmeñž*, тер. *olmøj* «человек» [YS: 90–91].

Онёга > Белое море (Арх, Он). ~ Прасаам. **ēñō*, саам. сев. *ædno*, Колтта *jäänn*, Кильдин *jān-* «большая река» [YS: 32–33] = фин. *eno* «большая река», «поток», «фарватер», карел. *eno* «глубокое место, фарватер (в реке)» [SSA 1: 105].

– *Онега* ~ фин. *enojoki* «большая река» [Castrén 1862:96; Веске 1890: 5], фин. *enojoki* или саам. Луле *ætmi* «река» (с обоснованием **e* > рус. *o*) [Vasmer 1936: 203].

Ордюга > Ежуга > Пинега (Арх, Пин). ~ Прасаам. **ortę*, саам. сев. *or'dâ*, Инари *ordo*, Колтта *ordd*, Кильдин *orđ*, тер. *urde?* «граница леса в тундре» [YS: 90–91] или прасаам. **ortē*, саам. сев. *or'de*, Инари *ordestid*, Колтта *årdd*, Кильдин *vueřd* «грань», «кромка» [YS: 90–91]. Надо учитывать также саам. норв. *orddo*, Патсйоки *orđ^a*, Сонгельск *orđ^a*, Нотозеро *orđ^lř^a* «стадо оленей» [KKS: 320]. Ср. **Урдюга**.

Отуга > Кепина > Сояна > Кулой (Арх, Мез). ~ Прасаам. **oðe*, саам. сев. *oddâ*, Инари *uðða*, Колтта *oodâs*, Кильдин *odd*, тер. *ott* «новый» [YS: 88–89] = фин. *uusi*, ижор. *ūs*, карел. *uusi*, люд. *ūzi*, вепс. *uz*, вод. *ūsi*, эст. *uus*, лив. *ūž* (мн. *ūd*) ~ морд. *od*, мар. *и*, *иw* «то же» [SSA: 380–381].

Оченга (*Очанга*, *Оченьга*) > Онега (Арх, Он). ~ Фин. *otsa* «лоб», диал. также «голова», «конец (деревни, вещи)», ижор. *otsa*, карел. *ottša*, люд. *otš*, вепс. *ots*, вод. *ettsa*, эст. *ots* в тех же и близких значениях [SSA 2: 275–276]. Речка впадает в Онегу в 0,5 км выше д. Пачепелда.

Ошега (*Ошага*, *Ошуга*) > Мезень (Арх, Леш), **Ошуга** (*Ошага*) > Пёза > Мезень (Арх, Мез). // **Ошеньга** (*Ошинга*, *Ошиньга*) > оз. Лача (Арх, Карг). ~ Прасаам. **õššē*, саам. сев. *hoasšâ*, Инари *hoasši*, Колтта *viâšš*, Кильдин *viešš* «хвощ» [YS: 94–95] ~ фин. *hosia*, карел. *huosja*, люд. *huod'ž(е)*, вепс. *hožj*, эст. *osi*, лив. *vožā* «то же» (фин. > саам.) [SSA 1: 174]. Ср. также мар. *ош(о)* «белый», «светлый» [СМЯ 4: 361] и коми *ош* «медведь» [КЭСК: 209].

– Коми *ош* «медведь» или мар. *ош* «белый» [Матвеев 1969: 50, 54]. Коми этимология актуальна только для названий с формантом *Vga*.

Падюг > Кичменьга > Юг (Влг, К-Г). // **Паданга** > Юг (Киров, Подос). **Паденьга** > Вага (Арх, Шенк). Возможны разные решения: 1. фин. *pata* «горшок», «котел», *patama* «круглая котловина на местности», «лесное озеро», ижор., карел. *pata*, люд. *pada* «глиняный сосуд», вепс. *pada* «(глиняный) горшок», вод. *pata* «глиняный сосуд», эст. *pada*, лив. *padā* «посуда для варки» ~ мар. *pat*, *pot* «котел» [SSA 2: 322–323]; 2. фин. *pato* «плотина», «за-

пруда», «(рыболовный) запор», карел. *pato*, вепс. *pado* «то же» [SSA 2: 324] = прасаам. **pōdō*, саам. сев. *buoddo*, Инари *puāđu*, Колтта *puādd*, Кильдин *puedd*, тер. *pietta* «то же» [YS: 108–109]; 3. прасаам. **pādvē*, саам. сев. *badʹvâ*, Колтта *pađv* «свилы; нарост; кап, наплыв (на дереве), идущий на поделки» [YS: 96–97] = фин., карел. *patvi*, люд., вепс. *padv* «то же» [SSA 2: 326] с утратой конечного согласного основы; 4. фин. *paasi* (род. *paaden*) «(большой) плоский камень», «скала» карел. *poaje* (род. *poatien*) «верх печи», вод. *pāsi* «(большой) плоский камень», эст. *paas* «сланец», «верх печи» [SSA 2: 282].

– **Паденьга** (Арх. губ., Шенк. у) ~ коми *bad'* «ива» [Vasmer 1936: 237]; фин. *paasi* (*paaden*) «большой плоский камень, плита» [Матвеев 1960: 114].

Падреньга > Вель > Вага (Арх, Вель). ~ Фин. *peura*, *petra* «дикий олень», «лось», карел. *petra* «дикий олень», люд. *pedr(ē)*, вепс. *pedr* «(дикий) олень», вод. *pēdra* «лось», эст. *põder* (род. *põdra*) «олень» [SSA 2: 346]. О соответствии приб.-фин. *e* ~ субстр. *a* см. СТПС II, 205–209.

Пажега (*Пажева*) > Вологда > Сухона (Влг, Влгд). **Пажуга** > Леденьга > Сухона (Влг, Тот). См. **Пашуга**. О возможности озвончения см. СТПС I, 142–143; СТПС II, 235, 239, 324, 325.

Палега > Мезенская Пижма > Мезень (Арх, Леш). **Палуга I** > Ираса > Мезень (Арх, Леш), **Палуга II** > Мезень (Арх, Леш), **Палуга III** > Лофтура > Пёза > Мезень (Арх, Мез), **Палуга IV** > Пёза > Мезень (Арх, Мез). // **Паленьга I** > Верх. Тойма > Сев. Двина (Арх, В-Т), **Паленьга II** > Сев. Двина (Арх, В-Т), **Паленьга III** > Сев. Двина (Арх, Вин), **Паленьга IV** > Ёга > Емца > Сев. Двина (Арх, Холм), **Паленьга V** > Пинега (Арх, Холм), **Па-**

леньга VI > Шарженьга > Юг (Влг, Ник). ~ Фин. *pala* «гореть», *palo* «пожар», ижор. *pallā* «гореть», *palo* «пожар», карел. *paloa*, *palo*, люд., вепс. *palada*, *palo*, эст. *põleda* в том же и близких значениях ~ эрз. *paloms*, мокш. *palâms* «гореть» [SSA 2: 298–299]. Прасаам. **põlē*, саам. сев. *buollet*, Инари *pyellid*, Колтта *puelled*, Кильдин *pülled*, тер. *pilled* «гореть» [YS: 108–109] не соответствует фонетически. Возможно сравнение с прасаам. **pālkkē*, саам. сев. *bal'ka*, Инари *pālkki*, Колтта *pālkk*, Кильдин *pālk*, тер. *palke* «плата» [YS: 98–99] < фин., ижор., карел. *palkka*, люд. *palk(ke)*, вепс. *paik*, *rouk*, вод. *palkka*, эст. *palk* «то же» [SSA 2: 301], если допустить выпадение заднеязычного в основе.

– *Паленьга* ~ *пал-* «гарь» [Матвеев 1969: 48–49].

Парданьга (*Парденьга*, *Пардоньга*) > Пуя > Вага (Арх, Вель). ~ Прасаам. **pertte*, саам. сев. *bâr'tâ*, Инари *portta*, Колтта *põrtt*, Кильдин *pert*, тер. *põr't*, «изба, баня» [YS: 96–97]. Ср. также мар. *nõrt* «дом, изба» [СМЯ 5: 236].

Возможно, эта же основа выступает в роли детерминанта в названии рч. *Пешпарт* (*Пешпорт*) < **Пежпарт* (**Пежпорт*), притока р. *Пеженьга* (Костр, Кол).

Об озвончении согласных см. СТРС I, 142–143; СТРС II, 235, 239, 324, 325.

Пачуга > Котуга > Сояна (Арх, Прим). ~ Прасаам. **pācē*, саам. сев. *bošcet*, Инари *pääččid*, Колтта *pääččed* «стрелять» [YS: 96–97] или прасаам. **pāsse*, саам. сев. *bāccâk*, Инари *raassah*, Колтта *raassik*, Кильдин *pāžzeχ*, тер. *россõnge* «шишка (еловых деревьев)» [YS: 96–97].

Пашуга > Илисига > Моша (Арх, Нянд). // **Пашеньга I** > Курга > Пинега (Арх, Пин), **Пашеньга II** > Маковеевка > Устья

(Арх, Уст), **Пашеньга III**, поле (Влг, Тарн). **Пашпáденьга** (*Паипаньга, Паипоньга*), с. на р. **Паденьга** (см.) (Арх, Шенк). ~ Прасаам. **põšē*, саам. сев. *biošše*, Инари *puēši*, Колтта *puēšš*, Кильдин *puēššed* «сердитый, злой» [YS: 110–111]. Мнения расходятся: по [YS: 110] саам. < фин. *paaha* «плохой», но в [SKES: 455; SSA 2: 286] указывается, что связь между этими словами не установлена. Другая возможность: прасаам. **pēsē*, саам. сев. *básse*, Инари *pase*, Колтта *pââss*, Кильдин *pass*, тер. *passe* «святой» [YS: 96–97]. Подробно обе версии рассматриваются в СТПС II, 234–240.

На адъективный характер основы *паш* указывает ойконим *Паипаденьга*, в котором слово **paš* явно выступает в роли определения.

– Матвеев 1969: 47–49, 51; СТПС II, 234–240.

Педруга (*Педрога*) > Суланда > Вага (Арх, Шенк). ~ Фин. *peura*, *petra* «дикий олень», «лось», карел. *petra* «дикий олень», люд. *pedr(e)*, вепс. *pedr* «(дикий) олень», вод. *peđra* «лось», эст. *põder* (род. *põdra*) «олень» [SSA: 346].

– СТПС II, 57.

Пёжуга > Пинегга (Арх, Пин). // **Пеженьга I** > Вохтомица > Волошка > Онега (Арх, Кон), **Пеженьга II** (*Пеженга*) > Юза > Унжа (Влг, Бабуш), **Пеженьга III** > Пежма > Вага (Влг, В-Важ), **Пеженьга IV** (*Пеженга*) > Юг (Влг, Ник), **Пеженьга V** (*Пеженга, Пеженка*) > Унжа (Костр, Кол). Обращают на себя внимание смежные названия *Пеженьга III* > *Пежма* и *Пешпарт* (*Пешпорт*) < **Пежпарт* (**Пежспорт*) > *Пеженьга V*.

Может быть связано с коми *пеж* «поганный, нечистый, грязный», удм. *пож* «мутный, грязный» ~ мокш. *p'itšē*, *p'ize*

«грех», эрз. *пежедема* «то же» при общеперм. **pež* «грязный, мутный» и доперм. **pščä* [КЭСК: 218]. Примечательно, что в р. *Пеженьга III* близ устья впадает р. *Грязная (Черная)*.

Другие возможности: прасаам. **pēsē*, саам. сев. *bässe*, Инари *peesī*, Колтта *piäss*, Кильдин *piess* «гнездо» [YS: 100–101] = фин., ижор., карел. *pesä*, люд., вепс. *peza*, вод. *pesä*, эст. *pesa* ~ морд. *pize, piza*, мар. *pəžäš, pəžäš*, коми *poz* «то же» [SSA 2: 344], а также прасаам. **pēssē*, саам. сев. *bæs'se*, Инари *peesi*, Колтта *peäss*, Кильдин *piess*, тер. *piešse* «береста», «береза» [YS: 100–101].

– Коми *пеж* «поганный» [Матвеев 1963: 82–83].

Пёкшеньга > Пюла > Пинега (Арх, Пин). ~ Эрз. *пекшие* «липа», *пекшень* «липовый» [Эрз РС: 467], мокш. *пяше* «липа», *пяшень* «липовый» [Мокш РС: 559]. Ср. еще мар. *пикш* «стрела» [СМЯ 5: 116], актуальные ввиду фин.-угор. **pekše* «стрела (с тупым концом?)» [UEW: 369].

Пелега I > Теда > Сев. Двина (Арх, В-Т), **Пелега II** > Нездюга > Лельма > Моша (Арх, Плес). **Пелюга** > Пинега (Арх, В-Т). // **Пеленьга I** > Вель (Арх, Вель), **Пеленьга II** > Елюга > Вель (Арх, Вель), **Пеленьга III** > Пежма > Вель (Арх, Вель), **Пеленьга IV (Пеленга)** > Сывтуга > Кожа > Онега (Арх, Он), **Пеленьга V** > Онега (Арх, Плес). **Пеленгá**, луг (Арх, Холм). ~ Прасаам. **pēlē*, саам. сев. *bælle*, Инари *peeli*, Колтта *piäll*, Кильдин *piell*, тер. *pielle* «сторона», «половина» [YS: 100–101]. Допустимо и сопоставление с эрз. *pel'*, мокш. *päl'* «сторона», эрз. *pel'e*, мокш. *pälä* «половина», мар. *pel* «сторона», *pele* «половина», родственными прасаам. **pēlē* и восходящими к урал. **pälä* «половина», «сторона» [UEW: 362].

Пенога > Кокшеньга (Влг, Тарн). ~ Прасаам. **rēnek*, саам. сев. *bāpnā*, Инари *rææniv*, Колтта *riānpai*, Кильдин *rienneu*, тер. *riēnɔg* «собака» [YS: 100–101] = фин. *peni* «собака», ижор., карел., вод. *penikka* «щенок собаки», эст. диал. *peni*, *pinī*, лив. *pi³n* «собака» ~ эрз. *pi¹ne*, мокш. *piñä*, мар. *pi*, *pij* «собака», *räñeγä*, *piñeγä* «щенок» [SSA 2: 335–336] < фин.-перм. **repe* «собака» [UEW: 371].

Перденьга I > Тавреньга > Вель (Арх, Кон), **Перденьга II** (*Перденька*) > Илеза > Старая Тотьма > Сухона (Влг, Бабуш), **Перденьга III** (*Перденька*, *Пертеньга*, *Пердинга*, *Перьдинга*) > Пигома > Кубена (Влг, Вож). В гидронимах произошло нередкое для РС (см. СТПС II, 223) озвончение **t* в консонансе. Этому могли способствовать звонкий консонанс форманта и народная этимология на русской почве. См. **Пёртуга**, **Пертюг**.

Пёртуга (*Пертуга*) > Стрелица > Сухона (Влг, Сок). **Пертюг** > Кипшеньга > Юг (Влг, Ник). ~ Фин. *pirtti* «изба, избышка; комната; баня», ижор. *pertti*, карел. *pirtti*, *pertti*, люд. *pert'*, вепс. *peit'* «изба, избышка» [SSA 2: 374]; фин. > прасаам. **pertte*, саам. сев. *bār'tā*, Инари *portta*, Колтта *põrtt*, Кильдин *pert*, тер. *pört* «изба, избышка; баня» [YS: 96–97]. Ср. еще мар. *nõpm* «дом, изба» [СМЯ 5: 236]. Саамское слово считается финско-карельским заимствованием, которое усвоено из др.-рус. *pirtī* «баня», рус. *pert'* «карельский крестьянский двор». Мар. *pört* «изба» также рассматривается как заимствование из русского языка [SSA 2: 374]. Однако основа *перт*, *пёрт* (> *перд*) широко распространена в самых различных типах СТПС (ср. *Перденьга*, *Пертома*, *Пёртоя*, *Пёртуга* и т.п.). Поэтому она должна считаться дорусской. Ср. **Перденьга**.

– Фин. *pirtti*, карел. *pertti* ~ мар. *nöpm* «изба» [Матвеев 1963: 80; 1969: 48–49, 53; 1970а: 490–493; 1970в: 122–123].

Петеньга I > оз. Лача (Арх, Карг), **Петеньга II** > Сить > Кубена (Влг, Хар). ~ Фин. *peto* «хищный зверь», в диалектах иногда «медведь», «волк», ижор., карел. *peto* «хищный зверь»; фин. > саам. (норв. *bætto* «то же» с соответствиями в диалектах Луле, Инари) [SSA 2: 344].

Петрюг (Пертюг) > Вохма > Ветлуга (Костр, Вох). ~ Фин. *peura*, *petra* «дикий олень», «лось (диал.)», карел. *petra* «северный олень», «дикий олень», люд., вепс. *pedr* «(северный) олень», эст. *põder* (род. *põdra*) «лось» [SSA 2: 346]. Следует заметить, однако, что сочетание согласных *tr* (шумный + сонорный *p*) в гидронимии на *Vg* является единственным в своем роде (тогда как консонансы типа *pt* обычны). Это в сочетании с вариантной формой *Пертюг* дает основание допустить переработку **Пертюг* > *Петрюг* на русской почве, может быть, под влиянием народной этимологии (см. **Пертюг**).

– Приб.-фин. (фин. *peura*, *petra* и т.п.) [Матвеев 1970а: 386].

Печеньга I > Вага (Арх, Вель), **Печеньга II** > Кизема > Устья (Арх, Уст), **Печеньга III** > Устья (Арх, Уст), **Печеньга IV** > Кубена (Влг, Вож), **Печеньга V** > Суда > Рыбинское водохранилище (Влг, Кад), **Печеньга VI** > оз. Еломское > оз. Воже (Влг, Кир), **Печеньга VII** > Сухона (Влг, М-Реч), **Печеньга VIII** > Илеза > Кокшеньга > (Влг, Тарн), **Печеньга IX** (Нижняя Печеньга) > Сухона (Влг, Тот), **Печеньга X** > Сухона (Влг, Тот), **Печеньга XI** > Сить > Кубена (Влг, Хар), **Печеньга XII** > Кострома (Костр, Буй), **Печеньга XIII** > Баренцово море (Мурм, Печенг). ~ Прасаам. **rēcē*, саам. сев. *bæsse*, Инари *reesi*, Колтта *riäss*,

Кильдин *pieзз*, тер. *piecse* «сосна» [YS: 100–101] = фин. *petäjä*, ижор. *pettājä*, карел. *petäjä*, люд., вепс. *pedai*, вод. *petäjä*, эст. *pedajas*, юж. *petäi*, лив. *piedāg* «то же» ~ эрз. *pitše*, мокш. *pitšä*, мар. *päntša*, *püüt'šö*, удм. *pužim*, коми *požəm* «то же» [SSA 2: 345–346]. См. карту 4.

Небезынтересно, что р. *Печеньга IX* имеет приток *Лесная Печеньга*, а на р. *Печеньга X* была д. *Красный Бор*, однако для этимологии наиболее важны финское и саамское наименования р. *Печеньга XIII* (*Печень* [КБЧ: 148]), ср. саам. Кильдин *Péadtsam* и фин. *Petsamo* [KKS: 1005], которые позволяют отвергнуть возможность саамского происхождения этого гидронима (об этом см. [Kalima 1946: 126]) и вместе с тем являются еще одним примером соответствия *м* (фин., саам. *т*) ~ *н(ь)г* в формантах, ср. *Пеженьга – Пежма*, *Еденьга II* (*Иденьга*) – *Едьма* (*Идьма*).

Печеньга XIII и другие гидронимы с формантом *Vн(ь)га* на Кольском полуострове, видимо, появились в результате миграции носителей языка топонимии на *Vн(ь)га* из Подвинья.

– Хант. *пече* «сосна», *печенг* «сосновый» [Европеус 1868: 62]; Матвеев 1960: 114; 1970в: 121; 1996: 18; СТРС I, 36.

Пилюг (*Пилюжок*) > Кичменьга > Юг (Влг, К-Г). ~ Фин. *pieli* «край; косяк; столб; шест, кол, жердь», ижор. *pēli*, карел. *pieli*, люд. *piel*, вепс. *pel'*, эст. *peel*, лив. *pēl'* в тех же и близких значениях [SSA 2: 347]. Прасаам. **pēle* «опорный столб», «мачта» считается заимствованием из финского, ср. фин. *pieles* «стог сена», «прясло для просушки (сена, хлеба и т.п.)» и саам. сев. *bielās*, Инари *pielas*, Колтта *piöll*, Кильдин *pīll*, тер. *pill* [YS: 102–103]. Ср. также **Пелега**, **Пелюга**, **Пеленьга**. О вокализме основы см. 5.1.1.

Пинега > Сев. Двина (Арх, Холм), в памятниках: *Пѣнега* [СГКЭ I, № 556; СГКЭ II №№ 1, 8, 9, 28, 106], *Пѣнежка* [СГКЭ II, № 203], *Пенега* [АСВР III, № 291^a; ДДГ, № 104], *Пенежка* [АСВР III, № 290], *Pienega* [Герберштейн 1908: 128]. **Пинюг I** > Мала > Пушма > Юг (Киров, Подос), ***Пинюг II** < *Пинюжка* > Кичуг > Пушма > Юг (Киров, Подос). ~ Фин. *pieni*, ижор. *rēn*, *rēni*, карел. *pieñi*, люд. *pieñ(i)*, вепс. *reñ*, *riñ*, вод. *rēni* «маленький, небольшой; малый», эст. *reep* «тонкий» [SSA 2: 348]. На возможность образования форм с гласным *i* указывает уже вепс. *riñ*. Подробности о соответствии приб.-фин. **e* ~ субстр. **i* см. 5.1.1.

Этимология убедительно подтверждается реалиями: *Пинега* по сравнению с Сев. Двиной «Малая река», *Пинюг* впадает в реку *Мала* (ср. русские названия типа *Дубна*), а *Пинюжка* – совсем маленькая речка (3-4 км длиной).

– *Пинега* ~ фин. *pieni* «малый» + *joki* «река» [Sjögren 1861: 317; Castrén 1862: 96 (по сравнению с Сев. Двиной); Грот 1876: 242; Веске 1890: 5]; фин. *peni* «собака», *penikka* «щенок» ~ мар. *pi* «собака», *piñeʹə* «щенок» [Vasmer 1934: 423], саам. *pienneʹ*, *pi-anpaʹ* «собака» [Vasmer 1936: 204].

– *Пинюга* (Волог. г., Ник. у.) ~ коми *piñ* «зуб» [Vasmer 1936: 243]. Ошибочно вместо *Пинюг* (~ фин. *pieni* «маленький» [Матвеев 1963: 80]).

Пичуг > Юг (Влг, К-Г). // **Пиченьга**, бол. (Арх, Холм). ~ Фин., карел. *petäjä*, люд., вепс. *pedai*, эст. *pedajas*, юж. *petäi* (род. *pedäjä*) «сосна» = саам. *bæsse*, морд. *pitše*, *pitšä*, мар. *päntšä*, *püñt'šö*, удм. *pižijm*, коми *požəm* «то же» [SSA 2: 345–346], ср. прасаам. **rēscē*, саам. сев. *bæsse*, Инари *reeci*, Колтта *piäcc*, Кильдин *pieʒʒ*, тер. *piecce* «то же» [YS: 100–101].

Наиболее близки мордовские формы, но не следует упускать из виду, что прасаамским звуком типа *ē*, *ê* в языке субстрата могло соответствовать **i* (см. 5.1.1.). Просматривается и другая возможность – мар. *нич*, горн. *пйц* «глухой, дремучий; густо, сплошь заросший, дикий», «глухой, находящийся далеко в глуши, в малонаселенных местах»; «темный; более густой, насыщенный по цвету», «мрачный, темный» и т.п. [СМЯ 5: 123–124].

– *Пычуга* (Волог. г., Ник. у., Вят. г., Нол. у.) ~ коми *pytš*, удм. *pitš* «блоха» [Vasmer 1936: 243, 252]; мар. *нич* «дремучий» [Матвеев 1964а: 190].

Подюга > Вель > Вага (Арх, Вель). ~ Прасаам. **rōdō*, саам. сев. *buođđo*, Инари *puadui*, Колтта *puädd*, Кильдин *puedd*, тер. *pjetta* «плотина, запруда» [YS: 108–109] = фин., карел. *pato*, вепс. *pado* «то же» [SSA 2: 324]. Ср. еще фин. диал. *puoto*, *puotto* «то же» < саам. *buođđo* [SSA 2: 433].

Поеньга (*Поенга*, *Поинга*) > Ельма > оз. Кубенское (Влг, Влгд). ~ Мокш. *пою*, эрз. *пой* «осина», хант. *poji* «то же», коми, удм. *пипу* «осина» (< общеперм. **ri-pi* «то же», *pi* «дерево») < доперм. **roje* + *пи* [КЭСК: 222] или саам. Инари *roajui* «ива» (с соответствиями в диалектах Колтта и Кильдин), эрз. *poj*, мокш. *poji*, удм., коми *pi(-pi)* «осина» < **rojz* [SSA 2: 293], хотя [UEW: 391] связывает саамское слово с фин. *raju* «ива».

– Морд. *пой* «осина» [Матвеев 1997: 38].

Покшеньга > Пинега (Арх, Пин). **Пукшеньга** > Сев. Двина (Арх, Холм). Есть все основания считать, что эти гидронимы восходят к одному источнику. Во-первых, верховья Пукшеньги находятся близ Покшеньги, и в старину здесь, по-

видимому, был волок. В таких случаях, как хорошо известно, обе «волоковые» реки часто имеют одно наименование. Во-вторых, фонетически названия чрезвычайно близки, различаясь одним гласным звуком заднего ряда, смежным по подъему (*o* и *y*). В-третьих, на РС колебание *o/y* распространено очень широко (см. об этом СТРС II, 223–224). В-четвертых, в источнике начала XVII в. эти реки именуются одинаково *Пушенга Пинежская* и *Пушенга Двинская* [КБЧ: 165]. Основа искажена, что нередко в памятниках того времени, но тождественность названий совершенно очевидна. С течением времени, видимо, произошла дифференциация названий, которая могла быть связана как с утратой значения водного пути, так и с диалектной спецификой языков-источников или местного русского освоения названий в разных микрорегионах Припинежья и Подвинья. Вопрос о первичности основы (**rokš* или **pukš*) трудноразрешим, хотя для РС обычнее изменение *o > y*.

Заслуживают внимания следующие интерпретации: 1. мар. *покшел*, горн. *покшал* «середина», «средний» [СМЯ, 5: 159], поскольку *Покшеньга* и *Пукшеньга* относятся соответственно к бассейнам среднего течения Пинеги и Сев. Двины; 2. мар. *пукшаи* «кормить», «служить средством пропитания» [СМЯ, 5: 317] – семантически возможная модель для достаточно большой реки; 3. эрз. *поки* «большой» [ЭрзРС: 493].

– Фантастично предположение, что *Покшеньга* < венг. *fok* «мыс» + мар. *šenga, šinga* «холмик» [Sauvageot 1958: 6]. ~ Мар., морд. [Матвеев 1996: 21; 1997: 38].

Полуга (*Полога*) > Сюма > Вага (Арх, Шенк). **Полюг I** > Городишна > Сухона (Влг, Нюкс), **Полюг II** > Старая Тотьма > Сухона (Влг, Тот). ~ Прасаам. **pōle*, саам. сев. *buollet*, Инари *pyellid*, Колтта *puelled*, Кильдин *pülled*, тер. *pilled* «гореть» [YS:

108–109] = фин. *pala*, ижор. *pallā*, карел. *paloa*, люд., вепс. *pal-ada*, эст. *põleda* «гореть» [SSA 2: 298]. Другая возможность – фин. *puola*, ижор. *põla*, карел. *puola*, люд. *buol(e)*, вепс. *bol*, эст. диал. *pool(as)* ~ коми *pul* «брусника» [SSA 2: 430] < фин.-угор. **pola* «ягода» [UEW: 392].

Попьюга > Мезень (Арх, Леш). ~ Фин., карел. *porra* «колдун», «шаман» (< рус. *non*) [SSA 2: 396] или фин., ижор., карел. *rappi*, люд. *rappi*, *rap*, вепс. *rap*, вод. *rappi*, эст. *rapp*, лив. *rār* «священник» (< слав., ср. рус. *non*); фин., карел. > саам. норв. *bar'râ*, *rap'ra* «то же» [SSA 2: 311]. Если рус. *о* в гидрониме *Попьюга* из фин. *a*, то это древнее заимствование.

– Матвеев 1969: 53.

Порданга (*Пордонга*) > Устья (Арх, Уст). ~ Прасаам. **pertte*, саам. сев. *bâr'ta*, Инари *portta*, Колтта *pört*, Кильдин *pert*, тер. *põrt* «изба», «баня» [YS: 96–97] ~ мар. *põrt* «дом, изба» [СМЯ 5: 236]. Показательны названия притоков Порданги ручьев *Пёртовский* и *Избяной*, а также наименование покосного урочища *Избушка* по обеим сторонам этой реки. Озвончение согласных в консонансах на юго-востоке региона встречается часто (см. СТРС II, 223). Ср. **Перденьга**, **Пёртуга**, **Пертюг**, **Портюга**, **Портюг**.

– СТРС I, 270.

Порнога > Уфтюга > Сухона (Влг, Нюкс). ~ Прасаам. **põrne*, саам. сев. *buor'dnâ*, Инари *puorna*, Колтта *piõrnn*, Кильдин *pīñ*, тер. *piñ* «яма для хранения» [YS: 110–111]? = фин. *pirni* «закорм», «ларь», «яма для хранения продуктов», ижор. *pirni*, *pirno*, карел. *pi(u)rni*, люд. *pirn(u)*, *pīrni*, вепс. *pirn* «ларь для хранения муки, зерна» [SSA 2: 437]. Восстанавливают фин.-

перм. **porñe*, при этом мар. *pññä* «короб из липовой или березовой коры» считается заимствованием из прапермского или удмуртского [UEW: 735–736].

Портюга > Пинега (Арх, Холм). **Портюг** > Межа > Унжа (Костр, Меж). ~ Прасаам. **pértte*, саам. сев. *bâr'tâ*, Инари *portta*, Колтта *põrtt*, Кильдин *pert*, тер. *pört* «изба», «баня» [YS: 96–97] и мар. *nõрт* «дом», «изба» [СМЯ 5: 236]. Прибалтийско-финские данные (фин. *pirtti*, карел. *pertti* и др. «то же») фонетически не соответствуют. Ср. также прасаам **põrttē*, саам. сев. *boar'te*, Инари *poartti*, Колтта *puärtt*, Кильдин *pueřt*, тер. *pieřte* «берестяной сосуд» [YS: 106–107] ~ коми *nõрт*, удм. *пурты* «котел» [КЭСК: 229]. Ср. **Порданга**.

– *Портюг* (Костр. г., Колог. у.) ~ мар. *pört* «изба, дом» [Vasmer 1935: 541–542].

Почуга > Гбач > Пинега (Арх, Холм). // **Поченга I** (*Потченьга*) > Вологда > Сухона (Влг, Влгд), **Поченга II**, поле (Арх, В-Т). ~ Прасаам. **põсõј*, саам. сев. *boазо*, Инари *poazuј*, Колтта *piäзз*, Кильдин *roаз*, тер. *roазaj* «северный олень (одомашненный)» ~ мар. *pìсә* «олень» [YS: 106–107] < фин.-угор. **poса* «олень (олений теленок)» [UEW: 387–388]. Ср. **Пучега, Пучуга**.

– СТРС II, 229.

Пуйдуга > Вага (Влг, Сямж). ~ Прасаам. **põјte*, саам. сев. *buoi'de*, Инари *puėjdi*, Колтта *puijdd*, Кильдин *pūјd*, тер. *pijde* «жир, сало» [YS: 108–109] = фин. *paita: mahapaita* «брюшина; стенка желудка», карел. *paitarasva* «жир, окружающий рубец (желудок) скотины» [SSA 2: 291]. В топонимии РС неоднократно зафиксирован гидроним *Масляная*. Другая возможность: прасаам.

**pōjtek*, саам. сев. *buoidâ*, Инари *puoiduv*, Колтта *puijddi*, Кильдин *pij̄deγ*, тер. *pijdeg* «горностай» [YS: 108–109].

Пурдюга (*Пурдева, Пурьева, Пурьева*) > Поча > Пинег (Арх, Пин). ~ Фин. *puurtaa* «вызвать след или рябь на поверхности текущей воды (о подводном камне)», *puurto* «водоворот», карел. *puurie* «кружиться», вепс. *purde* «родник, ключ» [SSA 2: 446].

Пуронга I (*Пуранга, Пуранка*) > Ухта > Белое море (Арх, Он), исток – оз. *Пурас*, **Пуронга II** > Кубена (Влг, Сямж). ~ Пра-саам. **pōrē*, саам. сев. *buorre*, Инари *pyeri*, Колтта *puerr*, Кильдин *pūrr*, тер. *pjrre* «хороший» [YS: 110–111] или прасаам. **pōrēve*, саам. сев. *boar're*, Инари *poarree*, Колтта *piärrev*, Кильдин *puerrev*, тер. *poarrev* «плот» [YS: 106–107]. Ср. еще фин., карел. *puo* «ручей» [SSA 2: 437].

– Основа *тур* «ручей» [Матвеев 1969: 48–49].

Путчега (*Путиага, Путишега, Путиога, Путъшега, Пуцшега*) > Пукса > Мехреньга > Емца > Сев. Двина (Арх, Плес). Видимо, то же, что **Пучега** (см.).

Пухтюга (*Пуфтюга, Пухтега*) > Тарня > Ледь > Вага (Арх, Шенк). ~ Фин. *puhdas*, ижор., карел. *puhas*, люд., вепс. *puhtaz*, вод. *puhaz*, эст. *puhas* «чистый» [SSA 2: 414].

Пучега I > Светлуга > Пукшеньга > Сев. Двина (Арх, Пин), **Пучега II** > Суланда > Пуя > Вага (Арх, Шенк), **Пучега III** (*Пучага*) > Шолаша > Вага (Арх, Шенк). **Пучуга** (*Пучега*) > Сев. Двина (Арх, В-Т). // **Пученьга** > Вель (Арх, Вель). ~ Мар. *pūčõ*, горн. *пучы* «олень» [СМЯ 5: 448]. Ср. прасаам. **põxõj*, саам. сев. *boaʒo*, Инари *roaziγ*, Колтта *piäʒʒ*, Кильдин *roaʒ*, тер. *roaʒaj*

«северный олень (одомашненный)» ~ мар. *püčä* «олень» [YS: 106–107]. Ср. **Почуга, Поченга**.

Пыжуг > Юг (Влг, К-Г). // **Пыженьга** > Войманга > Леденьга > Сухона (Влг, Бабуш). ~ Прасаам. **pēsē*, саам. сев. *básse*, Инари *pase*, Колтта *pääss*, Кильдин *pass*, тер. *passe* «святой» [YS: 96–97] = фин. *pyhä*, ижор. *pühä*, карел. *pyhä*, люд., вепс., вод., эст. *pühä* «святой» [SSA 2: 448–449]. Восстанавливают раннеприб.-фин. **püšä* [Korhonen 1981: 161]. Об озвончении *š ~ ž (*пыш* ~ *пыж*) в южной части РС см. СТРС II, 234–237, 324. Ср. также коми, удм. *пыж* (общеперм. **piž*), мар. *пуш* «лодка» (доперм. *pičz*) [КЭСК: 235].

– *Пыжуга* (Волог. г., Ник. у.) ~ коми *pyž* «лодка» [Vasmer 1936: 243], *Пыжуг* ~ коми *пыж* «лодка» [Матвеев 1963: 80], приб.-фин.-саам. [Матвеев 1968: 51; СТРС II, 234–237].

Пырнуг > Кема > Унжа (Влг, Ник). ~ Фин., ижор., карел. *pirni*, люд., вепс. *pirn* «закром», «яма в земле для хранения продуктов» и т.п. = ? саам. сев. *buorna*, удм. *berño*, коми *burña* в близких значениях (мар. *pürña* может быть старым заимствованием из удмуртского или коми языка) [SSA 2: 437], ср. прасаам. **pörne*, саам. сев. *buor'dnâ*, Инари *puorna*, Колтта *piörn*, Кильдин *piñ*, тер. *piñ* [YS: 110–111]. Вокализм основы ближе к удмуртскому (ср. общеперм. **b8rn8* [КЭСК: 42]). Трудно сказать, связано ли с гидронимом название близлежащей деревни *Ямская*.

– Мар. *пырня* «бревно» [Востриков 1979: 54]. Ошибочно, поскольку марийское слово заимствовано из рус. *бревно* [Саваткова 1969: 90].

Пышега I (*Пышага*) > Выя > Пинега (Арх, В-Т), **Пышега II** (*Пышага*) > Илеша > Пинега (Арх, В-Т), **Пышега III** (*Пыщега*)

> Сула > Мезень (Арх, Леш), **Пышега IV** (*Пышога*) > Полта > Кулой (Арх, Пин), **Пышега V** (*Пышига*) > Сюма > Вага > (Арх, Шенк). ~ Прасаам. **p̥ešē*, саам. сев. *básse*, Инари *pase*, Колтта *pââss*, Кильдин *p̥ass*, тер. *p̥asse* «святой» [YS: 96–97]. При фин. *pyhä* «святой» восстанавливается раннеприб.-фин. **p̥iśä* [Korhonen 1981: 161]. О соответствии саам. *s* ~ субстр. **š* см. СТРС II, 232–242.

– Матвеев 1969: 51; СТРС II, 234–237.

Пышуг (в местном произношении обычно *Пыштюг*) > Ветлуга (Костр, Пыщ). Форма *Пыштюг* должна рассматриваться как первичная, поскольку *и* для ареала гидронимии на *Vg* (как и вообще для СТРС) нехарактерный звук. Можно сопоставить с фин. *pusty*, карел. *pisty*, люд., вепс. *püšt*, эст. *püst* «прямой», «крутой» [SSA 2: 451] и далее с фин. *pistää*, карел. *pisteä*, люд. *püštädä*, вепс. *pištta* «колоть» = саам. *bâs'tet*, мар. *pištem*, *pâštem* в том же и близких значениях [SSA 2: 377], ср. прасаам. **p̥ešē*, саам. сев. *bâs'tet*, Инари *pasted*, Колтта *pâstted*, Кильдин *pasted*, тер. *p̥âsted* «колоть» [YS: 96–97]. Но возможна и другая версия: **Пышјуг* > *Пышуг* > рус. диал. *Пыштюг* (см. **Пышега**). Ср. **Пышега III** (*Пыщега*).

– *Пышчуг* (*Пыштюг*) > Ветлуга (Волог. г., Ник. у.) ~ коми *pišt'i* «ласточка» [Vasmer 1936: 244].

Рабаньга (*Рабанга, Рабанка, Рабонга*), часть р. Сухона от истока до р. Вологда или, по другим источникам, до устья р. Пельшма (Влг, Сок). Здесь Сухона протекает вдоль обширного болота *Рабангское*. ~ Фин. *gара* «грязь», «болотный ил», карел. *гара* «щебень», вод. *rapasō* «зыбкое болото», эст. *raba* «болото, поросшее чахлым сосновым лесом» [SSA 3: 49]. По-видимому,

первично название болота, образованное русскими от прибалтийско-финской основы и перенесенное затем на смежную часть реки. Ср. рус. олон. *рабач* «малорослое суковатое дерево» < приб.-фин. [Kalima 1919: 192–193].

– Матвеев 1960: 114; 1964а: 191; 1964б: 74.

Равнюга (*Равнега, Равнига, Рамнега, Рамлюга*) > Верхняя Тойма > Сев. Двина (Арх, В-Т). ~ Фин. *raunio, rounio, routio* «груда камней», «развалины, руины», ижор. *raunio*, карел. *raunivo*, вод. *raunio, rauñio* «груда камней» < сканд. От этого же корня образовано эст. диал. *raun* «груда камней» [SSA 3: 56].

Ремлюга (*Ремлега*) > Пюла > Пинега (Арх, Пин). ~ Саам. Патсьоки *riētñ^e*, Нятямё *riētñ^e*, Нотозеро *riētñ^e*, Кильдин *riētñ^e*, тер. *riētñe*, Инари *rietñis* «лиса» [KKS: 437–438]. Консонанс *tn* (*tn̥*) противопоставляет саамские формы другим родственным словам, производным фин.-угор. **repä* «лиса» [UEW: 423–424]. Диссимиляция **mn* > *ml* на русской почве. Ср. **Рименьга**.

– СТРС I, 98–99.

Рименьга (*Ременга, Ременьга*) > Кодина > Онега (Арх, Он). См. **Ремлюга**. С закономерной диерезой второго носового в консонансе основы. Другая возможность – фин. *rimpi, rimmi* «непроходимое болото, трясина», карел. *rimpi* «зыбун, безлесное болото» [SSA 3: 79] – в фонетическом отношении уязвимее.

– Матвеев 1960: 114; СТРС I, 98–99.

Роврога (*Роврова*) > Соденьга > Устья (Арх, В-Т). ~ Пра-саам. **rōvrō*, Инари *roavru*, Колтта *ruâurr*, Кильдин *roavras* «лед с пустотами на реке» [YS: 114–115].

Розмога (*Розьмога*) > Селезьма > Ледь > Вага (Арх, Шенк). // **Розменьга** (*Розьменга, Розденьга*) > Шолоша > Вага

(Арх, Шенк). ~ Карел. *ruožte* «ржавчина на воде, на траве», *ruožti* «ржавчина (на металле)» [СКЯТ: 245], ливв. *ruozte* «вода со ржавчиной, ржавчина» [СКЯЛ: 317], люд. *ruozte*, *ruožte* «бурая вода со ржавчиной, болотная грязь, ржавчина» [LS: 369], вепс. *rozte* «ржавчина» [СВЯ: 480]. Ср. рус. олон. *ро́змега* «лужица с ржавой водой на лугу, болоте» [Куликовский: 101] ~ люд. *ruozte* «то же», вепс. *rozte* «водянистая почва», ливв. *ruozte* «ржавчина», карел. *ruožte*, *ruošte* «ржавчина на сене или зерне» (этимологически неясное слово) [Kalima 1919: 203–204].

– Матвеев 1970а: 395.

Роменьга I (*Романга, Романьга*) > Вель (Арх, Вель), **Роменьга II** (*Кислая Роменьга*) > Волошка (Арх, Кон). ~ Фин., ижор. *guta* «некрасивый», «плохой, нехороший», карел. *guta* «жадный», «всеядный», вепс. *guta* «всеядный», вод. *guta* «грубый», эст. *rumal* «глупый, бестолковый»? = саам. норв. *robme* (с соответствиями в диалектах юж., Уме, Пите, Луле, Инари) «плохой», «грубый» [SSA 3: 102–103]. Ср. саам. Инари *rome* «некрасивый», «безобразный», «отвратительный» [ILM III: 49]. Этимологию поддерживают как вариант *Кислая Роменьга*, так и утверждения местных жителей о том, что «вода в этой реке неприятна на вкус», «имеет кисловатый привкус», «там есть топкие ключевые озера, из них не пьют» и т.п.

Рочуга I > Тявсора > Чурова > Выя > Пинега (Арх, В-Т), **Рочуга II** > Мезень (Арх, Леш), **Рочуга III** > Пеза > Мезень (Арх, Мез), **Рочуга IV** > Чуплега > Пинега (Арх, Холм). ~ Фин. *Ruotsi* «Швеция», *ruotsalainen* «швед», ижор. *rōtsi* «лютеранин», *rōtsa*, *rōtsalain* «швед», карел. *ruottši*, *ruottšalaine* «финн, лютеранин», люд. *ruotš* «то же», вод. *Rōttsi* «Швеция», эст. *Rootsi* «то же» (фин. > саам. норв. *ruottá*) «Швеция, швед», карел. > саам. Колтта

rūõccǻ «финн») [SSA 3: 108], ср. саам. Патсйоки *ruo^õts^A*, Нотозеро *rūõ^õts^A*, Кильдин *rūð^õts^A*, Аккала *ruottsi* «финн» (Нотозеро – главным образом, Патсйоки – исключительно в сказках о врагах лопарей, то же, что *tšūððe* «чудь», Нотозеро – также «швед») < карел. *ruottši* [KKS: 459]. Этнотопонимия (см. СТРС II, 188–194, 320), а также фонетические данные (**č* или **č̣* > ч) указывают на прибалтийско-финское (карельское) происхождения названий, но в саамских диалектах РС также могло быть **č* или **č̣* (СТРС II, 220–222). Кроме того, *Рочуга I* находится за пределами зоны карельской этнотопонимии (СТРС II, 320). Учитывая географию, следует иметь в виду и коми *роч* «русский» [КЭСК: 243].

***Роюг** < *Роюзжок* > Лондушка > Понга > Унжа (Костр, Кол). ~ Фин., карел. *roju* «бесполезная вещь, мусор, хлам, отбросы», вод. *roju* «сор, мусор», эст. *roju* «гнилой» [SSA 3: 88].

Руденьга > Лебедиха > Волошка (Арх, Кон). ~ Эрз. *рудаз*, мокш. *рдаз* «грязь», «слякоть», мар. *рўданше* «ржавчина», коми. *родõг* «грязь», «ржавчина (в стоячей воде)» [КЭСК: 241–242]. Но ср. также прасаам. **rõvte*, саам. сев. *ruow'de*, Инари *ryevdi*, Колтта *ruvdd*, Кильдин *rūvd*, тер. *rj̄vde* «железо» [YS: 116–117].

Рыстюг > Юг (Влг, Ник). ~ Фин., ижор., карел. *risti*, люд., вепс., эст. *rist* «крест» < др.-рус. *křistŭ*, рус. *krest*. Саам. *ris'tâ* рассматривается как финско-карельское заимствование [SSA 3: 83]. Фонетически к гидрониму ближе саам. Кильдин, тер. *rj̄st̪^A* «крест» [SKES: 814]. Скорее всего это слово проникло в язык гидронимии с форматом *Vz* непосредственно из древнерусского языка во время освоения края русскими. Заметим, что из совре-

менных саамских диалектов именно кильдинский и терский в ареальном отношении наиболее близки к территории РС.

– *Рыстюг* ~ фин. *risti* [Матвеев 1969: 53], приб.-фин.-саам. [Матвеев 1970а: 444–445].

Рюндюг > Вохма > Ветлуга (Костр, Вох). ~ Фин., ижор., карел. *rinta* «грудь», в говорах также «склон», «откос», «край», люд., вепс. *rind* «грудь», эст. *rind* «грудь», диал. «выступ», «уступ», «склон», «откос» [SSA 3: 80] = прасаам. **rentē*, саам. сев. *râd'de*, Инари *radde*, Колтта *râdd*, Кильдин *rañd*, тер. *rõñde* «грудь» [YS: 110–111]. В фонетическом плане важно фин. *rynnäs* (обычно мн. *ryntäät*), карел. *rynnäs*, люд. *ründäz*, вепс. *ründaz* «грудь», которое может быть связано с *rinta* [SSA 3: 117–118]. В вершине реки расположены смежные деревни *Верхний Рюндюг*, *Расклонное* (рус. диал. *расклон* «отклонение, уклон», *расклониться* «поклониться» [СРНГ 34: 122–123]) и *Высокое*.

Сабреньга I (*Сабраньга*, *Саброньга*) > Кизема > Устья (Арх, Уст), **Сабреньга II** > Старая Тотьма > Сухона (Влг, Бабуш). ~ Фин. *saura*, *saapra* «продолговатый стог сена, скирда», *sapra*, *sapro* «шест, жердь в скирде», карел. *soapra* «скирда», люд. *suabr(e)*, вепс. *sabr* «стог сена» [SSA 3: 161]. С учетом соответствия приб.-фин. *e* ~ субстр. *a* (СТРС II, 205–209), ср. также фин. *seura* «общество» ~ прасаам. **sēprē* «(промысловое) общество» (подробнее см. **Себреньга**). Из-за возможной метатезы как на финно-угорской, так и на русской почве нельзя исключить и связь с прасаам. **serve* ~ фин. *hirvi*, саам. сев. *sârvâ*, Инари *sorva*, Колтта *sõrvv*, Кильдин *sērv*, тер. *sõrv* «лось» [YS: 118–119] или прасаам. **servēs* ~ фин. *hirvas*, саам. сев. *sârves*, Инари *sarves*,

Колтта *sâârves*, Кильдин *sarves*, тер. *sårves* «рогач (самец оленя)» [YS: 118–119].

Салонга > Сухона (Влг, Нюкс). ~ Фин., карел., люд. *salo* «обширный лес», «глухой лес», эст. *salu* «лесок, роща» = саам. *suolo* «остров» [SSA 3: 149]. Ср. также морд. *sal*, ? мар. *-tsal*, *-t'sal*: *šantsal*, *šönt' sal* «соль» и фин. *suola*, ижор. *sōla*, карел. *suola*, люд. *suol*, вепс. *sol*, вод. *sōla*, эст. *sool*, лив. *sūol* «то же» > саам. Колтта *suollē* (с соответствиями в диалектах Кильдин и терском) «то же» [SSA 3: 214–215]. В топонимии РС множество ручьев, речек, озер, болот и других объектов с названиями *Соленый* (ая, ое), *Солоный* (ая, ое), *Солонец*, *Солоник*, *Солоница* и т.п.

– Фин., карел. *salo* «лесная глушь», эст. *salu* «роща» [Матвеев 1960: 114].

Себреньга (*Севреньга*) > Кулой > Вага (Влг, Тот). ~ Фин. *seura* «общество», ижор. *sebra* «друг», карел. *sepra*, *seura* «общество», люд. *šiebr(e)* «общество, товарищество», вепс. *sebr* «рабочее общество; общая работа», вод. *sēbra* «друг», эст. *sõber* (род. *sõbra*) «друг» [SSA 3: 172] ~ прасаам. **sēprē*, саам. сев. *sær've*, Инари *servi*, Колтта *seärvv*, Кильдин *siebr* «(промысловое) общество» [YS: 122–123].

– Фин. *seura* «общество» [Матвеев 1969: 53].

Севнега (*Севнюга*) > оз. Цивозерское > протока > Сев. Двина (Арх, К-Б). ~ Фин. *säynävä*, *säynäs*, *säynäjä*, *säyne*, ижор. *säüines*, *säüine*, карел. *säyneä*, люд. *šäünäg*, *säüine*, вепс. *säüne*, вод. *säünäjä*, эст. *säinas* «язы» = саам. норв. *sæwnjád*, эрз. *señej*, мокш. *šēñi* «то же» [SSA 3: 243], ср. прасаам. **sēvne*, саам. сев. *sæwnjád*, Колтта *sivn*, Кильдин *sivn* «язы» [YS: 124–125].

Севчуга (*Чевчуга, Шевчуга*) > Двиница > Вага (Влг, Сямж). **Секчуга** (*Севчуга*) > Вага (Арх, Шенк). **Сивчуга** (*Севчуга*) > Кулой > Вага (Арх, Вель). ~ Саам. Уме *tiak'tja*, Луле *tjektja*, норв. *čiek'ča*, Инари *čiehča*, Колтта *t'šičč'čš^A* «скопа» = фин. *sääksi*, эст. *sääsk* «то же» ~ коми *tšiktši* «чайка» [SKES: 1178–1179; SSA 3: 244]. Ср. еще мар. горн. *сексй* «скопа» [СМЯ 6: 174]. Колебания согласных в основе, видимо, связаны с отражением в гидронимах как номинативной, так и генетивной конструкции, ср. саам. Колтта *t'šičč'čš^A* – род. *t'šieut'š^A* «скопа» [KKS: 660], Утсйоки *čičč'čš* – род. *čiewwčš* «скопа» [LW I: 85]. В отношении колебания гласных ср. саам. Имандра *čikč* «скопа» [KKS: 660], а также саам. норв. *čiefča*, *čikča* «то же» [Uotila 1933: 290].

Сельдега > Тихманьга > оз. Лача (Арх, Карг.). **Сельдюг** > Унжа (Костр, Кол). // **Сельденьга** > Кичменьга > Юг (Влг, В-Уст). ~ Фин., карел. *selkä*, люд. *šelg* «спина», «возвышенность, горная гряда», вепс. *sel'g*, эст. *selg*, лив. *sālga* «спина» = саам. норв. *čiel'ge* «спина», «возвышенность, горная гряда» [SSA 3: 167]. Диссимиляция заднеязычных. *Сельдега* впадает в Тихманьгу у д. *Горка*, а *Сельдюг* и *Сельденьга* текут по холмистой местности.

Сельменьга I (*Большая Сельменьга*¹) > Кулой > Вага (Арх, Вель), **Сельменьга II** > Вага (Арх, Вель), **Сельменьга III** (*Малая Сельменьга*) > Кокшеньга (Арх, Вель), **Сельменьга IV** > Пучуга > Курья > Сев. Двина (Арх, В-Т), **Сельменьга V** > Вага (Арх, Шенк), **Сельменьга VI** > Сев. Двина (Арх, Вин), **Сельменьга VII** > Сухона (Влг, Нюкс), **Сельменьга VIII** > Сухона

¹ *Сельменьга I* и *Сельменьга III* близки верховьям и поэтому соотнесены в местной топонимии как *Большая Сельменьга* и *Малая Сельменьга*.

(Влг, Тот). ~ Фин., ижор., карел. *salmi*, люд. *sal'm*, *salm(i)*, вепс. *sal'm*, *sout*, эст. *salm* «пролив» [SSA 3: 148] = прасаам. **śōlmē*, саам. сев. *čoaľbme*, Инари *čoaľmi*, Колтта *čüäľmm*, Кильдин *čueľm*, тер. *čjeľme* «то же» [YS: 26–27]. С учетом реконструкции ранне-приб.-фин. **śolma* [Korhonen 1981: 87] < фин.-перм. **śolma* [UEW: 775] основу следует представлять в виде **śolm* или **śoľm*, что позволяет восстанавливать первоначальное **Сёльменьга* с последующей переработкой гласного первого слога на русской почве в положении между мягкими согласными в результате ассимиляции последующему гласному в широко распространенном варианте форманта (**Сёльменьга* > *Сельменьга*).

Так именуются реки, впадающие в протоки (курьи, полои) Сев. Двины (*Сельменьга IV*, *Сельменьга VI*), вытекающие из озер или больших топких болот (глубже 2 м), которые раньше явно были озерами (*Сельменьга I*, *Сельменьга V*) и т.п. Зафиксирована также метонимическая калька: в вершине р. *Сельменьга III* есть руч. *Проливов* и ур. *Проливки*. Другие подробности см. [Матвеев 2003]. См. карту 4.

– Матвеев 1960: 114, 118; 1969: 51; 2003; СТРС II, 249–251.

Семеньга I > Пучуга > Сев. Двина (Арх, В-Т), **Семеньга II** > Нименьга > Волошка (Арх, Няндр). ~ Коми *śim* «ржавый», «буровато-черный», «темный», мар. *шим*, *шем*, *шеме* «черный», эрз. *чемень*, мокш. *шамонь* «ржавчина», фин. *hätu* «сумерки», манс. *sēmel*, *šetel* «черный», хант. *samy*, *sami* «ржавчина», венг. *szenny* «грязь» < доперм. **śmz* [КЭСК: 258].

Сендуга > Вычегда (Арх, Лен). **Сендюг** > Нельша > Нея > Унжа (Костр, Ней). ~ Прасаам. **śēŋkē*, саам. сев. *sæg'ge*, Инари

seggi, Колтта *seägg*, Кильдин *sieñg*, тер. *sieñge* «тонкий, узкий» [YS: 122–123]. Диссимиляция заднеязычных. Ср. **Синдюг**.

Сенега > Устья (Арх, Уст). **Сенюга I** > Верюга > Устья (Арх, Уст), **Сенюга II** > Падома > Устья (Арх, Уст). Возможно, что основа *сен* является вариацией субстратной основы *син* (ср. мордовские данные). См. **Синега**. На это указывает распространение названий с основой *сен* в пределах Устьянского района Архангельской области. Гидронимы с основой *син* также засвидетельствованы в басс. р. Устья или на смежных территориях юго-восточной части РС. Другой путь – прасаам **señkē* «тонкий, узкий» с переработкой заднеязычного консонанса (ср. **Сендуга**) кажется менее удачным.

Сивьюг > Ида > Вига > Унжа (Костр, Чухл). ~ Фин. *syvä*, ижор. *süvä*, карел. *syvä*, люд. *šüvä*, вепс., вод. *süvä*, эст. *süva*, лив. *tevā*, *tivā*, *tüvā* «глубокий» [SSA 3: 233] при прасаам. **tevē*, саам. сев. *dâvve*, Инари *tavve*, Колтта *tâvv*, Кильдин *tavv*, тер. *tovve* «глубокий» [YS: 130–131].

– Фин. *siivo* «тихий, спокойный» [Востриков 1979: 55].

Сиеньга I (*Сеенга*, *Сиенга*, *Сиянга*) > Лёкшма > оз. Лача (Арх, Карг), **Сиеньга II** (*Сеиньга*, *Сивеньга*, *Сиенга*, *Синьга*) > Тавеньга > Вожега > оз. Воже (Влг, Вож). ~ Эрз. *сия* «серебро», *сиянь* «серебряный», «чистый (о воде)» [ЭрзРС: 589–590], мокш. *сия* «серебро», *сиянь* «серебряный» [МокшРС: 635], мар. *ший*, горн. *ши* «серебро», «серебряный» [СМЯ 9: 120]. Другой путь – фин. *sija*, ижор. *sia*, карел. *sija*, люд. *šija*, вепс. *sijä*, *sija*, вод. *siha* «место» [SSA 3: 178–179] = прасаам. **sejē*, саам. юж. *sijjie*, сев. *sâggje*, Инари *saije*, Колтта *sââjj*, Кильдин *sajj*, тер. *sijje* «то же» [YS: 116–117].

Силюга (*Селюга*) > Уфтыга > Сев. Двина (Арх, К-Б). // **Силеньга** > Подюга > Вель (Арх, Кон). ~ Прасаам. *silē*, саам. сев. *sille*, Инари *sile*, Колтта *seell*, Кильдин *sill* «истощенный, безрыбный» [YS: 122–123].

Синдюг (*Синьдюг*) > Юг (Влг, Ник). Возможно, того же происхождения, что и **Сендуга** и **Сендюг** (см.). Однако необходимо иметь в виду широкое распространение на РС топонимов с коррелятивными основами *синд*, *шинд*, *хинд* (*Синдош* ~ *Шиндола* ~ *Хиндобой*) [Матвеев 1970а: 534], для которых может быть реконструирована следующая фонетическая эволюция: балт. (литов. *šimtas* «сто», «очень много», латыш. *šimts* «сто») [SSA 1: 165] > приб.-фин. (фин., ижор., карел. *hintā*, люд. *hind(e)*, *hindu*, вепс. эст. *hind* «цена, плата») [там же], а в СТРС названия с основами *шинд* (< **šind*) и *синд* (< **sind*). С учетом закономерного соответствия фин.-угор. **š* ~ саам. *s* ~ фин. *h* названия с основами *шинд* и *синд* принадлежит разным языкам.

Синега I > Вель > (Арх, Вель), **Синега II** > Мал. Сев. Двина (Влг, В-Уст), **Синега III** > Уфтыга > Кокшеньга (Влг, Тарн). **Синюга** > Кочкурга > Устья (Арх, Уст). ~ Фин. *sininen* «синий», корневое слово *sini* «синий цвет», ижор. *sinnīn* «синий», карел. *sinine* «синий; синяк», *sini* «синий цвет», люд. *šiniine*, вепс. *šiniine*, вод. *sinin* «синий», эст. *sinine* «синий», *sini* «синий цвет» ~ эрз. *señ*, *säh*, мокш. *señ*, *señat* «синий; синий цвет» [SSA 3: 183]. Вполне может быть, что эти «цветовые» гидронимы являются сакральными: все они находятся на юго-востоке РС, где неоднократно зафиксированы и наименования *Синий Камень*, связь которых с водой и религиозно-мифологическими представлениями древних финно-угров очевидна (см. о них [Матвеев 1998: 97–

103])¹. Здесь же засвидетельствованы наименования ручьев *Синий* и *Синий Камень* (Арх, Уст).

Совега (*Совдюга, Совьега*) > Воя > Ихалица > Сухона (Костр, Солиг). **Совьюг** (*Совьюг, Совдюг*) > Вожега > оз. Воже (Влг, Вож). ~ Фин., карел. *suova* «стог, скирда», люд. *suov(e)* «жердь в стоге; подставка под стог», вепс. *sova* «опорная жердь стога», эст. диал. *sova, soova* «основание стога» [SSA 3: 219]. Варианты *Совдюга* и *Совдюг* – хорошая иллюстрация эпентезы *ð'* на стыке основы и форманта.

Совнюга > Лахома > Уфтюга > Сев. Двина (Арх, В-Т). ~ Прасаам. **sōvñē*, саам. сев. *suow'dnje*, Инари *syevñis* «яма, выкопанная в снегу» [YS: 128–129] = фин., ижор., карел., вод. *sauna*, эст. *saun* «баня» [SSA 3: 161]. На топографической карте зафиксирован вариант *Шувнюга*. Не исключено, что информанты были из деревень разных районов (В-Т и К-Б).

Соденьга > Устья (Арх, Уст). **Содонга** (*Соданга, Соданьга, Содоньга*) > Ерга > Сев. Двина (Арх, В-Т). ~ Прасаам. **sōtte*, саам. сев. *suottās*, Инари *suotas*, Колтта *suōttās* «приятный, привлекательный»; «вкусный, сладкий» < сканд. [YS: 128–129]. Ср. также коми, удм. *сьӧд* «черный, темный» [КЭСК: 269].

¹ По-видимому, топонимы *Синий Камень* как на территории РС, так и исторических мерянских земель представляют собой полукальки особого рода, где *камень* – калькированный географический термин, а *синий* – адаптированное в русской речи прилагательное типа **sini*. Что касается загадки полного созвучия фин. *sini* с его соответствиями в других финских языках и рус. *синий* с параллелями в индоевропейских языках, то этот сложный вопрос не имеет прямого отношения к этимологическому анализу субстратных гидронимов РС. Ограничимся здесь поэтому только ссылкой на версию об иранском происхождении финских слов [Фасмер III: 624].

Соймога (*Соймуга*) > Уфтюга > Сев. Двина (Арх, К-Б). ~ Фин. диал. *soima* «довольно большое судно», люд. *soim(e)* «большая лодка», вепс. *soim* «парусное судно; большая лодка», эст. диал. *soim* «маленькая лодка» (считаются заимствованием из русского языка или оноματοпозитической параллелью к фин. *saima* «парусное судно», карел. *saima*, люд. *saimē* «большая лодка») [SSA 3: 142–143].

Солюга > Подюга > Вель (Арх, Нянд). **Солюг** > Ужуга > Унжа (Костр, Кол). // **Солонга**, ур. (Арх, Карг). ~ Прасаам. **sōlōj*, саам. сев. *suolo*, Инари *sualui*, Колтта *suâl*, Кильдин *suel*, тер. *şjelaj* «остров» [YS: 126–127] = фин. *salo* «обширный глухой лес; большой остров», карел., люд. *salo* «то же», эст. *salu* «лесок, ро-ща; остров на болоте» < балт. [SSA 3: 149].

– *Солюг* ~ мар. горн. *сола* «деревня, село» или фин. *sola* «ущелье» [Востриков 1979: 54, 55]. Марийская этимология неприемлема, поскольку *сола* < рус. *село* [Саваткова 1969: 115].

Сондуга > оз. Сондужское > Кулой > Вага (Влг, Тот). ~ Фин. *sonta* «помет, навоз, кал» (> карел. *sonta* «то же»), эст. *sõn-nik*, юж. *sonn* «то же» (саам. *soan'de* «то же» < фин.) ~ мар. *šondo* «то же», *šandã* «отхожее место, уборная» [SSA 3: 199].

***Союга** < *Сойга* (*Союга* [АСВР III, № 291a], *Соуга* [СГКЭ II, № 260]) > Сев. Двина (В-Т). ***Союг** < *Соег* > Вохтома > Нея > Унжа (Костр, Парф). // **Соеньга** > Вага (Арх, Вель). ~ Прасаам. **sōjē*, саам. сев. *suoggje*, Инари *syeyji*, Колтта *sueij*, Кильдин *sūjj*, тер. *şejja* «защита; убежище, кров, приют» [YS: 126–127] = фин., карел. *suoja* «то же» [SSA 3: 214]. В устье реки *Соег* находится населенный пункт *Городище*. Изменение гласного произошло в русском языке в безударной позиции, ср. переход в детерминанте

юга > ega. Другая возможность: фин. *suio*, ижор. *sõ*, карел., люд. *suio*, вепс. *so*, вод. *sõ*, эст. *soo*, лив. *sīo* «болото» [SSA 3: 213–214]. Эта версия особенно вероятна для названия реки **Союга*, верховья которой находятся в сильно заболоченной местности.

Сужега (*Сужога*) > Сев. Двина (Арх, В-Т). ~ Фин., ижор., карел., вод., эст. *susi*, лив. *su²iž*, *su²ž* «волк» [SSA 3: 222]. Ср. также мар. *сузо*, *сузы* «глухарь» [СМЯ 6: 308] или *шужаш* «голодать» [СМЯ 9: 306–307].

Суксонга (*Суксанга*) > Кизема > Устья (Арх, Уст). ~ Пра-саам. **sōkse*, саам. сев. *suok'sâ*, Инари *suoksa*, Колтта *suəhss*, Кильдин *sūxs*, тер. *šīks* «личинка; червячок» [YS: 126–127], эрз. *сукс* «червь» [ЭрзРС: 623], мокш. *сукс* «червь» [МокшРС: 680], мар. *шукиш* «червь, червяк», *шукишан* «червивый» [СМЯ 9: 324]. Менее вероятно фин., ижор., карел. *suksi*, люд. *sukš*, вепс. *sukś*, вод. *sūhsi*, эст. *suusk*, *suks* «лыжи» (фин. > саам. Колтта *sohsă* «то же» [SSA 3: 210]) < урал. **sukse* [UEW: 450]. Ср. **Шукшеньга**.

Сулонга I > Сямжена > Кубена (Влг, Сок), **Сулонга II** (*Суланга*) > Уфтыога > Сухона (Влг, Тарн), **Сулонга III** > Войманга > Сухона (Влг, Тот). ~ Фин., ижор., вепс., вод., эст. *sula*, лив. *sulā* «талый» = морд. *sola* «талый», мар. *šālet*, *šulem* «таять», удм. *šilmiñi* «таять», коми *šil* «талый» [SSA 3: 210–211], ср. мар. *шулата* «талый», *шулаш*, горн. *шылаш* «таять» [СМЯ 9: 325–326]. Сюда же, вероятно, относится *Суланда* (< **Суланга*) > Пуя > Вага (Арх, Шенк). Ср. фин.-угор. **sula* «талый» [UEW: 450–451].

Сылога > Покшеньга > Пинега (Арх, Пин). ~ Пра-саам. **silē*, саам. сев. *sille*, Инари *sile*, Колтта *seell*, Кильдин *šil* «усталый, изнуренный» [YS: 122–123]. Здесь в смысле «истощенный,

малорыбный» (см. [KKS: 497–498]). Ср. также коми *сывны*, удм. *сылмыны* «таять» [КЭСК: 267]. Ср. **Сиюга, Силенга и Сулонга**.

Сюксюга (*Сюксега, Сюкчега*) > Тарня > Ледь > Вага (Арх, Шенк). ~ Фин. *syksy*, ижор. *süksü*, карел. *syksy, suys*, люд. *šügüz*, вепс. *sügüz*, эст. *sugis*, юж. *süküs* «осень» = саам. *čákčâ*, морд. *šoks*, мар. *šəžə, šizə, šəžə*, удм. *sižil* «то же» [SSA 3: 229]. Прасаам. **čəkčə* < раннеприб.-фин. **sükše* [Korhonen 1981: 172]. Река, где осенью охотятся, ловят рыбу или живут.

Сюнега > Вага (Арх, Шенк). ~ Фин. *synkkä* «мрачный, темный», карел. *synkie* «густой, темный (лес)», *synkkä* «мрачный, темный» [SSA 3: 230]. Выпадение заднеязычной геминаты в основе.

Сюрега I > Верхний Намбас > Ёжуга > Пинегга (Арх, Пин), **Сюрега II** (*Сурега*) > Солица > Кулой > Вага (Влг, В-Важ). ~ Фин. *surjä*, ижор. *sürjä*, карел. *surjä* «край, бок, сторона», люд. *sürd' (e)*, вепс. *sürd'* «нижний навои ткацкого станка», вод. *sürja* «край, бок, сторона», «кряж, возвышенность», эст. диал. *süri* «перешеек между болотами, кряж, возвышенность» [SSA 3: 231].

– СТПС I, 138–140; СТПС II, 69–70.

Сяменьга > Емца (Арх, Плес). **Сямоньга** (*Сямуньга*) > Мезенская Пижма > Мезень (Арх, Леш). ~ Прасаам. **same*, саам. *sabme*, Инари *säämi*, Колтта *säämm*, Кильдин *sāmm*, тер. *samme* «саам» [YS: 120–121]. Этнотопонимическая версия происхождения этих названий поддерживается следующими аргументами. Во-первых, наименования с основой *сям* очень многочисленны и, следовательно, обозначают что-то топонимически (географически или исторически) важное, ср.: *Сяма I*, бол., бор, пересохший

руч. (*Сямские*, бол.) (Арх, Шенк), *Сяма II*, д., в источниках – во-
 лость *Сяма* [АСВР III, № 269] (Влг, Влгд). *Сямегручей* > Онеж-
 ский Канал > Онежское оз. (Влг, Выт). *Сяменжа* > Ноздрига >
 Андома > Онежское оз. (Влг, Выт). *Сяминское*, д. (Влг, Кир). *Ся-
 мичи*, д. (Влг, Шексн). *Сямка I*, хут. (Арх, Нянд), *Сямка II* (*Ся-
 мки*, луг) > Лохта > Уфтюга > Кокшеньга (Влг, Тарн). *Сямков*, луг,
 мыс (Арх, В-Т). *Сямова I* (*Сямово*, мыс) > Выя > Пинега (Арх, В-
 Т), *Сямова II* (*Сяма*) > Пира > Выя > Пинега (Арх, В-Т), *Сямова
 III* > Пинега (*Сямово*, луг, поле) (Арх, В-Т). *Сямовка* (*Сямовка*,
 луг) > Болтунья > Кокшеньга (Влг, Тарн). *Сямово*, рукав Сев.
 Двины (*Сямовское*, луг) (Арх, К-Б). *Сямонево*, лес, поле (Арх,
 Вель). *Сямохта* (*Сяма*, *Сямка*), мель, тоня на оз. Мошинское
 (Арх, Нянд). *Сямручей* > Онега (Арх, Он). *Сямуй* (*Сямой*) > Ким-
 жа > Мезень (Арх, Леш). *Сямозеро* (Карелия, Пудож). Во-вторых,
 среди названий с основой *сям* много посессивных образований на
 русской почве, а это часто указывает на этнонимическое проис-
 хождение наименований. Зафиксирован и этноним в функции
 топонима (*Сямичи*). В-третьих, ареально эти названия охватыва-
 ют большую часть территории РС, однако выклиниваются на
 юго-востоке и вообще отсутствуют в бассейне р. Юг, где распро-
 странена севернофинская топонимия (карта 8). В-четвертых, ос-
 нова высокочастотна, но для нее до сих пор не предложена эти-
 мология. Прафинно-саамская реконструкция **šämä* [Korhonen
 1981: 42; Хайду 1985: 111] подтверждает возможность предлага-
 емого этимологического решения, а переход **š > s* соответст-
 вует закономерностям исторической фонетики финно-угорских
 языков в целом и саамского языка в частности. Основа *сям* в фо-
 нетическом отношении близка и к формам современных саам-
 ских диалектов Инари и Колтта. Возможно, что к этой группе

названий относится и наименование большого озера *Сямозеро* (Säämäjärvi) в Пряжинском районе Карелии (СНМ Карел 1935, № 975).

Что касается распространения названий с основой *сям* на территории РС, то прежде всего бросается в глаза их полное отсутствие в местах максимальных сгущений этнотопонимов, производных от *карел* в устьях и нижнем течении Сев. Двины, а также в басс. Пинеги ниже устья Ёжуги (см. карту 22 в СТРС II). Эта ареальная оппозиция является еще одним доказательством этнонимического происхождения основы *сям*.

Некоторые расхождения между ареалами *сям* и дифференцирующих саамских основ связаны с обычными для этнонимов иррадиациями, возможными и на русской почве. Но нельзя исключить также, что основа *сям* имела более широкое значение, т.е. использовалась не только для названия двинских саамов, но и некоторых других близких к ним в лингвоэтническом отношении древних обитателей РС.

Тавеньга (*Тавенга*) > Вожега > оз. Воже (Влг, Вож). ~ Фин., ижор., карел., люд., вепс. *tavi* «чирок-свистунок» [SSA 3: 277] или прасаам. **tēvē*, саам. сев. *dâvve*, Инари *tavve*, Колтта *tâvv*, Кильдин *tavv*, тер. *tovve* «глубокий» [YS: 130–131].

– Фин. *tavi* «чирок-свистунок», но это объяснение, по мнению самого Фасмера, ошибочно, поскольку гидронимы на *енга* не являются прибалтийско-финскими [Vasmer 1934: 384].

Тавреньга I > Вель (Арх, Кон), **Тавреньга II** > Подюга > Вель (Арх, Кон). ~ Фин. *takra* «приманка, наживка», ижор. *tagra* «отрезанный кусок (рыбы или мяса)», карел. *takra* «наживка, живец», люд. *tagr* «наживка из куска свежей плотвы при ловле на удочку», вепс. *tagr* «мягкая филейная часть рыбы» (приб.-фин. > саам. норв. *daw'ro* «уха» с соответствиями в диалектах Луле и

терском, откуда фин. *tauro*, *tauri* «уха» и т.п.) [SSA 3: 260]. Ср. также прасаам. **tāvrō* (< фин.-карел. *takra*), саам. сев. *daw'ro(t)*, Луле *tau'rō(t)*, тер. *tavrad* «неподвижный», «постоянный», «твердый», «тугой» [YS: 132–133].

Таймуга > Емца > Сев. Двина (Арх, Холм). ~ Фин., карел. *taimen*, эст. *taim*, лив. *taimin* «вид лосося» (обычно *Salmo trutta*) [SSA 3: 254].

Тарнога > Кокшеньга (Влг, Тарн). ~ Фин. *taarna*, *tarna* «осока», «(на болоте растущая) трава», «вейник», эст. *tarn* «осока», «камыш» [SSA 3: 249].

– СТПС II, 70.

Тевтеньга (*Тефтенъга*) > Кулой > Вага (Арх, Вель). ~ Прасаам. **tēvtę*, саам. Колтта *tiudâs*, Кильдин *tīvdas*, тер. *tivds* «полный» [YS: 136–137] = фин. *täysi* (род. *täyden*), ижор. *täüis*, карел. *täysi*, люд. *t'äüž*, вепс. *t'äüž*, вод. *täüsi*, эст. *täis*, лив. *täüž* «то же» [SSA 3: 358–359].

Терменьга > Вага (Влг, В-Важ). ~ Прасаам. **tērme*, саам. сев. *dær'bme*, Инари *termi*, Колтта *teärmm*, Кильдин *tieřm*, тер. *tieřme* «береговой обрыв» [YS: 134–135] = фин. *törmä*, *termä*, карел. *termä* «то же» [SSA 3: 363].

– Матвеев 1960: 115; 1964а: 191.

Титеньга > Терменьга > Вага (Влг, В-Важ). ~ Фин. *tietää* «знать», *tietäjä* «волхв», «знахарь», «колдун», ижор. *tītä*, *tītäjä*, карел. *tieteä*, *tietäjä*, люд. *t'iettä*, *t'iedäi*, вепс. *t'etä*, *t'edai*, вод. *tātä*, *tätäjä* «то же», эст. *teada* «знать», лив. *tiedä* «знать», *tiedaji* «волхв», «знахарь», «колдун» [SSA 3: 289] > прасаам. **tētē*, саам.

сев. *diattet*, Инари *tiettið*, Колтта *tietted*, Кильдин *tīdded*, тер. *titted* «знать» [YS: 136–137]. Ср. еще фин. *tieto*, ижор. *tēto*, карел. *tieto*, люд. *t'iedo*, вод. *tāto* «известие, весть» > саам. сев. *dietto* (с соответствиями в шведском, Инари, Колтта и терском диалектах) [SSA 3: 289].

Томанга I (*Томаньга*) > Шенчуга > Вель (Арх, Кон), **Томанга II** > Лепша > Моша (Арх, Нянд), **Томанга III** > Царева > Сухона (Влг, Тот). ~ Прасаам. **ðōme*, саам. сев. *duobmâ*, Инари *tuoma*, Колтта *tuõmm*, Кильдин *tuettm*, тер. *tīm-* «черемуха» [YS: 32–33] = фин. *tuomi*, ижор. *tōmi*, карел. *tuomi*, люд. *tuom*, вепс. *tom*, вод. *tōmi*, эст. *toom* «то же» [SSA 3: 329]. Восстанавливают раннеприб.-фин. **ð'ōme* [Korhonen 1981: 94]. В других финских языках **ð'* > *l*, *l'*, ср. эрз. *l'om*, мокш. *lajmä*, мар. *lombâ*, *lombo*, удм. *l'et-ри* «черемуха», коми *l'et* «ягоды черемухи» [SSA 3: 329]. Подробнее см. [UEW: 65], где приводится праформа **ð'ēme* (*ð'ōme*). Ср. **Томлюга**, **Томлюг**.

– Матвеев 1960: 115.

Томлюга (*Томлега*, *Томнега*) > оз. Спасское > Воезерка > оз. Мошинское > Моша (Арх, Нянд). **Томлюг** > Воденьга > Кичменьга > Юг (Влг, В-Уст). См. **Томанга**. В гидронимах *Томлюга*, *Томлюг* *л'* развился на русской почве по типу *l' epentheticum* (< **Tomjuga*, **Tomjug*), см. об этом СТРС I, 145–146.

Тонюга (*Тонёга*, *Тонига*) > Моша (Арх, Нянд). ~ Прасаам. **tōne*, саам. сев. *duodnâ*, Инари *tuona*, Колтта *tuõnn*, Кильдин *tuenn* «бедняга», «трус», «бедный», «трусливый», «смерть» «дьявол» [YS: 138–139] = фин., карел. *tuoni* «смерть», «царство мертвых», эст. *tooni* «бог царства мертвых» [SSA 3: 330]. Допускается,

что саамское слово является старым заимствованием из прибалтийско-финских языков [там же].

Тювеньга (*Тювенга, Тювенька, Тюинга, Тюиньга*) > Соть > оз. Никольское > Комела > Лежа > Сухона (Влг, Гряз). ~ Фин. *tyven*, ижор. *tīīni*, карел. *tuuni*, люд. *t'üüh, tūñ*, вепс. *t'üñ, t'üüh*, вод. *tīīni* «тихий, спокойный (о погоде, воде)» [SSA 3: 349–350]. Не исключено, что из **Тювень* + *ега*. Река «с почти стоячей водой» [Кузнецов 1994: 17–18].

– Вепс. *тюви* «комель, ствол дерева» [Кузнецов 1994: 17–18].

Тюктеньга (*Тюктюньга, Тяхтеньга, Тяхтюньга*) > Устья (Арх, Уст). ~ Прасаам. **tokteḱ*, саам. сев. *dovtâ*, Инари *tuh-tuv*, Колтта *tohti*, Кильдин *toht* «гагара» [YS: 136–137] = мар. *toktâ*, коми *tokti*, манс. *tāxt, takt, tāyt*, хант. *tāytaŋ, taχtəŋ* «то же»; фин. *tohtaja* «гагара», очевидно, из саам. [SSA 3: 303]. Ср. также мар. *токталудо* «гагара» [СМЯ 7: 132], *тукто*, горн. *тыкты* «гагара чернозобая» [СМЯ 7: 238]. В финно-угорском праязыке **tokta* [UEW: 530].

В басс. р. Тюктеньга есть оз. *Гагарье* (*Гагарьевское*), в котором берет начало руч. *Гагарий* > Тюктеньга.

– Мар. *тукто* [Матвеев 1996: 15].

Угзеньга > Пинега (Арх, Холм.) ~ Фин., ижор., карел. *oksa*, люд., вепс. *oks*, вод. *ohsa*, эст. *oks*, лив. *oksā* «ветвь», «ветка», «сук» = саам. *oak'se*, мар. *ukš, uks* «то же» [SSA 2: 262], ср. прасаам. **ōksē*, саам. сев. *oak'se*, Инари *oaksi*, Колтта *āhss*, Кильдин *vueχs*, тер. *vjekse* «то же» [YS: 92–93].

У реки Угзеньга две больших рассохи – *Верхняя Угзеньга* и *Нижняя Позера*, от которой в свою очередь ответвляется *Верхняя Позера*. Это подтверждает этимологию.

Озвончение глухих консонансов в субстратной топонимии РС засвидетельствовано неоднократно. В данном случае могло быть $*ks > *gz$ ($*GZ$) $> z$ или $*ks > *kc > z$ под влиянием звонкого консонанса в форманте.

Уленьга I (*Улиньга*) $>$ Ваеньга $>$ Сев. Двина (Арх, Вин), **Уленьга II** (*Унельга*) $>$ Охтома $>$ Покшеньга $>$ Пинега (Арх, Пин). ~ Фин. *ola*, карел. *ola*, *olakivi*, люд., вепс. *ola* «кремень» = (или $>$) саам. Кильдин *vuall^e*, тер. *ʋjälle* «то же» [KKS: 785; SSA 2: 262]. Ср. также фин. *ylä-* «верхний» и т.п. [SSA 3: 490]. См. **Иланга, Илсига**.

Ульдюга $>$ Волюга $>$ Устья (Арх, Уст). ~ Прасаам. $*olkē$, саам. сев. *hol'gá*, Инари *ulga*, Колтта *olgg*, Кильдин *ōlg*, тер. *ōlg* «жердь» [YS: 90-91] = фин. *ulku* «жердь (особенно в устройстве для сушки сетей)» [SSA 3: 370] или прасаам. $*olkō$, саам. сев. *ol'go*, Инари *olgo*, Колтта *ālgg*, Кильдин *ālg*, тер. *ōlga* «наружный; внешний» [YS: 90-91] = фин. *ulko*, ижор., карел. *ulko* «наружный; внешний», люд. *ulgoze* «наружу», вепс. *ulgostada* «испражняться», вод. *uloz* «наружу», эст. *ulgumeri* «открытое море» [SSA 3: 370]. В обоих случаях предполагается переход $z > \partial$ ($*g > *d$) в русском языке или языке-источнике. Менее вероятно, но все-таки тоже должно учитываться фин. *olka*, *olkapää*, карел. *olka*, *olkapeä*, люд. *olgapiä*, вепс. *oug*, эст. *ōlg* «плечо» [SSA 2: 263] = прасаам. $*ōlkē$, саам. сев. *oal'ge*, Инари *oalgi*, Колтта *vuälgg*, Кильдин *vuelg*, тер. *vjełge* «то же» [YS: 92-93]. В этом случае особенно ин-

интересно фин. диал. *olkajoki* «приток (реки)», дословно «плечо-река» [SSA 2: 263].

Урдюга I > Пеза > Мезень > (Арх, Мез), **Урдюга II** > Рочуга > Пеза > Мезень > (Арх, Мез). // **Урденъга** > Кулой > Вага (Арх, Вель). ~ Саам. Кильдин *ur̄dt*, тер. *ur̄^dte*, Имандра *urt* «большое плоское плато или возвышенность» [KKS: 701–702] или фин. *uurtaa* «долбить», «делать насечки, прорези», «прокладывать путь», *uurto* «борозда, насечка, прорезь», «путь», ижор. *ūrre* «то же», карел. *uurtoa* «долбить», «делать насечки, прорези», «прокладывать путь», люд. *ūrta* «то же», вепс. *urdada*, *urda* «то же», эст. *uure* (род. *uurde*) «нарезка», «желоб» (фин. *uurre* «выбоина», «промоина», «нарезка» «желоб» > саам. норв. *ur(t)aš*, Луле *ur^etai*, Инари *uurda*, Колтта *ūrda* «то же») ? = саам. норв. *orddet* «делать разруб» [SSA 3: 380]. Представляют интерес также зафиксированный в кемских и кольских говорах севернорусского наречия глагол *урдовать* «промышлять охотой лесную дичь – птицу и зверя» [Подвысоцкий: 179], который сопоставляют с фин. *uurtaa* «прокладывать тропу на охоте в лесу» [Kalima 1919: 234], и записанное Д. Европеусом у кольских саамов рус. диал. *урда* «охота» [Itkonen 1931: 48]. Т. Итконен сравнивает *урда*, *урдовать* с фин. *uurto* в выражении *käydä uurrossa* «охотиться осенью на диких оленей», *uurtaa* «охотиться в лесу», а также с саам. Патсйоки *or̄d^d* «стадо оленей», Нотозеро *or̄dd̄st vađ̄t̄sed* «охотиться осенью на диких оленей», подчеркивая, что нужно также обратить внимание на тер. *ur̄^dte* «граница леса в горах» [Itkonen 1931: 65].

Другие возможности: прасаам. **ortē* «граница леса в тундре» или **ortē* «грань», «кромка» (подробности см. **Ордюга**). О соответствии *o* ~ *y* в СТПС см. СТПС II, 223–224. Ср. также тер. *ur̄de?* < прасаам. *ortē* [YS: 90–91]. Важно, что обе Урдюги дейст-

вительно протекают по пограничью леса и тундры. Еще больше это относится к оз. *Урдюжское* и р. *Урдюжская Виска* в басс. р. Сула > Печора (Ненец).

Утюга (*Учуга*) > Ёжуга > Пинега (Арх, Пин). ~ Прасаам. **ođe*, саам. сев. *ođđa*, Инари *uđđa*, Колтта *oodâs*, Кильдин *odd*, тер. *ott* «новый» [YS: 88–89] = фин. *uusi* (род. *uuden*), ижор. *ūs*, карел. *uusi*, люд. *ūzi*, вепс. *uz*, вод. *ūsi*, эст. *uus* «то же» [SSA 3: 380–381]. Ср. также прасаам. **иссē*, саам. сев. *ис'се*, Инари *иссе*, Колтта *исс*, Кильдин *и33*, тер. *исс*- «маленький, небольшой; малый» [YS: 140–141]. В этом случае вариантная форма *Учуга* первична.

***Хабуга** < *Хабуха* > Тядема > Сев. Двина (Арх, В-Т). ~ Фин. *haara*, ижор. *hāra*, карел. *hoara*, люд. *huab(e)*, *hoabi*, вепс. *hab*, эст. *haab* «осина» [SSA 1: 126]. Ассимиляция $x - \varepsilon > x - x$ и воздействие русской суффиксальной модели (*уха*).

Хавзюга > Куропалда > Лодьма > Сев. Двина (Арх, Прим). ~ Фин. *häävi*, *hääväs* «крючок (удочки, остроги, багра)», *häävi*, *häävä* (преимущественно в восточных диалектах) «большой крючок на щуку или налима; удильное устройство (косо установленное удилище, в котором такой крючок)», карел. сев. *hääivä* «ставная удочка на щуку, которой ловят днем и ночью» (< фин.) < швед. [SSA 1: 213], или фин. *hauki*, в сложных словах *haues-*, *hauis-* «щука» (этимология предложена Н.В. Кабининой), ср. карел. *hauki*, люд. *haug(i)*, вепс. *haug*, эст. *haug* «то же» [SSA 1: 147].

Хайнога > Юкова > Шомокша > Онега (Арх, Он). ~ Фин., ижор., карел. *heinä*, люд. *heĩn(e)*, вепс. *hein*, *hĩn*, вод. *einä*, эст.

hein, юж. *hain*, лив. *āina* «трава», «сено» = саам. норв. *suoi'dne* «то же» < раннеприб.-фин. **šaina* < балт. [SSA 1: 150–151].

– СТРС II, 73–74, 126, 129, 309.

Хальнега (*Халеньга, Халенюга, Хального, Хальнюга*) > оз. Лача (Арх, Карг). ~ Фин. *halme* «растущие на пожоге хлеба», «возделанный пожог», «засеянное поле», карел. *halmeh, halveh*, люд. *halmeh, haumeh*, вепс. *haumeh, haumez, houmeh* «то же» [SSA 1: 133]. Есть еще поле *Хальменьга* рядом с рч. *Хареньга* (Арх, Вин).

Хальнега – хороший пример на взаимодействие гидронимических типов с формантами *Vga* и *Vн(ь)га*.

Хандюг > Меремша > Унжа (Костр, Мант). В гидронимии на *Vg* только два названия со звуком *х*. В обоих случаях он находится в начальной позиции в составе звуковых комплексов *ханд* – *Хандюг* и *хан* – *Ханюг* (см. **Ханюг**). Редкость звука *х* и фонетическая близость основ наводят на мысль обо общем источнике их происхождения. В гидрониме *Хандюг* можно видеть переработанное **Ханjug* (подробности см. **Ханюг**) со вставным звуком *д*. Ср. еще **Ханюга**.

Ханюг > Залесская Лала > Луза (Киров, Луз). ~ Мар. *хан* «хан», «ханский» [СМЯ 8: 224] и более раннее *он* «глава, начальник», «вождь», «владыка» [СМЯ 4: 300], ср. мар. *оп, ап, хан* «хан», «властитель», «государь» < чув. *хун, хон* «князь, хан» [Räsänen 1920: 165] и др.-перм. *кан* «царь, хан» < др.-чув. **хан*, ср. также тат. *кан* «хан» и т.п. [КЭСК: 116]. Этимология гидронима *Ханюг* убедительно поддерживается тем, что близ вершины этой реки находится деревня *Княже*, а река *Ханева* (Арх, Шенк) впадает в реку *Княжа* (> Ледь > Вага).

Ханюга (*Ханега, Ханёга, Ханьга*) > оз. Воже (Арх, Кон). ~ Фин., ижор., карел. *hanhi*, люд. *hanh*, вепс. *hañh'*, *haneh*, *handez*, вод. *ane*, *hani*, эст. *hani*, юж. *haah'* «гусь» < балт. [SSA 1: 138]. Утрата *h* в консонантной группе закономерна. См. также **Ханюг**.

Харога I (*Харага*) > Нижняя Тёлза > Онега (Арх, Он), **Харога II** > Сухона (Влг, Сок). // **Хареньга** > Нондрус > Ваеньга > Сев. Двина (Арх, Вин). ~ Фин. *haara*, ижор. *hāra*, карел. *hoara*, вод. *āra*, эст. диал. *aar* «разветвление», «развилина, развилка», «ветвь» [SSA 1: 126].

– СТПС II, 75.

Хильдюга (*Хильдега*) > Сомба > Онега (Арх, Плес). ~ Фин. *hiljainen*, ижор. *hiljain*, карел. *hilja*, люд. *hil'*, вепс. *hil'l'*, *hil'd*, эст. *hiline* «тихий, небыстрый, медленный» [SSA 1: 163].

– СТПС II, 129.

Хозьюга > Кожозеро > Кожа > Онега (Арх, Он). ~ Фин. *hosia*, карел. *huosja*, люд. *huod'ž(ę)*, вепс. *hožj*, вод. *ęžza*, эст. *osi*, диал. *oosi* «растение хвощ зимующий» [SSA 1: 174], из которого в старину делали щетки, метелки, веники. Фонетически менее вероятно связь с фин., карел. *housut* «штаны», эст. *huusad* «старинные короткие штаны», хотя в семантическом отношении это сопоставление хорошо поддерживается географическими данными. Дело в том, что Хозьюга образуется слиянием двух значительных рек – *Никодимки* и *Подломки*, имея длину не более 3–4 км, а ее составляющие сразу резко расходятся. Это и могло послужить основанием для возникновения образного названия.

– СТПС II, 79, 80.

Холмога > Недзюга > Лельма > Моша (Арх, Нянд). ~ Фин. *holma* «подводный камень», «остров», диал. также «укрытие от ветра», карел. *holma* «заводь», «укрытие» [SSA 1: 171].

Хорюга > Нанбас > Ёжуга > Пинегга (Арх, Пин). ~ Фин. *huora*, ижор. *hōra*, карел. *huora*, вод. *hōr(r)a*, эст. *hoor* «потаскуха» [SSA 1: 187–188].

Хурдуга (*Хурдога*), оз. (старица) близ Сев. Двины (Арх, Холм). В памятниках – речка *Хурдога* [АСВР III, № 14], *Хурдуга* [СГКЭ II, № 40]. ~ Фин. *hurtta* «охотничья собака», «большая собака», «волк», карел. *hurtta*, «большая или густошерстная собака», эст. *hurt* «борзая», «большая собака». Фин. > саам. норв. *hor'te* (соответствия в диалектах Пите, Луле, Инари, Колтта) «большая собака» < рус. *hort* «борзая», «ищейка», др.-рус. *hūrtū* [SSA 1: 192]. В интервокальном консонансе произошло озвончение (СТРС I, 142–143). Семантическая модель «Собачья река» характерна для микротерриторий населенных пунктов (*Хурдуга* находится на окраине гор. Холмогоры, старинного населенного пункта с богатым историческим прошлым).

Цебьюга I (*Цебега, Чебега, Чебьюга*) > Мезень (Арх, Леш), **Цебьюга II** (*Чебьюга*) > Мезень (Арх, Леш), **Цебьюга III** (*Северная Цебьюга*) > Вашка (Коми, Удор), **Цебьюга IV** (*Южная Цебьюга*) > Вашка (Коми, Удор). ~ Прасаам. **śērrē*, саам. сев. *šær're*, Инари *šerri*, Колтта *šēärr*, Кильдин *šierp*, тер. *šieħre* «умелый, искусный; знаток, мастер» [YS: 22–23] = фин. *seppä* «кузнец», «умелый», ижор. *seppä* «кузнец», карел. *seppä* «кузнец», «мастер», люд. *šep*, вепс. *sep*, вод. *seppä*, эст. *sepp*, лив. *siepā* «кузнец» [SSA 3: 169]. В отношении **pp* ~ **b* (> рус. *б*) ср. саам. *suppe* «осина» ~ саам. субстр. **šub* (> рус. *шуб*), см. об этом СТРС II, 107–109. По-видимому, в данном случае (перед гласным пе-

реднего ряда) древнее *ć отражено рус. *ц* с последующим *ц* > *ч* в результате чоканья, хотя могло быть и саам. *č > рус. *ч* > *ц* вследствие цоканья. Ср. **Целега**.

– *Цебьюга* < коми *Чебъю* < об.-угор. *себ*, *син* «горка, склон, крутой берег» [Афанасьев: 134, 164].

Целега > Мезень (Арх, Леш). **Целюга** (*Челюга*) > Юмыш > Сев. Двина (Арх, Шенк). ~ Прасаам. *čēlke, саам. сев. čielgâs, Инари čielgas, Колтта čīdłgg, Кильдин čīlg, тер. čīlg, «светлый, прозрачный, чистый» [YS: 24–25] = фин. selkeä, ижор. selkiä, карел. selkie, люд. šelged, вепс. sünged, sel'ged, эст. selge «светлый, чистый, прозрачный» [SSA 3: 167]. Рус. *ц* может быть рефлексом звука типа *ć и возникнуть из *ч* уже на русской почве. Заднеязычный согласный в ауслауте основы выпал. Речка *Целюга* образована двумя текущими параллельно истоками: левый в настоящее время именуется *Целюга*, правый – ручей *Черный*.

Чёжуга > Мезенская Пижма > Мезень (Арх, Леш). ~ Прасаам. *čōčō(j), Колтта čuäсс, Кильдин čoaзз, тер. čоасса «гнилое дерево» [YS: 26–27]. География позволяет привлечь и пермские данные, ср. коми *чо́ж* «дядя (по матери)», коми, удм. *чо́ж* «утка», а также коми *чо́ж* «быстрый, проворный» [КЭСК: 308, 310].

Чёшьюга (*Чёшуга*, *Чёшуга*) > Онега (Арх, Он). ~ Прасаам. *čōške, саам. сев. čuo'ká, Инари čuoska, Колтта čuōškk, Кильдин čuš̄k, тер. čjšk «комар» [YS: 30–31] = фин. sääski, ижор. sāski, карел. seäksi, люд. seäski, вепс. säsk, säks, вод. sāske, эст. sääsk «то же» [SSA 3: 245].

Чившуга > Айга > Кокшеньга (Влг, Тарн). ~ Саам. Нотозеро *t'šixš^A*, род. *t'šiušA*, Кильдин *tšixš^(A)*, род. *t'šiuš^A*, Имандра

čieħč, норв. *čik'sâ* «чирок-свистунок» [KKS: 666], Инари *čikša*, род. *t'š'iuša* «то же» [ILW I: 90], сев. диал. (Энонтэкио) *čiksa*, род. *čiwssa*, (Утсйоки) *čikssa*, *čiwssa* «то же» [LW I: 82].

Чирюга > Кулой > Вага (Влг, В-Важ). **Чирюг** > Шелюг > Луза (Киров, Луз). ~ Прасаам. **cire*, саам. сев. *cirrât*, Инари *ciriidiđ*, Колтта *ciirrâd*, Кильдин *cjrrdeđ* «стрекотать», «струиться», «журчать» [YS: 18–19]. Ономатопоэтическое слово. Ср. фин. *siristä*, ижор. *sirissä*, *tširissä*, карел. *širissä*, *tširissä*, вепс. *tširäita*, эст. *siriseda* в тех же и близких значениях [SSA 3: 185].

Чуега > Мезень (Арх, Мез). ~ Саам. Кильдин *t'š'uij^e*, тер. *t'š'uiŋe* «глина» [KKS: 697], очевидно, родственное с коми *сёй*, удм. *суй* «то же» [КЭСК: 252; SSA 3: 162].

Чукшенга, р. (Волог. г., Ник. у.) [СНМ Влг 1866, № 6386]. ~ Прасаам. **čukčē*, саам. сев. *čuk'ča*, Инари *čuhča*, Колтта *čuhčč*, Кильдин *čuxč* «глухарь» [YS: 28–29]. Ср. коми *чукчи* «глухарь (самец)» [ССКЗД: 419; КЭСК: 313].

Подробнее о топонимах с основами *чухч*, *чукч*, *чукиш* см. СТРС II, 103–105.

– *Чукуша* (Новг. г., Череп. у.) ~ перм. или саам., *Чукишенга*, река в басс. Юга (Волог. г., Ник. у.) ~ коми *tšuktši* «глухарь» [Vasmer 1936: 214, 242, 243].

Чунега (*Чунюга*) > Ижма > Сев. Двина (Арх, Прим). ~ Саам. сев. *čuoŋja*, Инари *čuaŋa* ~ *čuaŋja* «гусь» [ILW I: 106], Патсйоки *tšuzn^p*, Нотозеро *t'š'uid^p*, Кильдин *t'š'uiŋ^e*, *t'š'uiŋ*, тер. *t'š'ui^(a)* «гусь» [KKS: 690–691] или саам. Кильдин *t'š'uiŋn^e*, тер.

t'šjānne «лодкообразные саамские сани» > рус. диал. *чуни* [KSS: 690]. В фиксации ТЭ – *чуны* «охотничьи сани».

Чуплега > Пинега (Арх, Холм). ~ Прасаам. **šuppe*, Инари *šuppa*, Колтта, Кильдин *šupr*, тер. *šuxr* «кончик, вершина», «шапка» [YS: 28–29] или фин. *suppi*, карел., люд. *tšuppi*, вепс. *tšup* «угол» [SSA 3: 220]. Родство прибалтийско-финского и саамского слов отвергается: под вопросом сопоставляют саамскую лексему с фин. *suppea* «узкий», «сжатый» [SSA 3: 220]. Согласный *л'* – эпентеза [СТРС I: 146]. Географические данные указывают на прибалтийско-финское происхождение гидронима. Эта река длительное расстояние течет с запада на восток, затем круто поворачивает на юг и до впадения в Пинегу течет в этом направлении, образуя тем самым прямой угол.

В лексике говоров РС засвидетельствовано слово *чуна* «изгиб берега или земельной границы» (Влг, Бел), «залив» (Влг, Вашк), «узкий конец невода» (Влг, Вашк) (ТЭ) < приоб.-фин. [Kalima 1919: 242]. В самостоятельном топонимическом употреблении отмечены бол. *Чуна* (Влг, Баб), пож. *Чуны* (Арх, Карг) и др.

– Матвеев 1970а: 450; СТРС I, 146.

Чурьега > Кена > Онега (Арх, Плес). // **Чуронга** > Кема > оз. Белое (Влг, Выт). ~ Карел. твер. *šuwri* «крупный песок, дресва» [СКЯТ: 32], ливв. *šuwri* «гравий, крупный песок» [СКЯЛ: 40], вепс. *šuri* «дресва» [СВЯ: 66]. В говорах РС *чура* «крупный песок с мелкой галькой, хрящ» [Даль IV: 614], «крупный песок, земля, перемешанная с камнем» [Куликовский: 134] < приоб.-фин., ср. карел., ливв. *tšuwri*, вепс. *tšur* «крупный песок» [Kalima 1919: 242].

Чучега (*Чучёга*) > Суланда > Пуя > Вага (Арх, Шенк). // **Чученга**, р. близ Вятки (Вят. г., Котел. у.) [СНМ Вят 1876: 249]. ~ Прасаам. **čudē*, саам. сев. *čutte*, Инари *čide*, Колтта *čuidđ*, Кильдин *čudd*, тер. *čitte* «враг» [YS: 28–29]. На русскую форму могло повлиять диал. *чучи*, *чучь* «легендарное племя, чудь» (Арх: Леш, Уст, Шенк) (ТЭ), а также начальный согласный. Ср. также мар. *чүчү*, горн. *чбічбі* «дядя (по матери)» [СМЯ 8: 457]. См. СТРС II, 105–106.

– *Чученга* ~ коми *tšuktši* «глухарь» [Vasmer 1936: 250].

Шабанга > Кичменьга > Юг (Влг, К-Г). **Шабеньга** > Онега (Арх, Плес). **Шабоньга** > Ваеньга > Сев. Двина (Арх, Вин). ~ Мар. *шопке*, горн. *шапки* «осина» [СМЯ 9: 234], ср. фин. *haara*, ижор. *hāra*, карел. *hoara*, люд. *huab(e)*, *hoabi*, вепс. *hab*, вод. *āpa*, эст. *haab* = саам. *surpe*, мар. зап. *šarki*, *šari*, вост. *šorke* «то же» [SSA 1: 126] < фин.-волж. **šara* «то же» [UEW: 783].

Шавеньга > Устья (Арх, Уст). ~ Прасаам. **ševōn*, саам. сев. *sávo*, Инари *savo*, Колтта *sââv*, Кильдин *sav*, тер. *šovvan* «тихое место между двумя быстринами» [YS: 118–119] ? = фин. *su-vanto*, *suvanne*, карел. сев. *suvanto* «тихое место перед порогом» [SSA 3: 227–228] или фин., ижор., карел., люд., вепс., *savi*, вод. *savvi*, эст. *savi*, *sau* «глина» (фин., карел. > саам. Луле *savi*, Инари *saauva* «глина» с параллелями в диалектах Колтта и Кильдин) [SSA 3: 163], ср. саам. Патсйоки *sāvv^a*, Нотозеро *sāvv^a*, Кильдин *šāvv*, Имандра *šavv*, Инари *sāvv^a* «глина» [KKS: 480].

Шавшуга (*Шавчуга*) > Пежма > Вага (Арх, Вель). ~ Саам. Патсйоки *šavš^ʰ*, Нятямё *ša`fs^ʰ*, Сонгельск, Нотозеро *ša^ʰpš^ʰ* («используемая весной как наживка маленькая рыба (*Mallotus vil-*

losus)», Сонгельск, Нотозеро «сиг (небольшой)», норв. *šakša*, Инари *šarš* «сиг» [KKS: 546].

Шарденьга > Юг (Влг, В-Уст). ~ Мар. *шордо*, горн. *шарды* «лось» [СМЯ 9: 241], ср. эрз. *сярдо* «то же» [ЭрзРС: 639], мокш. *сярда* «то же» [МокшРС: 697]. По-видимому, сюда же относятся четыре гидронима *Шадреньга* в басс. Ваги: **Шадреньга I, II, III** > Вель > Вага (Арх, Вель), **Шадреньга IV** > Поча > Вага (Арх, Шенк). Гидроним *Шадреньга I* зафиксирован также в форме *Шарденьга*, но прежде всего в пользу предположения о том, что *Шадреньга* < **Шарденьга* свидетельствует широкое распространение на РС топонимов с основой *шард* (*Шарда*, *Шардозеро*, *Шардома* и т.п.), в то время как выявлено только одно субстратное название с основой *шадр* – пустошь *Шадрома* (Новг. г., Череп. у. [Герасимов: 97]). Этимологию поддерживает также фиксация в русских говорах кольских поморов слова *шардун* «олений самец по второму году» [Подвысоцкий: 191], «некастрированный олень-самец» [Меркурьев: 179], очевидно, заимствованное русскими из языка носителей топонимии на *Vn(b)ga*, но сохранившееся только на Кольском полуострове в одном из обозначений оленя, ближайшего родича лося.

– *Шарденьга* ~ мар. *шарды* «лось» [Матвеев 1964а: 191; 1969: 49; 1996: 20–21; 1997: 38].

Шелюг I > Луза (Киров, Луз), **Шелюг II** > Луза (Киров, Луз), **Шелюг III** > (*Большой Шелюг*) > Пушма > Юг (Киров, Подос). ~ Прасаам. **šeljō*, саам. сев. *šil'jo*, Инари *šiljo*, Колтта *šelli* «место жилья» [YS: 128–129] > фин. *siljo* «саамское место жилья; ровная площадь, окружающая саамское жилище»; саамское слово восходит к финскому корню *sil-* (*sileä* «гладкий, ровный») [SSA 3: 180]. Ср. **Шилега**.

– *Шилюга* (Волог. г., Устюж. у.) ~ коми *šyl'*, *šil'* «щель, трещина, расщелина, дыра» [Vasmer 1936: 247].

Шидрога > Быксозеро > оз. Левинское > Великая > оз. Шольское > Шола > оз. Белое (Влг, Баб). ~ Саам. Патсозеро *sèuter*, Сонгельск *sõir*, Нотозеро *sèuter*, Кильдин *sieuter*, *sievter*, тер. *sie'ter* «белый или торфяной мох» [KKS: 487]. Предполагается *š вместо *s в языке-источнике (СТРС II, 220) и озвончение глухого в инлауте (СТРС I, 142–143). О том, что эта лексема могла употребляться и как географический термин, свидетельствуют названия бол. *Шидра*, *Шидры* (Влг, Выт).

Шидьгеа (*Шильдега*) > Чидвия > Мудьюга > Белое море (Арх, Прим). ~ Прасаам. **sijte*, саам. сев. *si'dâ*, Инари *sijda*, Колтта *sijdd*, Кильдин *sijđ*, тер. *sijđ* «деревня» [YS: 122–123]. Иногда и реку *Чидвия* называют *Шидьгеа*. Возможно, эти наименования связаны. В источнике XVII в. упоминается река *Шильгеа* в Мудьюжской волости [СГКЭ II, № 56]. В связи с этим можно рассматривать вариант *Шильдега* как контаминацию двух саамских обозначений жилья, ср. прасаам. *šeljō (см. *Шелюг*, *Шилега*) и прасаам. **sijte*. Возможно и народно-этимологическое воздействие на прибалтийско-финской почве (ср. карел. *šilda* «мост»).

Шилега I (*Шилёга*) > Пинега (Арх, В-Т), **Шилега II** > Пинега (Арх, Пин), **Шилега III** > Поча > Пинега (Арх, Пин). // **Шиленьга I** (*Шиленга*) > Ниж. Лупья > Вычегда (Арх, Вил), **Шиленьга II** (*Шилинга*) > Сев. Двина (Арх, Вин), **Шиленьга III** (*Шиленга*) > Печеньга > Кокшеньга (Арх, Уст), **Шиленьга IV** (*Шиленга*) > Пукшеньга > Сев. Двина (Арх, Холм), **Шиленьга V** (*Шиленга*) > Сухона (Влг, В-Уст), **Шиленьга VI**, бол., с. (Влг, М-Реч). ~ Саам. Патсийоки *šjŋ^a*, Нотозеро *šēŋ^a*, Кильдин *šjŋ^a*, тер.

šjl^(a) «добыча, улов; ловля». Ср. Патсйоки *šjl-ik'k'^E*, Нотозеро *šēl-ēžk^E* «(хороший) добычливый год» [KKS: 553]. Другие версии: прасаам. **šeljō*, саам. сев. *šil'ljō*, Инари *šiljo*, Колтта *šellj* «место (саамского) жилья» < фин. *silj-* (*sileä* «гладкий, ровный») [YS: 128–129] или прасаам. **silē*, саам. сев. *sille*, Инари *sile*, Колтта *seell*, Кильдин *šill* «истощенный, безрыбный» [YS: 122–123]. Ср. также мар. *шыл*, горн. *шѐл* «мясо» [СМЯ 9: 463]. Ср. **Шелюг**.

– *Шеленга* (руч.) < фин. *sileä* «гладкий, ровный» [Castrén 1862: 95]. Основа *шил* ~ мар. *шыл* «мясо» [Матвеев 1996: 19].

Шименьга > Моша > Онега (Арх, Нянд). ~ Мар. *шем(е)*, горн. *шим(й)* «черный» [СМЯ 9: 80–82] = коми *сім* «ржавый», «смуглый», «буровато-черный», «темный», эрз. *чемень*, мокш. *шамонь*, «ржавчина», фин. *häty* «сумерки», манс. *sēmel*, *šemel*, *simil* «ржавчина», хант. *samy*, *sami* «ржавчина», венг. *szenny* «грязь» [КЭСК: 258]. По-другому этимологические связи фин. *häty* интерпретируются в [SSA 1: 207–208]. В [UEW: 758–759] восстанавливается фин.-перм. **simz* «ржавчина», но по фонетическим основаниям отклоняются соответствия мордовских и венгерского языков.

Шобанга (*Шобаньга*) > Устья (Арх, Уст). ~ Мар. *шопке*, горн. *шапки* «осина» [СМЯ 9: 234], ср. фин. *haara*, ижор. *hāra*, карел. *hoara*, люд. *huab(е)*, *hoabi*, вепс. *hab*, эст. *haab* = саам. *surpe*, мар. *šapki*, *šari*, *šorke* «то же» [SSA 1: 126]. Близ Шобанги в Устью впадает руч. *Осиновский*. Ср. *Шабанга*, *Шабеньга*, *Шабоньга*.

– СТРС I, 270.

Шоиньга (*Шоенга*, *Шоеньга*, *Шоинга*, *Шовенга*, *Шовеньга*, *Шовинга*, *Шовиньга*) > Уфтыга > оз. Кубенское (Влг, У-Куб).

~ Прасаам. *šōjē, саам. сев. *šuooggie*, Инари *šyeiji*, Кильдин *šuij*, тер. *sijj*- «рябина» [YS:130–131] или прасаам. *sōjē, саам. сев. *suoggje*, Инари *syeiji*, Колтта *sueij*, Кильдин *sūij*, тер. *šiejja* «защита; убежище, кров, приют» [YS: 126–127] = фин., карел. *suoja* «то же» [SSA 3: 314]. Вставное в некоторых фонетических вариантов обусловлено зиянием. Ср. **Шуеньга**.

Шорега > Двиница > Сухона (Влг, Сок). // **Шореньга** (*Шориньга*) > Царева > Сухона (Влг, Тот). ~ Мар. *шор* «заболоченное место, болото без кочек», «грязь, муть, нечистота», «грязный», «мутный» [СМЯ 9: 238] или мар. *шör* «грань», «край», «угол» [СМЯ 9: 266]. Ср. еще прасаам. *sōrvē, саам. сев. *soar've*, Инари *soarri*, Колтта *suärvv*, Кильдин *sueřv*-, тер. *šjerve* «сухая сосна» [YS: 126–127].

– Коми *шор* «ручей» [Sjögren 1861: 300; Vasmer 1936: 248].

Шорманга > Бол. Юг > Шексна (Влг, Череп). ~ Мар. *шурманше*, горн. *сырмы* «рысь», «рысий» [СМЯ 9: 358], вост. *šurmo*, *šurmanše* «то же» [OTW: 176]. Ср. еще прасаам. *sormē, саам. сев. *sor'bme*, Инари *sorme*, Колтта *sårmm*, Кильдин *sår̄m*, тер. *sořme* «смерть» [YS: 124–125] < фин., ср. фин., ижор., карел. *surma*, люд., вепс. *surm*, вод. *surma*, эст. *surm* «то же» [SSA 3: 221]. В первом случае восстанавливают урал. *šurme «дикий зверь» [UEW: 490], во втором – фин.-угор. *šur(e)ma «смерть» [UEW: 489–490].

– Мар. *šurmanğa*, *šormo*, *šormanše* «рысь» [Vasmer 1935: 558].

Шортюг > Ветлуга (Костр, Поназ). // **Шортанга** > Доровица > Сямжена > Кубена (Влг, Сок). ~ Фин., карел. *sorto* «ва-

лежник, бурелом», люд. *sortta* «свалить (дерево)», *sord(o)* «изгородь из валежника, хвороста», вепс. *sorta* «ронять; валить», вод. *sorto* «участок вырубки», «валежник», эст. *sõõrd* «подсека, пожар» (фин. > саам. норв. *soar'det* «валить» с соответствиями в диалектах Инари, Колтта, Кильдин) [SSA 3: 203]. С учетом урал. **šarta* «лось» [UEW: 464] необходимо считаться и с мар. *šordo* «то же».

– *Шортюг* ~ мар. *шордо* «лось» [Востриков 1979: 54].

***Шубьег** < *Шублега*, быв. д., *Шублецкий*, руч. > Пинега (Арх, Пин). ***Шубьюг** < *Шубрюг* (*Шублюг*) > Молома (Киров, Опар). ~ Прасаам. **supē*, саам. сев. *suppe*, Инари *supe*, Колтта *suipp*, Кильдин *subb* «осина» [YS: 126]. Колебание плавных и отсутствие основ *шубл*, *шубр* в субстратном гидронимиконе РС при широко распространенной основе *шуб* ясно указывают на вторичность этих звуков, что позволяет реконструировать гидронимы в виде **šubjega* (< **šubjuga*) и **šubjug* с последующим развитием эпентетических *л'*, *р'* на русской почве (см. СТРС I, 145–146) и колебания *л' ~ р'*. О звуке **š* в соответствии с прасаам. **š* см. СТРС II, 232–242, а об озвончении интервокальных согласных СТРС I, 142–143 (ср. также Кильдин *subb*). Этимология названия *Шубрюг* (*Шублюг*) поддерживается тем, что на смежной территории Вохомского района Костромской области зафиксировано несколько гидронимов с «чистой» основой *шуб*, а именно *Шубаней*, *Шубач* (неоднократно засвидетельствовано на РС, см. СТРС II, 108), *Шубот*.

– *Шублюг* (Вят. г., Орл. у.), может быть, ~ удм. *šubäd* «узкий» [Vasmer 1936: 251], *Шубрюг* (*Шублюг*) ~ *suppe* «осина» [Матвеев 1970: 470–471; СТРС I, 146; СТРС II, 107–109].

Шуеньга (**Шуинга**) > Кубена (Влг, Вож). См. **Шоиньга**.

Шужега (*Сужега, Сужога, Шушега*) > Сев. Двина (Арх, Вин). См. **Сужега**.

– *Шужега* (Арх. г., Шенк. у.) ~ коми *šuz̄, šúz̄* «филин» [Vasmer 1936: 236].

Шукшеньга > Сухона (Влг, Тот). ~ Мар. *шукиш* «червь, червяк», *шукиан* «червивый» [СМЯ 9: 324] ~ прасаам. **sōkse*, саам. сев. *suok'sá*, Инари *suoksa*, Колтта *suōhss*, Кильдин *sūḗs*, тер. *siḗs* «личинка; червячок» [YS: 126–127], эрз. *сукс* «червь» [ЭрзРС: 623], мокш. *сукс* «червь» [МокшРС: 680]. Менее вероятно фин., ижор., карел. *suksi*, люд. *sukš*, вепс. *sukś*, вод. *sūhsī*, эст. *suusk, suks* «лыжи» (фин. > саам. Колтта *sohsǵ* «то же») [SSA 3: 210]. Ср. **Суксонга**.

Шулега > Вычегда (Арх, Лен). ~ Фин., ижор., карел., люд., вепс., вод., эст. *sula* «талый» = морд. *sola* «талый», мар. *šālet, šulem* «таять», удм. *šl̄m̄iṇi* «то же», коми *šil* «талый» [SSA 3: 210–211]. Ср. мар. *шулата* «талый» [СМЯ 9: 325].

Шунега > Чужга > Вожега > оз. Воже (Влг, Вож). // **Шу-ненга** > Салонга > Сухона (Влг, Тарн). ~ Прасаам. **sōñō*, саам. сев. *suodñjo*, Инари *suañji*, Колтта *suāñnj*, Кильдин *šueññ*, тер. *šieñña* «болото» [YS: 128–129] или саам. Сонгельск *šjonn^e*, Нотозеро *šjann^e*, Кильдин *suənn^e*, тер. *šjəñne* «тихий», «спокойный» [KKS: 532]. Ср. также мар. *шун* «глина» [СМЯ 9: 337], *шунан* «глинистый» [СМЯ 9: 338].

Югзеньга > Недзюга > Лельма > Моша (Арх, Нянд). ~ Мар. *йўксö*, горн. *йўксы* «лебедь» [СМЯ 2: 156], ср. фин. *joutsen*, диал. *joeksin* = саам. *njuk'čá*, эрз. *loks'ij*, мар. *d'ūkšə, jükt'šö, d'üksə*,

удм. *juś*, коми *juś* (*juśk-*) [SSA 1: 244] и реконструируемое фин.-перм. **joŋkće ~ jokće* «лебедь» [UEW: 101]. Или прасаам. **jōkse*, саам. Инари *juoksa*, Колтта *johss*, Кильдин *jūḡs*, тер. *jīks* «лук» [YS: 38–39], ср. урал. **joŋ(k)sз* «лук» [UEW: 101–102]. Об озвончении глухих консонансов см. 3.3.

Юменьга I > Вель (Арх, Кон), **Юменьга II** (*Юминьга*) > Кова > Пиньгиша > Сев. Двина (берет начало в *Юмболото* близ *Юмозеро*) (Арх, Холм). ~ Мар. *юмо*, горн. *йымы* «бог», «божий» [СМЯ 10: 174–175] = фин. *jumala*, ижор. *jumtāla*, карел. *jumala*, люд. *d'umal(u)*, вепс. *jumal*, *jumā*, вод. *jumala*, эст. *jumal*, юж. *jumtal*, лив. *jumāl* «то же» [SSA 1: 247]. Подробнее см. фин.-волж. **juma* «небо; бог» [UEW: 638].

Юреньга > оз. Белое (Влг, Вашк). ~ Фин. *juuri*, ижор. *jūri*, карел. *juuri*, люд. *d'ūr(i)*, вепс. *juŋ*, вод. *jūri*, эст. *juur*, лив. *juŋ* «корень, комель» = морд. *jur* «то же» [SSA 1: 253] или фин. *jurä* «ручей с крутым берегом», «глубокая впадина», «большой холм», *jyräma*, *järämä* «маленький порог», «плесовое место», карел. *jyrähmä* «маленький крутой холм» = ? саам. сев. *jārem* «небольшое расширение в реке» [SSA 1: 255], ср. еще саам. Луле *jārrē* «глубокая яма в озере или реке» [SKES: 128]. Нельзя исключить и связь с прасаам. **jore*, саам. сев. *jorrāt*, Инари *juurrađ*, Колтта *joorrad*, Кильдин *jorveđ*, тер. *jorrd* «вертеться, крутиться» [YS: 36–37]. Сюда же, возможно, **Юрлюга** > Нюксеньга > Кокшеньга (Влг, Тарн) < **Юрьюга*.

– Матвеев 1960: 115.

Юрманга I (*Юрманьга, Юрмонга*) > Ниж. Тойма > Сев. Двина (Арх, В-Т), **Юрманга II** (*Юрманьга*) > Леденьга > Сухона (Влг, Бабуш), **Юрманга III** > Кема > Унжа (Влг, Ник), **Юрманга**

IV > Толшма > Сухона (Влг, Тот), **Юрманга V** (*Юрманка*) > Пеженга > Унжа (Костр, Кол), **Юрманга VI** (*Юрманка*) > Кисть > Вига > Унжа (Костр, Чухл), **Юрманга VII** (*Юрманка*) > Сундоба > Ида > Вига > Унжа (Костр, Чухл). **Юрманка I** > Вига > Унжа (Костр, Чухл), **Юрманка II** > Ноля > Вёкса > Кострома (Костр, Галич). **Юрманьга** (*Юрманга*) > Кулой > Вага (Влг, Тот). **Юрменьга** (*Юрманьга, Юрминьга*) > Сухона (Влг, Ньюкс). **Юрминьга** (*Юрменьга*), гора, лес (Арх, Шенк). *Юрманка I, II* внесены в перечень с учетом *Юрманга V, VI* (*Юрманка*) и возможностей русской адаптации. ~ Фин. *jurtti* «глубокая яма в озере или реке» < саам. Луле *jår'tmē* «небольшой водоем», «глубь, омут», «плес ниже порога», норв. *jør'bme*, Инари *joř'mo*, Колтта *joř'm^a* «яма в реке ниже порога» [SKES: 126]. Ср. саам. Патсйоки *joř'm^a* «глубокое место в реке (ниже порога)», уменьш. *jõr'maž*, Сонгельск *jur-taD* «глубокое озеро (небольшое)», норв. *jør'bme* [KKS: 69]. См. карту 4. Подробнее об урал. (?) **jurma* «глубокое место в воде (в реке или озере)» см. [UEW: 105–106].

– Матвеев 1960: 115.

Ютьега (*Ютега*) > Чурьега > Кена > Онега (Арх, Плес). ~ Фин. *jousi, joutsu, joussi, joutti*, карел. *jousi* «лук, лук-самострел» [SSA 1: 243–244] = прасаам. **jōkse*, Инари *juoksa*, Колтта *johss*, Кильдин *jūḡs*, тер. *jīks* «то же» [YS: 38–39]. Но приходится иметь в виду, что фонетически близкая форма *joutti* характерна для западных говоров финского языка [SSA 1: 243]. Поэтому надежнее представляется фин. *jutta, juta* «полоса», «след», «колея», «тропинка», эст. *jutt* «линия, полоса» [SSA 1: 253].

Явротьга I (*Ярваньга, Ярвеньга, Ярвонга, Ярвотьга, Ярманьга*) > Пинега (Арх, В-Т), берет начало в оз. *Ярвотьгское* и

протекает через оз. **Улово**, **Явроньга II** (*Явреньга*) > оз. Нельнюжское > Виска > Нельнюга > Пинега (Арх, Пин), **Явроньга III** (*Явраньга*) > Сямженъга > Пинега (Арх, Пин), **Явроньга IV** (*Явраньга*, *Явреньга*) > Юла > Пинега (Арх, Пин), исток в оз. Святое (Красный Окунь). Сюда же надо отнести **Авреньга** (*Авриньга*) > Ноуса > Ледь > Вага (Арх, Шенк), исток которой *Авреньозеро* (с редким случаем утраты инициального *j). См. **Яхреньга**.

– *Явроньга* (Арх. г., Пин. у.) ~ саам. *jawre* «озеро» [Vasmer 1936: 204].

Ялега (*Ялига*) > Самина > Андома > Онежское озеро (Влг, Выт). ~ Фин. *jalo* «благородный; большой; сильный; смелый; хороший», карел. *jalo* «сильный», «большой», люд. *d'alo*, *jalo* «хорошо», «очень», вепс. *jalo* «быстрый, бойкий», эст. диал. *jalu* «усердный», «страстный», «бурный» [SSA 1: 235] = прасаам. **jōlē*, саам. сев. *juollēd*, Инари *juollad*, Колтта *juðllād*, Кильдин *jülley*, тер. *joala* ? «обширный», «широкий» [YS: 38–39].

Яреньга I > Вычегда (Арх, Лен), **Яреньга II** > Белое море (Арх, Прим), исток – оз. *Бол. Яреньгское*. **Усть-Яреньга** > Белое море (Арх, Прим), исток – оз. *Слободское*. Ср. в Республике Коми р. **Ярега** (басс. Ижмы), которая тоже протекает через озеро [Матвеев 1960: 118]. См. **Яхреньга**.

– *Яренга* ~ коми *jarangas* «самоеды» [Sjögren 1861: 403].

Яхреньга I > Кубена (Влг, Сямж) < оз. Яхреньгское, **Яхреньга II** (*Ехреньга*) > Кокшеньга (Влг, Тарн), протекает через три озера, одно из которых именуется Заозерское, близ реки ур.

Озерки, **Яхреньга III** > Печеньга > Кокшеньга¹ (Влг, Тарн), **Яхреньга IV** (*Ехреньга*) > Уфтыга > Кокшеньга² (Влг, Тарн), **Яхреньга V** (*Ехреньга*) > Пашевица > Двиница > Вага (Влг, Тот), течет через оз. Большое, **Яхреньга VI** > Кихть > Кубена (Влг, У-Куб) < оз. Белавинское, **Яхреньга VII** > Уфтыга > оз. Кубенское (Влг, У-Куб) < оз. *Яхреньгское*, **Яхреньга VIII** > Вондожь > Сить > Кубена (Влг, Хар) < оз. Тимошинское, **Яхреньга IX** > Сить > Кубена (Влг, Хар) < оз. *Бол. и Мал. Яхреньгское*, **Яхреньга X** > Юг (Кир, Подос), исток в озерке. См. карту 4.

Учитывая вариантную форму *Ехреньга* для гидронимов *Яхреньга II, IV, V* и *Ягренга* для *Яхреньга III* (см. прим.), сюда же следует отнести **Ехреньга** > Кунож > Унжа (Влг, Бабуш) < бол. Сямженское и **Егреньга** (*Евреньга, Егриньга, Ереньга*) > Ниж. Тойма > Сев. Двина (Арх, В-Т), которая протекает через озера *Егреньгские*.

~ Фин., ижор., карел., *järvi*, люд. *d'arv, d'ärvi*, вепс. *järv*, вод. *jarvi*, эст. *järv*, диал. *järi, jerv*, лив. *jāra, jāra* «озеро» = саам. *jaw're*, эрз. *erke*, мар. *jär, jer* «то же» [SSA 1: 259], ср. прасаам. **jävrē*, саам. сев. *jaw're*, Инари *jävri*, Колтта *jäurr*, Кильдин *javr*, тер. *javre* [YS: 34–35]. Восстанавливают раннеприб.-фин. **järvä* [Korhonen 1981: 132].

¹ В памятнике XVII в. читаем: «пала в тое речку Печенгу речка Ягренга и по тое речке Ягренге пашенная земля...» [СГКЭ II, № 262]. В настоящее время в бассейне этой реки озер нет, однако ниже по Печенге приблизительно в 2 км есть озеро. Очевидно, имела место метонимия.

² Верхнее течение этой реки именуется *Озерница*. Местный краевед-топонимист А.В. Кузнецов пишет: «В настоящее время на р. Озернице имеется лишь небольшое озеровидное расширение, но сама река протекает по днищу большой блюдцеобразной заболоченной котловины, которую, без сомнения, несколько тысяч лет назад наполняли воды озера» [Кузнецов 2001: 98–99]. Но Кузнецов – житель Тотемского района, а информанты из куста деревень Верховье Тарногского района (д. Заборье) называют это место оз. *Яхреньгское* (ТЭ).

Подробности см. СТРС I, 287–292, 307; СТРС II, 108–110, 263–267.

– Матвеев 1960: 115, 118; 1964а: 191; 1969: 49, 51; 1970в: 123; 1996: 21; 1997: 36–38; 2005: 140.

5. Лингвоэтнический анализ

5.1. Опыт лингвоэтнической идентификации гидронимов с формантами *Vz(a)* и *Vn(b)ga*

Лингвоэтническая идентификация гидронимов с формантами *Vz(a)* и *Vn(b)ga* сложна по ряду причин. Во-первых, лексический состав субстратных языков отличается от словаря привлекаемых для сравнения ныне функционирующих языков, а сами субстратные языки могут находиться в более близкой степени родства, во-вторых, ареалы языковых общностей очень близки, а в ареально ярко выраженной южанской топонимии гидронимия количественно невелика и структурно бедна, наконец в третьих, надежность топонимических этимологий часто недостаточна, поэтому основываться на них можно с осторожностью. К этому следует добавить взаимовлияние формантов, русскую адаптацию, перенос названий на смежные реки, особенно в местах древних волоков и т.п.

Некоторые объективные препятствия при лингвоэтнической интерпретации в принципе труднопреодолимы, например, весьма частое в русской передаче полное совпадение соответствий прибалтийско-финским и саамским данным, когда их невоз-

можно дифференцировать (ср. *Нойдуга*, *Пенога*, *Урдюга* или *Вайманьга*, *Марденьга*, *Томанга*¹).

В других случаях твердо установленные факты пока не поддаются рациональному объяснению. Таково довольно широкое распространение звука *ы* в основах всех трех исследуемых гидронимических типов на востоке региона (*Вырога*, *Сылога*; *Пырнуг*, *Рыстюг*; *Вырмоньга*, *Пыльменьга*). Генезис этого ареального явления (или явлений) неясен.

Автор понимает, что далеко не все из его этимологий отвечают фонетическим критериям, однако это связано не только с ошибками в этимологизации, но и с языковым (диалектным) многообразием пока еще «темного» материала СТРС. Фонетические соответствия иногда лишь выявляются и нужно еще многое установить, чтобы в них окончательно убедиться. Путь нелегких исканий и неизбежных ошибок делает неуместными категоричность и стремление уже сейчас непременно найти однозначный ответ в море неясных фактов.

Таким образом, сама специфика топонимической этимологии неоднократно вынуждала автора приводить ряд возможных этимологических решений с надеждой на то, что в будущем сведение воедино структурных, фонетических и ареальных данных, а также полный анализ СТРС по микротерриториям позволят выделить наиболее вероятные из них или предложить совершенно новые.

В то же время безотлагательного решения ждут такие принципиальные вопросы, как например, проблема проникновения германизмов и скандинавизмов в СТРС. Пока, во всяком слу-

¹ Здесь и далее автор оперирует результатами этимологического анализа (4.2.), поэтому интерпретация не повторяется и ссылки не даются. Исключения делаются только при использовании нового материала.

чае, представляется нецелесообразным исключать из корпуса исследуемых гидронимов названия, которые предположительно могут восходить прямо или опосредованно к германским и скандинавским источникам.

Все сказанное побуждает быть сдержанным в выводах и основываться прежде всего на частотных фактах, фрагментах системного характера, которые удалось выявить, а также лингвистической географии. О том, насколько трудна процедура лингвоэтнического отождествления даже при убедительной этимологии, можно судить по следующему примеру. Гидронимы *Киперлюга*, *Мендюга*, *Мустюга* характеризуются дифференцирующими прибалтийско-финскими основами и должны соответственно рассматриваться как прибалтийско-финские. Но формант *юга* вынуждает предположить две возможности: 1) в местной прибалтийско-финской речи в соответствии с прибалт.-фин. **o* употреблялся более закрытый звук, который воспринимался русскими как *y*; 2) рассматриваемые гидронимы характеризуются основами, засвидетельствованными в современных прибалтийско-финских языках, но восходят к какой-то иной языковой общности. Ясность, казалось бы, должна внести география, но *Киперлюга* относится к басс. Пинеги (северо-восток РС), *Мендюга* – к басс. Емцы (север РС), а *Мустюга* – к басс. Уфтьюги (юго-восток РС). Отсюда следует, что прибалтийские финны расселились в свое время по всему РС вплоть до его восточных и юго-восточных окраин или это были какие-то особые финны, близкие к прибалтийским. Таким образом, даже в ясных, на первый взгляд, случаях мы не можем получить однозначный ответ.

Кроме географии, опорой для лингвоэтнического решения может стать фонетика. Но исследуемые гидронимы небогаты составом согласных, которые особенно важны для идентификации.

Наиболее показательный случай – анлаутное χ ($< *h$), идентифицирующее прибалтийско-финские топонимы. Среди гидронимов на *Vga* находим 13 названий с анлаутным χ (подробности см. в 3.3., 4.2. и на карте 3), которые в своем большинстве удовлетворительно объясняются на прибалтийско-финской почве, но почти все относятся к западной части региона, где прибалтийско-финское влияние особенно ощутимо. Среди них есть и гидронимы на *юга*. Отсюда вывод, что названия рек на *Vga* в западной части РС действительно могут быть прибалтийско-финскими, формант *юга* может характеризовать прибалтийско-финские гидронимы, а на востоке региона, где названия на *Vga* частотнее, они могут быть как прибалтийско-финскими, так и иного происхождения.

Основываясь на изложенных соображениях и методиках, последовательно рассмотрим наименования на *Vz*, *Vga* и *Vn(b)ga* с точки зрения их лингвоэтнической принадлежности.

5.1.1. Гидронимия с формантом *Vz*

В этимологических статьях приводятся все известные автору пермские и марийские этимологии гидронимов на *Vz*, даже если они совершенно неудачны (вроде *Пинюг* ~ коми *piñ* «зуб»). Среди них есть заслуживающие обсуждения, например, этимологии гидронимов *Кузюг*, *Нюрюг* из пермских языков, *Портюг*, *Шортюг* – из марийского. Но таких названий немного, и специфику южанской географической номенклатуры определяют гидронимы саамского и прибалтийско-финского типа. Однако этот основной массив южанских гидронимов неоднороден.

Первую группу южанских названий составляют гидронимы, которые имеют соответствия в саамском языке. Они могут отличаться от прибалтийско-финских параллелей фонетически (*Еврюг*, **Лондуг* и т.п.) или вообще не иметь прибалтийско-

финских соответствий (*Касуг, Лендюг* и др.). Вторую группу образуют гидронимы, которые имеют соответствия как в саамском, так и в прибалтийско-финских языках. Но фонетические различия между ними отсутствуют или минимальны, так что невозможно более точно соотнести эти названия ни с саамскими, ни с прибалтийско-финскими источниками (*Каюг, Томлюг* и др.). Третья группа состоит из гидронимов, у которых есть саамские параллели, заимствованные из прибалтийско-финских языков (*Мурдюг, Пилюг* и др.). Перечисленным трем группам противостоит четвертая. В нее входят наименования, имеющие явные прибалтийско-финские соответствия, фонетически дифференцируемые от саамских (*Калюг, Лавдуг, Рюндюг* и др.), или вообще не имеющие саамских соответствий (*Киюг, Кортюг, Пинюг* и др.). Первые, возможно, представляют собой адстратные названия из какого-то языка прибалтийско-финского типа, втянутые в ряд гидронимов на *Vz*. Во всяком случае все они относятся к окраинам ареала, где фиксируются и прибалтийско-финские названия на *сарь* «ветвь». Особенно интересно в этом отношении гнездо смежных названий (*Калюг, Лунтюг I, Рюндюг*) в верхнем течении Ветлуги. Вторые, очевидно, восходят непосредственно к языку названий на *Vz*. Отдельно надо упомянуть гидроним *Синдюг*, интерпретируемый как местное соответствие саамского типа финскому *hinta* «цена, плата», а также гидронимы *Хандюг* и *Ханнюг* с тюркской лексемой в основе. Наконец, некоторые названия было трудно отнести к какой-либо группе из-за ряда возможных этимологических решений (*Ачуг, Пертюг, Пырнуг* и др.).

Анализ лексики позволяет сделать вывод, что в южанском языке, насколько можно судить по дошедшему до нас корпусу гидронимов, были элементы, имеющие соответствия в саамском словаре. Это дает основание сближать данный язык с саамскими

наречиями РС, не отождествляя его, однако, с саамским. Дело в том, что в языке гидронимии на *V*₂ не зафиксирован ряд типовых для саамских наречий РС лексем, в частности, таких, как *нюхч*, *чехч*, *чухч*, *чач*, *шид* и т.п. Надежных «саамских» этимологий (см., например, *Еврюг*, **Лондуг*, *Шубрюг*), которые можно считать типовыми, вообще сравнительно немного.

Вместе с тем обращают на себя внимание некоторые фонетические соответствия между южанскими гидронимами и прасаамскими формами, наблюдаемые прежде всего в системе вокализма:

1. Прасаам. **ā* регулярно соответствуют *a* < **a*: *Касуг*, *Каюг*, *Лантюг* и т.п.). Единственное исключение – *Еврюг* при прасаам. **jāvrē* – объясняется изменением *'a' > e* в позиции между мягкими согласными под ударением уже в русском языке (см. об этом СТРС, 140–141).

2. Прасаам. **ē*, **ĕ* обычно соответствует *и* < **i* (*Мильюг*, *Митюг*, *Пилюг*; *Ичуг*, *Кирюг*, *Кичуг*, *Мичуг*, *Пичуг*). Такого же рода изменение произошло и в *Пинюг*. Однако в некоторых случаях прасаам. **ē*, **ĕ* соответствует *e* < **e* (*Лендюг*, *Сендюг*). В самом соответствии прасаамского **ē*, **ĕ* южанскому **i* есть основание видеть проявление тенденции к сужению гласных.

3. Прасаам. **ō*, **õ*, **o* соответствует *о* – *Возюг*, *Полюг*, *Солюг*, **Союг*, *Томлюг*; *Кольчуг*; *Контюг*, *Конюг*, **Лондуг*. Есть, однако, два исключения (*Кузюг* и *Нюрюг*), которые заслуживают внимания.

Гидроним *Кузюг* ~ прасаам. **kōsē* «ель» при фин. *kuusi* «то же» относится к широко распространенным на РС названиям с основой *куз* (*Кузег*, *Кузеньга* и т.п.), причем ожидаемая основа **коз* в гидронимии не фиксируется. Регулярность явления, таким

образом, не вызывает сомнений. Но как его объяснить? Возможно, сужение гласного произошло в языке-источнике и связано с воздействием заднеязычного *k* в анлауте. Во всяком случае на РС есть и другая подобная основа *кул* «рыба» ~ прасаам. **kōlē* «то же» с аналогичной судьбой (*Кулой*, *Кулосега*). Что касается гидронима *Нюрюг* ~ прасаам. *ñōrę* «подводный камень, мель», то в этом случае могла произойти ассимиляция на русской почве (**Нёрюг* > *Нюрюг*). Вместе с тем в явлениях такого рода можно видеть и проявление тенденции к сужению гласных, характерной в случае **ō* > *ū*, например, для кильдинского диалекта саамского языка. Ср. также рус. диал. *нюра* «подводная мель» < саам. [Фасмер III: 92–93].

4. Для прасаам. **u* располагаем только одним примером (*Шубрюг* < **Šubjug* ~ **suppe* «осина»).

В области консонантизма можно отметить следующие особенности южанской гидронимии:

1. При полном преобладании глухих *k* и *n* в анлауте (соответственно 22 и 15 фиксаций) глухой *m* засвидетельствован только в одном случае (*Томлюг*). Поскольку в этом гидрониме **t* < **δ'*, возникает любопытная ситуация: в начальном положении отсутствует обычный для саамского и прибалтийско-финского консонантизма звук *t*. В инлауте он, однако, зафиксирован, поэтому не исключена простая случайность.

2. Анлаутное *č* засвидетельствовано в одном гидрониме (*Чирюг*), а в интервокальном положении этот звук отмечен в 13 названиях. Возможно, что в некоторых случаях *č* восходит к *t'*, причем трудно сказать, где произошло изменение, в языке субстрата или в русской речи, поскольку и в настоящее время встречаются колебания типа *Кортюг* / *Корчуг*, *Пыштюг* / *Пышчуг*, *Шартюг* / *Шарчуг*.

3. Спиранты *ш* и *с* в начальном положении засвидетельствованы соответственно в 10 и 6 фиксациях. В интервокальном положении *ш* встретилось только в одном загадочном гидрониме *Ёриуг*, а *с* в названии *Касуг*, зато имеется один случай употребления *ж* (*Пыжуг*) и 6 фиксаций звука *з*. Спирант *ш* особенно характерен для марийского языка, зона распространения которого смежна с ареалом гидронимии на *V*₂, но это наблюдение слишком общего характера. Трудности велики: не все названия с *ш* в анлауте удалось интерпретировать, а имеющиеся соответствия неоднозначны. Об озвончении глухих в инлауте см. СРТС I, 142–143, СРТС II, 235, 239.

4. Звук *х* встретился в названиях *Ханюг* и *Хандюг*, которые рассматриваем как поздние заимствования.¹ Это не позволяет связывать южанскую топонимию с прибалтийско-финскими источниками.

5. Среди интервокальных консонантных групп, как уже указывалось ранее, прежде всего обращают на себя внимание консонансы с носовыми в препозиции типа *нд*, *нт*, свидетельствующие об отсутствии деназализации в южанском языке. Однако не менее важна и особенность более широкого плана – полное преобладание групп согласных типа сонорный + взрывной (спирант, аффриката), т.е. *рт*, *нд*, *лч*, *мч* и т.п. Именно поэтому единичные группы *тр*, *бл*, *мл* представляются инородными, т.е. возникшими на русской почве при каких-либо способствующих обстоятельствах (**Пертюг* > *Петрюг*, возможно, по народной этимологии, **Томјуг* > *Томлюг*, **Шубјуг* > *Шублюг* в результате взаимодействия *j* с предшествующим согласным, о чем см.

¹ В ранних работах автора приводится название *Лахтюг*, которое сопоставлялось с фин. *lahti* «залив» [Матвеев 1963: 80; 1970а: 368]. Эта форма, извлеченная из письменных источников, оказалась ошибочной. Фактически, как установлено ТЭ, существует гидроним *Лантюг*.

подробнее СТРС I, 145–146). Вторичные консонансы, возникшие под воздействием русской адаптации, по-видимому, появлялись и в других случаях. Особенно интересен в этом отношении гидроним *Луптюг* с группой согласных *пт*. Из исходного **Lupjug* ожидалась бы форма **Луплюг*, но она труднопроизносима. Видимо, потому и появляется вставное *т* вместо *л*. Вставные согласные способны серьезно осложнять процесс этимологизации, тем более, что могут встретиться и другие случаи (ср. в СТРС I, 146 о вставном *н* в *Немнюга* и др.).

Каков же общий итог? Сразу заметим, что он не может быть особенно впечатляющим, потому что материал невелик: в нашем распоряжении 94 названия, но из них 21 дублирующее, т.е. фактически всего 73 гидронима с односложными основами, трудными для толкования. Тем не менее некоторые выводы можно сделать.

1. Складывается впечатление, что ареал *V₂* неоднороден, а именно язык южан включил в свою гидронимию какие-то адстратные или субстратные элементы, близкие к прибалтийско-финским.

2. Южанский язык в фонетическом отношении характеризуется прежде всего отсутствием звонких смычных и спирантов в начале слова.

3. Односложность основ (утрата конечных гласных) роднит язык южан с пермскими языками, хотя это явление зафиксировано и в других финских языках. Односложность основ дезавуирует вопрос о возможности отражения в названиях на *V₂* генитивной конструкции на *-n* прибалтийско-финского типа: ее «по определению» просто не может быть.

4. Отмечены некоторые проявления тенденции к сужению гласных, характерные для пермских и волжско-финских языков.

5. Нет убедительных примеров $x < *h$, что отличает южанский язык от прибалтийско-финских языков.

6. Отдельные фонетические черты (распространение *ш* в анлауте и редкость *р* в этой позиции) напоминают черты марийского языка.

7. Лексика южанского языка имеет соответствия прежде всего в саамском и прибалтийско-финских языках. Надо иметь в виду, однако, что сопоставление южанской лексики как с современным саамским, так и с древнесаамским словарным фондом, сохранившимся в СТРС (точнее, с его фрагментами), затрудняется значительными различиями в природной среде этих регионов. Достаточно заметить, что в южанской зоне почти нет озер.

8. Существенны результаты сопоставления ареала V_2 с распространением гидронимов с детерминантами *сур* и *сарь* «ветвь», «развилка», которые соответственно интерпретируются как близкие к саамским и прибалтийско-финские [Матвеев 1969: 43; 1970а: 329–330; СТРС I: 275–279]. Названия на *сур* (ср. саам. *suorre*, *suerr*, *sūrr* «ветвь», «развилка») сосредоточены в бассейне реки Юг или близ него, т.е. в центре ареала V_2 , ср. *Каксур*, *Манаксур*, *Хамсур* (может быть, из **Хансур*), *Вонзур* (< **Вонсур*). Напротив, гидронимы на *сарь* (ср. фин. *saara*, люд. *suar*, вепс. *sar*, *sara* «ветвь», «разветвление») связаны с окраинами ареала V_2 , ср. *Кекосарь* (басс. р. Луза), *Пялосарь*, *Согзарь* (басс. низовий р. Сухона), *Лунсарь* (басс. р. Унжа), *Немсарь* (басс. р. Ветлуга), причем некоторые из этих названий имеют убедительные прибалтийско-финские этимологии, ср. фин., карел. *keko* «куча», «стог», «муравейник», *luppo* «бородатый лишайник, растущий на деревьях» (*Usnea barbata*), *niemi* «мыс», *pälvī* «голое место». Все это позволяет думать, что остаточный ареал *сур* принадлежит языку создателей гидронимии с формантом V_2 . На это же указывает от-

существование конечных гласных в восстановленных детерминантах **jug* и **sur*, что отличает их от прасаамских форм **jokę* и **sōrē* и сближает с колтовским и кильдинским диалектами современных саамов, ср. Колтта *jokk*, *suerr*, Кильдин *jōgg*, *sūrr* [YS: 37, 129].

9. Таким образом, есть основания считать южанский язык родственным саамскому и прибалтийско-финским языкам, хотя в нем, видимо, могли быть и какие-то черты, свойственные смежным пермским и марийскому языкам.

10. Ареал *Vg* четко делится на юго-западную зону (басс. р. Унжа), где фиксируется начальное *c* (*Сендюг*, *Солюг* и т.п.), и северо-восточную (басс. р. Юг и Молома) с начальным *ш* (*Шартюг*, *Шелюг* и т.п.). Если же учитывать и другие признаки, то можно выделить три диалектных зоны: 1) собственно южанскую (басс. р. Юг), 2) унженскую (басс. р. Унжа), 3) ветлужско-моломскую (верховья рр. Ветлуги и Моломы). Для южанской зоны характерны гидронимы с начальным *ш*, интервокальным *з* и гласными *и*, *ы* в основе, для унженской – названия с начальным *c*, интервокальным *c* в одном случае (*Касуг*) и гласными *и*, *ы* в основе, а для ветлужско-моломской – гидронимы с начальным *ш*, интервокальным *з* и гласным *у* в основе.

11. Сопоставление гидронимов на *Vg* с речными названиями нижнеклязьминского ареала на *Vx* (см. о них [Матвеев 2001: 45–47]) показывает, что в структурном отношении эти наименования тождественны. В лексике есть соответствия, ср. клязьминские *Ландех*, *Пенюх*, *Сердух*, *Лух*, а на южанской территории *Лантюг* (*Ландюг*), *Пинюг*, *Сердуха*, *Лух*. Вероятно, этих совпадений могло бы быть больше, но 94 (73 без дублирующих) южанских гидронима сопоставляются всего лишь с 28 нижнеклязьминскими. Тем не менее сразу видно, что языки эти различны: в названиях на *Vx* звуки *ч* и *ш* вообще не встречаются, а в ан-

лауте достаточно хорошо для небольшого количества фактов представлены *c* (5 фиксаций) и *m* (4 фиксации), но почти нет *k* (1 фиксация). Этот пример хорошо показывает, что общее структурное сходство при изучении субстратных топонимов является лишь одним из индикаторов. Язык гидронимов на *Vz* (южанский) – севернофинский, а гидронимов на *Vx* (нижнеклязьминский), видимо, существенно отличался от этого языкового типа.

12. Ареал *Vz* примыкает с юго-востока к ареалу *Vza*. Это позволяет думать о том, что хронологически он одновременен по крайней мере с теми названиями на *Vza*, которые находятся в южной части ареала *Vza* (смежной с *Vz*) и характеризуются некоторыми звуковыми особенностями, типичными и для *Vz* (например, интервокальным *ч* и консонансами с *ч* в постпозиции). Возможно, что ареал *Vz* в языковом отношении наиболее близок к этим названиям на *Vza*. В пределах ареала *Vz* названия на *Vza* не встречаются, что еще раз доказывает их синхронную связь. Напротив, в басс. Юга и верховьях Унжи фиксируются гидронимы на *Vn(b)za*, которые лишь в очень редких случаях имеют общие основы с названиями на *Vz* (*Нюрюг* ~ *Нюренга*). Есть все основания считать их субсубстратным доюжанским слоем. Примечательно в этом отношении сосуществование в южанском ареале двух разных звуковых реализаций семемы «озеро» – *Еврюг* и *Яхреньга*, которые никак не могут принадлежать одному языку.

5.1.2. Гидронимия с формантом *Vza*

География гидронимов на *Vza* свидетельствует о некоторых особенностях в территориальном распределении структурно-фонетических подтипов названий с этим детерминантом.

1. Ареалы наиболее распространенных гидронимов на *юга* и *ега* в основном совпадают (подробности см. 3.5.).

2. В распределении названий на *ога*, *уга* прежде всего обращает на себя внимание факт их отсутствия в среднем течении Пинеги между Ёжугой и Выей. На этой обширной территории зафиксировано только одно название на *ога* (*Сылога*, приток Юлы), а наименований на *уга* вообще нет. «Среднепинежская лакуна», как мы увидим в дальнейшем, вообще примечательна во многих отношениях. В то же время гидронимы на *юга*, а в меньшей степени и на *ега* здесь обыкновенны.

3. Названия на *уга* широко распространены на северо-востоке РС к северу от условной линии между устьями Пинеги и Мезенской Пижмы. Здесь они встречаются так же часто, как и названия на *юга*. Возможно, что на этой территории гидронимы на *уга* являются субсубстратными (саамскими?), а возникновение форманта *уга* из *юга* должно рассматриваться как обычный адаптационный процесс.

4. Названия на *уга* с предшествующим шипящим (прежде всего *ч*) высокочастотны в бассейне верхней Ваги, точнее, между Велью и Устьей на севере и Сухоной на юге. В южной части этой микротерритории достаточно часто встречаются и гидронимы с формантом *уга*, которому предшествует нешипящий согласный (чаще *д*). К югу от Сухоны ареал гидронимов на *уга* с предшествующим шипящим продолжают названия на *уг* с аффрикатой *ч* в препозиции.

Перейдем теперь к характеристике основных фонетических особенностей гидронимов на *Vga*, их географии и соотношения со структурно-фонетическими подтипами.

В абсолютном начале названий наиболее важны данные о спирантах *х*, *с*, *ш* и аффрикатах *ч* и *ц*.

1. Глухой заднеязычный спирант *х* (< приб.-фин. **h*) в гидронимах на *Vga* редок. До сих пор выявлено 13 названий на

Уга с *х* в анлауте, которые в большинстве случаев относятся к западной части РС и достаточно надежно объясняются из прибалтийско-финских языков (см. 3.3., 4.2.).

2. Показательно скопление названий с анлаутом *с* в бассейне Ваги с продолжением ареала на правом берегу Сев. Двины в бассейне Уфтюги. Некоторые из них имеют типичный прибалтийско-финский облик (*Сюксюга*, *Сюрега*). В этом ареале сосредоточены и многочисленные наименования с основами *сен* и *син* (*Сенюга*, *Синюга*), для которых находятся соответствия в прибалтийско-финских и мордовских языках. Гидронимы с начальным *ш* окаймляют зону *с* на северо-востоке (правобережье Сев. Двины и верховья Пинеги) и юго-западе (между Вагой, оз. Воже и Сухоней). Параллелей немного: *Суژهга* – *Шуژهга* (на левом берегу Сев. Двины в относительной близости друг от друга), *Сюнега* – *Шунегга* и (не без сомнения) *Семчуга* – *Шенчуга*.

Небольшое гнездо гидронимов со звуком *с* в анлауте выявлено и в нижнем течении Пинеги (*Сартлюга*, *Серюга*, *Сюрега*). С севера к нему примыкают несколько названий с начальным *ш* (*Шилега*, *Шублега* и уже близ Двинского устья *Шидьега*). Эти последние, видимо, должны рассматриваться как саамские. Еще севернее, преимущественно в бассейне Мезени, зафиксирован ряд гидронимов с начальными *ц* и *ч* (4 реки *Цебьюга*, *Целега*; *Чёжуга*, *Чуга* и близ Двинского устья *Чунюга*). У всех этих названий, очевидно, саамский источник.

В бассейне Онеги названия с глухими спирантами *с*, *ш* и аффрикатами в анлауте встречаются очень редко. Их вообще нет между Сев. Двиной и Онегой, а также между Сев. Двиной и средним течением Пинеги.

3. По-другому представлены глухие спиранты *с*, *ш* и аффрикаты в интервокальном положении и в интервокальных кон-

сонансах. Аффриката *ц* в этом положении вообще не засвидетельствована. Глухой сибилант *с* встречается редко (*Илисига*, *Кысига*, *Кулосега*, *Писюга*, в консонансах – *Ламсуга*, *Сюксюга*), причем в *Илисига* и *Кулосега* *с* является суффиксальным. Из этих названий *Илисига* и *Кысига* смежны. Таким образом, фактов мало, и, по существу, речь может идти лишь о *ш*, *ч* и соответствующих консонансах.

Интервокальный спирант *ш* в гидронимах на *Vga* встречается редко и почти исключительно в северной части РС (севернее условной линии оз. Лача – верховье Пинеги). Несколько плотнее его ареал на северо-востоке (*Ашуга*, *Вышега*, *Ошега*, *Ошуга*, пять гидронимов *Пышега*). В южной части РС есть только *Чуйшуга* и несколько названий с консонансами (*Ёришуга*, *Чившуга*, *Шавшуга*).

Напротив, в южной части РС хорошо представлены консонансы с аффрикатой *ч* в постпозиции типа *Ильчуга*, *Семчуга*, *Камчуга*, *Кирчуга* и гидронимы с интервокальным *ч*. В северной части РС названия с интервокальным *ч* фиксируются, но не часто, а консонансы с *ч* вообще не засвидетельствованы. Ареальная корреляция важских гидронимов, содержащих аффрикату *ч*, с наименованиями, имеющими *с* в анлауте, позволяет думать о их родстве и севернофинском происхождении. Надо, однако, иметь в виду, что интервокальное *ч* и сочетания со звуком *ч* в постпозиции характерны также для северо-восточной части ареала *Vg* в басс. р. Юг, где они коррелируют с ареалом начального *ш*.

Еще одна яркая особенность распределения *ш* и *ч* в инлауте – их полное отсутствие в «среднепинежской лакуне».

Спирант *ж* в интервокальном положении изредка встречается во всем ареале *Vga*, возрастая количественно в северной половине РС (где представлено и *ш*), ср. *Ёжуга* (4 названия),

**Ижога, Шужега* и др. Консонансы с *жс* единичны (в северной части – *Кинжуга*, в южной – *Вонжуга, Пяржуга*, на юго-западе – *Сяржега*). Звонкий сибиллянт *з* также редок и в основном характерен для северной части РС (*Изюга, Кузуга* – 3 названия, *Хозьюга*), где встречается и в консонансах (*Кумзюга, Урзуга, Хавзюга*). Как *жс*, так и *з* отсутствуют в зоне «среднепинежской лакуны» и неактивны в бассейне Ваги, где хорошо представлено *ч*.

4. Наблюдения над другими консонансами можно суммировать следующим образом.

Сочетания с *н* (реже с *м*) в препозиции, чаще всего *нд* (*ньд*), зафиксированные в ареале *V₂*, характерны и для *V_{2a}*. Они достаточно хорошо представлены в южной половине РС, причем наряду с наиболее частотным *нд* (*Андога, Пундуга* и др.) здесь засвидетельствованы и консонансы типа *мч, нч, нж* (*Емчуга, Шенчуга, Вонжуга*). Реже консонансы с носовыми встречаются на крайнем севере региона (только *Кинжуга, Кумзюга, Лындога, *Лындыга, Мундюга*). Несколько названий с группой *н(ь)д* образуют подобие гнезда в басс. Сев. Двины близ устьев Емцы и Ваги. Полностью отсутствуют гидронимы такого рода в басс. Онеги, что, видимо, обусловлено небольшим количеством гидронимов на *V_{2a}* в этом регионе, а также в басс. Пинеги выше устья Ёжуги, т.е. в ее среднем и верхнем течении, что выглядит весьма интригующе, поскольку наводит на мысль о возможной деназализации. В связи с этим напрашивается предположение, что пинежские и мезенские названия с основами *ёжс, ошс, рочс, чёжс* и т.п. могут быть пермскими по происхождению, однако другие пермские типы здесь пока не выявлены, а гидроним *Мундюга* (> Пеза > Мезень, Леш) опровергает предположение о деназализации, во всяком случае в северной части этого микрорегиона, т.е. в При-мезенье.

Группа *хт* (> *фт*) фиксируется только в юго-восточной части региона и представлена прежде всего названиями *Бохтюга* (*Вохтюга*), *Вохтога*, *Ухтюга* (> *Уфтюга*). Это позволяет связывать названия такого рода с зоной севернофинской топонимии. Гидронимы с консонансом *ст* (*Кастюга*, *Костюга*, *Кустюга*, *Мустюга*) редки. Они окаймляют ареал *хт* с северной стороны по всему периметру, но трудно сказать, случайность это или нет.

Сочетания сонант + зубной смычный типа *рд*, *рт*, *льд*, *нд* намного частотнее консонансов типа *тл*, *тр* (только *Котлюга*, *Педруга*, *Удруга*, а также *Сартлюга*), причем основа *котл* в *Котлюга* верифицируется такими названиями, как *Котлас*, *Котлакса*, тогда как *Сартлюга*, по-видимому, является результатом русской адаптации (< **Сартјуга*). Однако близ Онежского озера есть гидронимы *Лодрега*, *Шидрога* и *Ноздрига* с группой из трех согласных (ср. *Мандрога* в басс. р Свирь).

5. В области вокализма сколько-нибудь значимых наблюдений немного. Обращают на себя внимание фонетически близкие к гидронимам на *V₂* названия с гласным *е* (~ *и* в *V₂*), ср. *Мечуга* ~ *Мичуг*, *Пелега*, *Пелюга* ~ *Пилюг*, *Пинега* (из более древнего *Пенег*, *Пънега*) ~ *Пинюг*, а также с *и* (~ *е* в *V₂*), ср. *Шилега* ~ *Шелюг*, *Шичуга* ~ *Шечуг*. Кроме того, стоит указать на группу гидронимов со звуком *ы* в верховье Пинеги, ср. *Вырога* (2), *Вышега*, *Пышега* (2). Южнее к этим названиям присоединяются *Кырнога*, *Нырыльдюга* и **Нылога*. Еще одно наблюдение относится к рефлексам дифтонгов, которые выявляются в пределах всего ареала *V₂*. Уверенно можно говорить о дифтонгах типа **aj*, **oj*, **ij*, ср. *Ваймога*, *Ваймуга*, *Войдуга*, *Воймуга*, *Нойдуга*, *Пуйдуга*, *Соймога*, *Таймуга*, *Хайнога*. Эти названия интерпретируются в большинстве случаев как прибалтийско-финские, но частью и как саамские. В то же время в сочетаниях *ав*, *ев*, *ов* можно видеть отражение

дифтонгов типа **аи*, **еи*, **ои*, ср. *Авдюга*, *Авнега*, *Авнюга*, *Лавнега*, *Равнюга*, *Хавзюга*; *Левтюга*; *Вовнюга*, *Совнюга*. Гидронимы такого рода могут рассматриваться частью как прибалтийско-финские, частью как саамские.

Обобщение полученных результатов позволяет прежде всего подтвердить наличие характерной лакуны в микрорегионе средней Пинеги. Здесь не зафиксированы названия с интервокальными *ш* и *ч*, а также сочетания согласных со звуками *ш* и *ч* в постпозиции, отсутствуют наименования с консонансами, имеющими носовой в препозиции и с группой согласных *хт* (> *фт*), нет гидронимов, содержащих рефлексы дифтонгов с **і*. Примечательно, что в бассейне Ваги (включая такие ее притоки, как Устья с Кокшеньгой и Кулой) гидронимия, напротив, содержит все те рефлексы древних языков (или языка), которые не фиксируются на Пинеге, кроме интервокального *ш* и консонансов с *ш* в постпозиции. По этой черте Поважье и средняя Пинега, таким образом, сближаются, по остальным различаются.

По результатам этимологического анализа наиболее близкими к языку или языкам топонимии на *Іга* должны считаться саамские и прибалтийско-финские наречия, при этом гидронимы, этимологизируемые из саамских источников, полностью преобладают в структурно-фонетическом подтипе *уга* (после шипящего согласного) и высоко частотны в подтипе *ега*, когда перед формантом находится шипящий звук (в том числе *Пышега* – 5).

Гидронимы, этимологизируемые из саамских источников, чаще фиксируются на северо-востоке РС в правобережном Подвинье (*Кулосега*, *Нёрмуга*, *Олмуга*, *Пышега*, *Цебьюга*, *Шидьега*, *Шублега* и т.п.). При этом четко выделяются три зоны: северная между низовьем Сев. Двины и верховьями Мезени, центральная («среднепинежская лакуна») и южная в верхнем течении Пинеги.

Северная и южная зоны имеют общее, ср. в северной – *Олмуга*, *Пышега*, *Шилега*, в южной – *Олмога*, *Пышега*, *Шилега*. Однако южная зона по территории в несколько раз меньше. В центральной зоне названия на *Vga* саамского типа встречаются (ср. *Кулосега*, *Лавнега*, *Шублега*), но значительно реже. Здесь обычны гидронимы прибалтийско-финского типа (*Киперлюга*, *Пурдюга*, *Сюрега* и т.п.) и многочисленная прибалтийско-финская микро-топонимия (см. СТРС II, 194–209). В то же время для этой территории характерны наименования других топонимических типов с дифференцирующими саамскими основами *нюхч*, *пыш*, *торос*, *чехч*, *чухч*, *шид*, *шуб*, *явр*.

По-видимому, в топонимии бассейна средней Пинеги отражена двухслойность местных географических названий с субстратным (прибалтийско-финским) и субсубстратным (саамским) пластами. Возможно, что именно с этим связана регулярная передача «речного» детерминанта в «среднепинежской лакуне» как *юга* (> *ega*), хотя нельзя исключить, что оппозиция *юга* ~ *уга* на северо-востоке РС была вызвана какими-то другими причинами. Можно предположить также, что отсутствие *ш* и *ч* в инлауте гидронимов «среднепинежской лакуны» является следствием прибалтийско-финской адаптации.

Есть еще одно обстоятельство, делающее центральную зону особенно интересной с точки зрения исторической фонетики – отсутствие консонансов с носовыми в препозиции. Если это не игра случая, то приходится думать о деназализации, которая могла произойти в саамской языковой среде, поскольку аналогичный процесс охватил большинство саамских диалектов Фенноскандии. Трудно сказать, связано ли это с какими-то общими тенденциями, характерными для саамского языка, или должно рассматриваться как местная инновация. В любом случае надо иметь в

виду, что деназализации могли способствовать и соседние пермские языки.

На северо-западе РС гидронимы на *Vga* с саамскими основами встречаются редко (*Кинжуга, Кярега, Нерюга*).

Иная ситуация в басс. Ваги и на смежных с ним территориях южной части РС. Здесь гидронимы на *Vga*, объясняемые из саамских данных, довольно частотны, ср. *Авдюга, Вонжуга, Вортюга, Ендюга, *Лондуга, Нюнега, Порнога, Роврога, Целюга, Шавиуга* и др. Но пока трудно решить вопрос, действительно ли это собственно саамские названия или севернофинские топонимы, объясняемые на саамской почве. Следовательно, проблема в том, принадлежат ли местные наименования на *Vga* и *Vn(b)ga* одному или разным языкам. Окончательное решение этой проблемы впереди, но прямые соответствия типа *Нюнега* ~ *Нюненьга* редки.

В целом гидронимия саамского типа на *Vga* обнаруживает много общего с прасаамским состоянием, что объясняется ее глубиной древностью. В области согласных изменения охватывают прежде всего аффрикаты, свистящие и шипящие (см. об этом СТРС II, 210–251). Кроме того, регулярен переход $*\delta' > *t$ и $*k > x$ ($*h$) в консонансах (СТРС II, 222–223). В системе вокализма наиболее важны рефлексy $*\bar{o}$, $*\bar{e}$. В большинстве случаев звуку $*\bar{o}$ соответствует рус. $*o$, а $*\bar{e}$ – как o , так и y . Если звук $*\bar{e} \sim$ рус. y , то в препозиции $*k$ (*Кузегга*), $*n$ (*Нюнега*), $*p$ (*Пуйдуга*), т.е. этот переход, который мог произойти как в языке-источнике, так и в русском языке, связан с явлениями лабиализации и сужения гласных, обусловленных позицией. См. об этом также СТРС II, 223–224.

Особым случаем является *Квахтюга* (см. 4.2.). В этом гидрониме на диалектной почве развился дифтонг ($*k\bar{o}k\bar{e} >$

**kuaht*, ср. саам. Колтта *kueht*), что и привело к возникновению консонанса в анлауте.

Названия на *Vga*, объясняемые из прибалтийско-финских языков (см. 4.2), фиксируются в пределах всего ареала. На северо-западе они преобладают над саамскими, на северо-востоке постепенно выклиниваются. По существу и в этом случае возникает тот же сакраментальный вопрос, является ли данное конкретное название прибалтийско-финским или оно объясняется из прибалтийско-финских языков, но к ним не относится. Надежнее всего прибалтийско-финские названия как таковые опознаются на северо-западе.

Особенно трудно этимологизируются гидронимы на *Vga*, засвидетельствованные на юге РС в бассейнах Сухоны и верхней Ваги, т.е. в севернофинской зоне. Названия, которые удастся объяснить, приблизительно поровну распределяются по прибалтийско-финским и саамским источникам, но до 50% наименований этих мест не интерпретированы.

Показательна группа названий, которую составляют гидронимы с варьрующей основой *бохт*, *вохт*, *ухт* (> *уфт*). Их ареал (11 названий) охватывает басс. Сухоны, Верхнюю Вагу, верхнее течение Сев. Двины и верхнюю Пинегу (карта 7). Это довольно широкая полоса, идущая от Кубенского озера по обеим сторонам Сухоны и притокам верхней Ваги и верхней Пинеги. Можно полагать, что названия такого рода связаны с юго-востоком РС и, следовательно, с зоной севернофинской топонимии, в частности, гидронимии на *важ*. На это указывает и общность основ, ср. *Ухтюга* ~ *Уфтюга* и *Ухваж* (многократно), *Ухтаж* < **Ухтваж*. Не исключено, что данное обстоятельство позволит противопоставить ареально более западную основу *бохт*, *вохт* относительно более восточной *ухт*. Вместе с тем следует

подчеркнуть, что в ареале *Vz* нет ни основы *ухт*, ни консонанса *хт*, хотя южнее на территории ИМЗ засвидетельствованы *Ухто-ма*, *Ухтохма*, *Ухтыш*, *Ухтынгирь*.

С Восточным Подвиньем и севернофинской зоной связаны «марийские» параллели. Их довольно много, но пока трудно сказать, имеем ли мы дело с собственно марийским компонентом или это субстратные лексемы, имеющие дифференцирующие соответствия в марийском языке. Сказанное относится и к названиям, этимологизируемым из коми языка, которые выявляются на северо-востоке РС. К тому же, в большинстве случаев они имеют альтернативные саамские и прибалтийско-финские этимологии.

Подводя итоги, приходится сделать вывод, что названия на *Vza* восходят к разным источникам. Некоторые из них определенно являются прибалтийско-финскими и рассеяны чуть ли не по всему РС (кроме юго-запада). Отнести эти прибалтийско-финские названия к каким-либо конкретным языкам по крайней мере в настоящее время затруднительно. Вероятно, это можно будет осуществить в ходе комплексных микрорегиональных исследований, когда будут учтены все факты, включая данные письменных источников, и названия на *Vza* будут рассматриваться на фоне других прибалтийско-финских названий. Некоторые явления как будто указывают на архаичность прибалтийско-финских гидронимов на *Vza* (*Хайнога*).

С уверенностью можно говорить и о наличии саамского компонента в гидронимии на *Vza*. На это указывают не только названия с типично саамскими основами (имеются в виду как фонетические, так и лексические саамизмы), но и данные лингвистической географии. Если такие названия, как *Квахтюга*, *Шидьега*, *Шублега* и т.п. находятся в пределах саамской зоны, выявленной на основании и других фактов (основ *нюхч*, *чухч*, *чач*,

шид, *шуб* и т.п.), есть все основания считать их саамскими (см. СТРС I, карта 6). Но возникает ряд вопросов.

Во-первых, в гидронимии на *Vga* отсутствуют типичные саамские основы с консонантной группой *хч* (*нюхч*, *чехч*, *чухч*), что, однако, можно объяснить эвфоническими причинами. Исходное **ñuxčiga* или **ñuxčega* (из **ñuxč-joga* или **ñuxč-juga*) из-за наличия двух заднеязычных в слове (тем более что **χč < *kc*) должно было трансформироваться либо путем утраты форманта (и действительно на РС засвидетельствовано несколько гидронимов *Нюхча*), либо изменения по хорошо известной в русском языке фонетической модели *г > в*, когда следует ожидать эволюцию **Нюхчега > *Нюхчева*, которая и отражена в гидрониме *Нюхчева > Сура > Пинега* в зоне распространения названий с *Vga* на Пинеге.

Во-вторых, названия на *Vga* очень слабо представлены в Белозерском крае, но в этих местах основным топонимическим обозначением реки стал детерминант *-бой*, родственный фин. *oja* и соответствующим саамским данным (см. СТРС I, 256–261, карта 3).

Наконец, в-третьих, саамские параллели свидетельствуют о том, что в субстратной топонимии РС отражены какие-то саамские наречия, в некоторых отношениях близкие к восточным саамским диалектам. На это указывают консонансы с носовыми, сохранившиеся в кильдинском и терском диалектах, унаследовавших эти консонансы из прасаамского, и такие гидронимы, как *Квахтюга* (прасаам. **kōktē* «два», Инари *kyehtī*, Колтта *kuiehtt*, Кильдин *kūxt*), *Кулосега* (прасаам. **kōlē* «рыба», Инари *kyeli*, Колтта *kuell*, Кильдин *kūll*), *Нюнега* (прасаам. **ñōnē* «нос», Инари *ñjune*, Колтта *ñjuinn*, Кильдин *ñinn*), а также *Нюхча*, *Чухча* при прасаам. **ñukčē*, **čukčē* и Кильдин *ñixč*, *čixč*.

Саамским или близким к ним названиям на *Vga* явно противостоят наименования этого же типа на юго-востоке РС с характерными консонансами, имеющими в своем составе шипящие. Эти названия вписываются в зону «озерных» наименований с основой *яхр*, *ягр* и должны рассматриваться как севернофинские. Замечательно, что для них характерна и загадочная основа *бохт*, *вохт*, *ухт*. Гидронимы «севернофинского» типа частично объясняются на саамской почве, но с трудностями, и не могут трактоваться как саамские. Интересна проблема «среднепинежской» лакуны названий на *-ога*, *уга*, но она требует дальнейшего осмысления и, видимо, учета результатов анализа гидронимов на *ой*, *уй*, *оя*, *уя*.

Перспективны также следующие два вопроса: 1) о «включенности» некоторых типичных прибалтийско-финских элементов в саамский лексикон РС и саамских в прибалтийско-финский; 2) о заимствованиях из скандинавских и германских языков в гидронимии на *Vga*.

5.1.3. Гидронимия с формантом *Vn(ь)га*

Уже сопоставление основ гидронимов на *Vn(ь)га* свидетельствует о том, что они восходят к разным языкам. На это прямо указывает, например, различная фонетическая реализация финской основы со значением «озеро», ср. *Яхреньга* (< **Ягреньга*)¹ в центре ареала, *Явроньга* в басс. Пинеги и *Яреньга* на Онежском полуострове. В первом случае зафиксирована ранее неизвестная форма, характерная для одного из севернофинских

¹ М. Фасмер сопоставляет гидроним *Мехренга* (обычно *Мехреньга* – А.М.) с карел. *mägrä* «барсук», но указывает, что это объяснение встречает различные трудности, в частности, в русском названии следовало бы ожидать *г* [Vasmer 1934: 424–425]. Однако для аналогичного названия *Яхреньга* в памятнике XVII в. засвидетельствована более древняя форма *Ягреньга* (см. *Яхреньга*), поэтому мы вправе и для *Мехреньга* предположить исходное **Мегреньга* (**Мегренга*).

языков, во втором и третьем соответственно формы саамского и прибалтийско-финского типа. Действительно, на северо-западе РС, где преобладают прибалтийско-финские гидронимы на *Vga*, чаще фиксируются названия на *Vn(b)ga* с прибалтийско-финскими основами, ср. *Люленьга*, *Маленьга*, *Нименьга*, *Оченга*, *Чуронга*, *Яреньга*. На северо-востоке, где распространены наименования на *Vga* саамского типа, выявляются гидронимы на *Vn(b)ga* с дифференцирующими саамскими основами, ср. *Вырмоньга*, *Нельменьга*, *Суксонга*, *Явроньга*. А в центральной зоне, где ареал *Vn(b)ga* наиболее плотен, многочисленны наименования, которые имеют параллели либо в прибалтийско-финских, либо в саамских источниках, ср. *Еденьга*, *Корбанга*, *Леденьга*, *Либеньга*, *Лухтонга*, *Мехреньга*, *Нореньга*, *Норменьга*, *Петеньга*, *Рабаньга*, *Розменьга*, *Сулонга* и *Авженьга*, *Ваманга*, *Вовданга*, *Волонга*, *Воченга*, *Ковтанга*, *Поченга*, *Солонга*, *Шоиньга*, *Юрманга*. Активны здесь, однако, и гидронимы с соответствиями в марийском языке, ср. *Вондонга*, *Козланга*, *Кокшеньга*, *Коленьга*, *Луденьга* (*Лудонга*, *Лыдонга*), *Пученьга*, *Шарденьга*, *Шиленьга*, *Шобанга*, *Шукшеньга*, *Юменьга*.

Обширность ареала *Vn(b)ga*, многочисленность и пестрота фактов далеко не всегда позволяют прийти к сколько-нибудь определенным выводам, основываясь только на результатах анализа данного гидронимического типа. Это касается как гидронимов на *Vn(b)ga*, фиксируемых на северо-западе региона, имеющих ареальное продолжение на Кольском полуострове и в Карелии, так и выявленных на северо-востоке. Поэтому вывод о том, что на северо-западе РС в гидронимии на *Vn(b)ga* господствуют прибалтийско-финские названия, а на северо-востоке – саамские, весьма относителен: пинежское *Калманьга* находит объяснение в прибалтийско-финских источниках, (правда, и в мордовских тоже), а

пинежское *Хоеньга* соответствует им фонетически. Интерпретация подобных случаев будет зависеть от прогресса в микрорегиональных исследованиях.

Специфична картина, наблюдаемая в зоне наибольшей плотности форманта *Вн(ь)га* в центре ареала, который можно назвать «важским треугольником». Вага, протекая строго с юга на север, делит его пополам. На карте 4 воспроизведены гидронимы с наиболее частотными для названий на *Вн(ь)га* основами: *печ* (13 гидронимов), *юрм* (12), *яхр* (10), *сельм* (8), *мехр* (6), *нор* (6) и *корм* (5). Выделенная в результате языковая зона, включающая в себя «важский треугольник» и совпадающая с ареалом *ягр*, *яхр* (см. СТРС I, карта 6) может рассматриваться как основная территория севернофинского языка, условно именуемого «важанским» или «важско-финским».

Для этого языка, как уже отмечалось, характерны соответствия как в прибалтийско-финском и саамском, так и в волжско-финском словаре, прежде всего в марийском. Судя по всему, названия на *Вн(ь)га* в басс. р. Юг и на смежных территориях являются юго-восточным продолжением важско-финского ареала, ср. прибалтийско-финские (*Ляменьга*, *Майменга*), саамские (*Ню-неньга*, *Нюренга*), марийские (*Кукиньга*, *Шарденьга*) параллели. Ряд основ в пределах «важского треугольника», несмотря на имеющиеся соответствия в других финских языках, свидетельствует о специфичности этого языкового образования (ср. *бохт*, *вохт*, *ухт*) и его архаичности (ср. *яхр*). Названия типа *Сельменьга* указывают на сохранение древнего *š. Здесь не встречаются гидронимы с начальным х, что позволяет отвергнуть прибалтийско-финское происхождение этих названий. Среди консонансов в отличие от наименований на *Вз(а)* полностью преобладают сочетания различных согласных с шипящими и (несколько реже) со

свистящими спирантами, а также сочетания с сонорным *м* в постпозиции.

Гидронимы с этими фонетическими структурами особенно трудно этимологизируются из финно-угорских языков. Не исключено, что в основах такого рода могут скрываться древние субстратные образования с «формантами» *ма* и *ша*. Кроме того, в этой же зоне и в басс. р. Юг неоднократно отмечены гидронимы на *шеньга*, *шонга*, которые заманчиво сравнить с названием рек *Шеньга*, несколько раз зафиксированным в ареале *Vн(ь)га* (ср. еще гидронимы на *женьга*, *сеньга*, *зеньга*, *ченьга*), и эта версия также должна рассматриваться, хотя такие параллели, как *По-кшеньга* – *Покиша*, *Сямженьга* – *Сямжа* не свидетельствуют в ее пользу, а гидроним **Меньга* вообще не зарегистрирован.

Многочисленные параллельные гидронимы на *Vн(ь)га* и *Vга* с такими частотными основами как *бохт* (*вохт*, *ухт*), *вайм*, *варз*, *войм*, *ел*, *луд*, *лунд*, *нюн*, *ош*, *пуч*, *урд*, *шил* и др. наводят на мысль, что в пределах «важского треугольника» эти гидронимы связаны близким родством. В то же время надо учитывать и возможность освоения более древних основ языком (языками) гидронимии на *Vга*. Из топонимически важных основ на *Vга* в наименованиях на *Vн(ь)га* отсутствуют *ёж*, *лонд*, *лупт*, *муд*, *олм*, *пыш*, *роч*, *син*, *чеб*, *шуб* и некоторые другие. По большей части это основы гидронимов, зафиксированных на севере региона и имеющих соответствия в саамском языке. Из гидронимов на *Vн(ь)га* не имеют параллелей в названиях на *Vга* такие частотные, как *печ*, *юрм*, *яхр*, *сельм*, *мехр*, *нор*, *корм*. Небезынтересны и некоторые лексико-семантические оппозиции между гидронимами на *Vн(ь)га* и *Vга*, ср. *вовд* ~ *меч* «лес», *кол* ~ *кул(ос)* «рыба», *печ* ~ *менд* (< **мянд*) «сосна», *пой* ~ *шуб* «осина», *шим* ~ *муст* «черный». Особенно показательны данные фитогидронимии, в част-

ности, отсутствие основы *печ* «сосна» в названиях на *Vga* и *шуб* «осина» в наименованиях на *Vn(b)ga*. Все это позволяет думать о том, что гидронимы на *Vga* и *Vn(b)ga* восходят к разным источникам, но, во-первых, близкородственным, а во-вторых, находившимся в тесном взаимодействии сперва диахронически с последующим адстратным периодом, а затем уже в русской языковой среде.

Показательно также, что в языке гидронимии на *Vn(b)ga* обнаруживаются те же фонетические рефлексy при сравнении с саамскими данными, что и в гидронимии на *Vga*, т.е. *õ* и *ō* передаются как рус. *о* в *Вовданга*, *Волонга*, *Ковтанга*, *Коленьга*, *То-манга*; *Поченга* и как *у* в *Кузеньга*, *Нюненьга*, *Нюренга*, *Пуронга*, *Суксонга*; *Угзеньга*. Особый случай представляет *Ваманга*, где **õ* соответствовал дифтонг типа **ue*, **ua* с последующим **v* (*w*) в анлауте (см. 4.2.).

Иногда названия на *Vn(b)ga* опосредовано влияют на возможности идентификации гидронимов на *Vga*. Так, их почти нет в басс. Мезени и относительно немного в басс. Пинеги, но зато здесь ряд названий на *Vga* может быть интерпретирован на пермской почве (гидронимы с основами *ёж*, *ош*, *роч*, *чёж* и некоторые другие). Наименования на *Vn(b)ga* никоим образом не могут считаться пермскими. Следовательно, мезенские и пинежские гидронимы на *Vga* должны быть тщательно исследованы с точки зрения возможности их пермского происхождения, что вполне вероятно на уровне адстрата.

Подводя итоги, следует подчеркнуть крайнее разнообразие важско-финского лексемного инвентаря, в котором сосуществуют наименования, имеющие только прибалтийско-финские соответствия (*Тавеньга*), с названиями, у которых могут быть саамские (*Вовданга*), прибалтийско-финско-саамские (*Терменьга*),

марийские (*Луденьга*), прибалтийско-финско-саамско-марийские (*Тюктеньга*), саамско-марийские (*Пеленьга*), прибалтийско-финско-марийско-мордовские (*Юменьга*), прибалтийско-финско-саамско-мордовские (*Печеньга*), марийско-мордовские (*Шарденьга*) и другие соответствия. Все это указывает на большую специфичность важско-финской языковой общности, на ее связи как с прибалтийско-финскими и саамскими наречиями, так и с волжско-финскими языками и, в частности, с мерянской языковой общностью, что было показано в [Матвеев 1996]. Близость севернофинского и мерянского языкового материала оправдана лингвогеографически. Однако в комплексе севернофинских языков (а их идентификация еще только начинается) одни ближе по своим характеристикам к прибалтийско-финским и саамским (гидронимия с формантами *V₂* и *V_{2a}*), а другие сближаются также с волжско-финскими языками (названия на *V_{n(b)}ga*). Генетическая сложность лексического инвентаря названий на *V_{n(b)}ga* в некоторой степени сближает важско-финский язык с прафинским языковым состоянием и отдаляет его как от других севернофинских языков (на *V₂*, *V_{2a}*), так и от прибалтийско-финских и саамских наречий.

Между ареалами гидронимов с формантами *V₂* и *V_{2a}* прослеживается четкая граница, и это в совокупности с дифференцирующими языковыми фактами позволяет нам различать соответствующие языковые общности. Гидронимы с формантом *V_{n(b)}ga* в севернофинской зоне, по-видимому, предшествовали названиям на *V_{2(a)}*.

5.2. Севернофинские языки и саамская проблема

Pluralitas non est potenda
sine necessitate.

Знаменитые финно-угроведы XIX в. А.И. Шёгрэн и М.А. Кастрен не сомневались в том, что некогда на РС звучала прибалтийско-финская и саамская речь. Со временем предположение о прибалтийско-финском субстрате в топонимии РС нашло многочисленные подтверждения и стало общепризнанным. Вопрос о саамском компоненте СТРС оказался намного сложнее. И гидронимия с формантами *Vga* и *Vn(b)ga* имеет к нему самое непосредственное отношение.

В опубликованных недавно статьях Я. Саарикиви [Saarikivi 2004; 2006] высказан ряд интересных соображений о СТРС. С проблематикой нашей работы связана прежде всего интерпретация Саарикиви тех названий РС, которые имеют прямые соответствия в современных саамских диалектах. Саарикиви полагает, что факты СТРС, интерпретируемые как саамские, могут толковаться как прибалтийско-финско-саамские или же, если они не объясняются при обращении к прибалтийско-финским языкам, как особые случаи, которые также не могут считаться собственно саамскими. В конечном счете Саарикиви приходит к выводу, что названия, которые рассматриваются в качестве саамских, фактически принадлежат не саамам, а неким парасаамам, промежуточной прибалтийско-финско-саамской лингвоэтнической общности.

Предположение о существовании на РС различного рода промежуточных языков высказано давно, обсуждался и вопрос о прибалтийско-финско-саамских и прибалтийско-финско-саамско-волжско-финских языковых состояниях. Именно такими промежуточными языками, истинное лингвоэтническое положение которых с течением времени, может быть, удастся установить дос-

точно точно, являются севернофинские языки типа южанского и важско-финского. В разделе 5.1. мы попытались в меру возможностей топонимии охарактеризовать фонетические особенности этих языков, их лексический состав, а также распространение.

Предположение о том, что выявляемая на РС саамская топонимия – не саамская, а прибалтийско-финско-саамская, нуждается в серьезном обосновании. Такой язык (или языки) не может быть просто механической смесью прибалтийско-финского и саамского компонентов. Он должен обладать не противоречащими друг другу характеристиками, которые свойственны как языкам прибалтийских финнов, так и саамов. Могло быть и другое. При взаимодействии языков мог возникнуть язык с очень высоким уровнем скрещенности. Но это требует доказательств. Ведь столь же вероятно, что «прибалтийско-финско-саамский» язык, извлекаемый из саамских топонимов РС, является фантомом, создание которого спровоцировано смешанным, гибридным характером субстратной топонимии РС, обусловленным интенсивным взаимодействием саамских и более поздних – прибалтийско-финских – географических названий.

В исследованиях Я. Саарикиви нет хотя бы краткой характеристики параметров искомого «прибалтийско-финско-саамского» языка. Пафос его работ – в отрицании «саамства» саамских названий РС. Выводы Саарикиви обусловлены рядом методических просчетов. Во-первых, это постулат, что собственно саамский язык должен обязательно иметь протосаамский субстрат, хотя ясно, что освоение протосаамского субстрата произошло сравнительно недавно, когда саамы уже отделились от

прибалтийских финнов¹. Поэтому в языке древних саамов РС в отличие от саамов Фенноскандии мог отсутствовать протосаамский компонент, но была своя специфическая лексика, имеющая соответствия в прибалтийско-финских и других финно-угорских (и шире – уральских) языках. Во-вторых, это недооценка данных лингвистической географии, которые четко воспроизводят территорию распространения предполагаемых саамских топонимов и их противопоставленность севернофинским наименованиям. В-третьих, это выборочный анализ только тех саамизмов, которые позволяют в какой-либо мере усомниться в их саамском происхождении. В-четвертых, это сведение собственно саамских лексем к прибалтийско-финским, когда внимание обращается не на их специфику, а возможности сближения и даже отождествления с прибалтийско-финскими данными. Наконец, в-пятых, это такие этимологические операции с собственно саамскими лексемами, которые возводят их к разным древним субстратам, что будто бы позволяет противопоставить одни и те же факты, свойственные языкам саамов РС и Фенноскандии.

Если прибалтийско-финские племена формировались в I тыс. до н.э. [ОФУЯ 1975: 8], то существование прафинно-саамского языка надо относить к еще более отдаленному времени. Русские осваивали северные территории с конца I тыс. н.э. Поэтому невозможно предполагать, что на РС отражена топонимия прафинно-саамского языка. Можно думать только о промежуточных прибалтийско-финско-саамских языках, но сначала необходимо исключить возможность собственно саамского происхождения названий северной полосы РС, допуская, что здесь саамское население не испытывало вообще (или почти не испы-

¹ Если существовала прибалтийско-финско-саамская языковая общность, что тоже проблематично.

тивало) воздействия протосаамского субстрата и что на столь значительной территории саамский язык мог существовать лишь в диалектной форме, иными словами, что в древности на РС обитала крайне восточная ветвь собственно саамов, отколовшаяся в далеком прошлом от фенноскандинавских сородичей.

Я. Саарикиви исключает эту возможность, проходя мимо фактов, которые являются для саамского языка дифференцирующими и против «саамства» которых трудно привести какие-либо аргументы, ср. основы *корос* (СТРС II, 84) ~ прасаам. **kōrōs* «пустой» [YS: 62–63], *нельм* (СТРС II, 92) ~ прасаам. **ñālmē* «рот; устье» [YS: 86–87]¹, *олм* (4.2.) ~ прасаам. **olmō* «человек» [YS: 90–91], *толбас* (СТРС II, 96–97) ~ прасаам. **tōlpe* «ровный» [YS: 138–139], *чач* (СТРС II, 98–99) ~ прасаам. **čācē* «вода» [YS: 20–21]², *чаврас* (СТРС II, 98) ~ прасаам. **čēvrēs* «выдра» [YS: 22–23] и др. Поскольку все эти лексемы есть в саамских диалектах Фенноскандии и не имеют соответствий в прибалтийско-финских языках, они, будучи точными фонетическими коррелятами собственно саамских слов, могут рассматриваться как саамизмы и на РС.

Таким образом, в работах Я. Саарикиви часть дифференцирующих саамских названий не учитывается. Тем самым нару-

¹ Саарикиви считает это соответствие очень вероятным [Saarikivi 2004: 215], не делая никаких выводов. Заметим, что в данном случае саамское слово дифференцирует прежде всего от прибалтийско-финских языков, являясь древним уральским наследием, ср. венг. *nyelv*, мар. *jəlme*, *ñəlme*, манс. *ñeelm*, хант. *ñāləm* в тех же значениях [Collinder 1977: 61]. См. также [UEW: 313–314].

² Дифференцирует от всех финских языков, но сравнивается с хант. *seč* «паводок поздним летом или осенью» и нен. *sada* «водяное болото» [Collinder 1977: 29]. В [UEW: 469] ненецкое соответствие отклоняется, а финно-угорская праформа **šäčä* не считается надежной.

шается принцип полного анализа имеющихся фактов, который подменяется выборочным.

Хорошо известно, что учет фонетических закономерностей – один из важнейших объективных приемов лингвистических исследований, особенно в топонимии, ограниченной по своим возможностям. Одна из таких закономерностей выявляется при сравнении основ *нюхч* «лебедь» (СТРС II, 94–95), *чехч* «осенняя стоянка» или «орел-рыболов» (СТРС II, 100), *чухч* «глухарь» (СТРС II, 103–105) с прасаамскими **ńukčę¹*, **čękčę* или **čėkčę*, **čukčē* с теми же значениями. Немаловажно подчеркнуть топонимическую значимость этих основ и проистекающую отсюда их частотность, а также указать на четкую ареальную соотнесенность подобных топонимов (см. СТРС II, карта 14).²

Эта фонетическая последовательность – яркая черта саамских топонимов РС, существенная особенно потому, что развитие **kč*, **kč́*, **kč̌* > **χč* ясно указывает на эволюцию прасаамского состояния в том же направлении, что и в современных саамских диалектах Фенноскандии. Тем не менее основу *чехч* Саарикиви вообще не рассматривает, хотя приведенные выше прасаамские формы, а также прафинно-саамские **šūkše* и **šäkše* при финских *syksy* и *sääksi* [Korhonen 1981: 172, 96] свидетельствуют о соответствии субстратных топонимов с основой *чехч* уже не прафинно-саамскому или прасаамскому, а более позднему языковому

¹ Дано по [YS: 88], ср. **ńukčę* [Korhonen 1981: 187].

² Параллели в языке (диалекте) саамов Белозерья здесь не рассматриваются, поскольку на этой территории названия на *Vč(a)* и *Vн(ь)ga* почти не представлены. Белозерский край во многих отношениях противостоит северу региона, в частности, там господствует речной детерминант *бой*. Вопрос о лингвоэтническом положении белозерских саамов должен рассматриваться особо: у них явно был другой саамский (или саамоидный) язык или диалект.

состоянию. Напротив, наименованиям с основами *нюхч* и *чухч* уделяется большое внимание.

Указывая, что звуковое изменение $j > \acute{n}$ в прасаам. **ñukse* нерегулярно, Саарикиви в то же время допускает, что названия с основой *нюхч* на РС так или иначе связаны с саамским словом [Saarikivi 2004: 201–203]. Но далее, основываясь на записанном им топониме *Нюхчалакша* (ср. карел. *lakši* «залив»), он приходит к выводу, что это название не может быть саамско-карельской полукалькой, а является достоянием одного языка, который лексически был связан как с саамскими, так и с прибалтийско-финскими источниками [Saarikivi 2004: 217]. Аргументируется это предположение тем, что карелы должны были переделать **Njuhča-* в **Nukšu-* или **Nīkšu-*, поскольку древнее **ñ* в карельском отражено в виде *n*.

Этнотопонимия действительно указывает на пребывание карельского населения в бассейне Нижней Пинеги (СТРС II, карта 22). Именно там и записано *Нюхчалакша*. Однако миграции карел на РС – явление достаточно позднее, поэтому общеприбалтийско-финский переход $*\acute{n} > n$ к обсуждаемому вопросу отношения не имеет, а в процессе эволюции самого карельского языка палатализованное *ñ* появляется снова [ОФУЯ 1975: 31], ср. фин. *nunni* «сосок» – карел. *ñunni* [SKES: 399], фин. *nuotio* «нодья» – карел. *ñuodivo* [SKES: 401] и т.п. Если исходить из версии Саарикиви, то и засвидетельствованные на территории Карелии названия озер *Нюкка* [КОЗК, № 1005], *Нюкки* [КОЗК, № 1246], *Нюхчозеро* [КОЗК, № 578] должны быть взяты под сомнение. А между тем карельские географические термины *ñuroiñe*, *ñokka* находим и в [Мамонтова, Муллонен 1991: 119, 121]. Кроме того, надо заметить, что обычно в пинежской топонимии залив именуется *лохта* или *лахта*, а раритетный для РС термин *лакша* считать

особенно древним не приходится, так как форма *lakši* известна только в карельском языке. Наконец, при широко распространенной основе *нюхч* на РС не засвидетельствована основа *нукиш*, хотя карельская этнотопонимия распространена на большей части территории РС. Более того, в Пинежском районе ТЭ не зафиксировала субстратные топонимы с группой звуков *ну* в анлауте, тогда как *ню* встречается часто, ср. *Нюзя, Нюкова, Нюкомень, Нюльнюга, Нюриха, Нюрова, Нюхола, Нюхвиска, Нюхозеро, Нюхча, Нюхчева, Нюшемня* и др.¹

В другом месте указывается, что названия с группой согласных *хч* не могут быть полукальками, потому что в других финских языках нет комбинации звуков *hč* [Saarikivi 2006: 47]. В исконно русских названиях тоже нет этой группы, однако сейчас она употребляется в заимствованиях. То же могло произойти и в процессе взаимодействия языков на РС.

В этой же работе Саарикиви утверждает, что, опираясь на внешелингвистические факты, невозможно подтвердить или отвергнуть связь основы *нюхч* с прасаам. **hukće* «лебедь» [Saarikivi 2006: 38]. Ему, к сожалению, оказалась неизвестной такая впечатляющая метонимическая калька, как д. *Залебедка* рядом с *Нюхчозеро* (Арх, Холм). Здесь же Саарикиви вновь подчеркивает незакономерность **ñ* в основе *нюхч* [Saarikivi 2006: 55] и высказывает предположение о том, что лексемы *нюхч, чухч, шид* могут восходить к древнему палеоевропейскому субстрату [Saarikivi 2006: 57].

¹ Это явление может интерпретироваться по-разному. Объективно констатируется, что перед **и (й) > рус. 'у'* фиксируется только *н'*. Можно допустить, что в некоторых случаях *н'* русского происхождения (перед **й*). Но в названиях типа *Нюльнюга, Нюрова, Нюхча* перед *'у'* находится рефлекс прасаам. **ñ* (см. 4.2.). Так или иначе, никаких следов возможного отвердения **ñ > *n* (во всяком случае перед **и, *й*) в местной топонимии нет.

В этих построениях надо различать два момента. Во-первых, звуковые соответствия нередко нарушаются, и не все аномалии необъяснимы. Звук *j* неустойчив в анлауте [Серебренников 1974: 96, 97, 100]. Отсюда возможность его замены другими длительными звуками, в частности *ñ* в саамском и *l* в мордовском. Этому могло способствовать и особое отношение к семантически важному слову, обозначававшему свякую для многих народов птицу, т.е. табуирование.

Второй момент касается палеоевропейского (уральского или неуральского) субстрата. Актуальность этой чрезвычайно интересной гипотезы не подлежит сомнению, однако она не имеет прямого отношения к рассматриваемой проблеме. Хотя если такой субстрат действительно существует и характерен как для фенноскандинавских саамов, так и для их родичей на РС, то это обстоятельство только больше свяжет обе саамские языковые общности, противопоставив их прибалтийско-финским языкам.

Думается, что постулируя существование некоего гибридного языка, в котором сливаются в одно целое древние саамские факты с поздними карельскими наслоениями, необходимо привести более убедительные доказательства его смешанного характера, а также пояснить, почему процесс калькирования, широко распространенный при взаимодействии языков и засвидетельствованный на РС в тысячах полукалек, обошел саамские наречия РС. Фактически на одном действительно необычном и интересном названии (саамско-карельской полукальке) строится целая концепция существования промежуточного или гибридного языка, в то время как регулярные, «правильные» саамизмы типа *Пышелохта*, *Чух(ч)лохта*, *Шублохта* и т.п. (ср. прасаам. **lõkte*

«залив») оставлены без внимания¹. В результате не учитывается и непреложный факт, что прасаам. **ñukce*, которое не имеет регулярных соответствий в других уральских языках и поэтому обладает высокой дифференцирующей способностью, нашло одинаковое фонетическое развитие только в саамских диалектах Фенноскандии и субстратных языках РС.

Аналогично рассматривается и основа *чухч.* Я. Саарикиви указывает, что прасаам. **čukće* не имеет регулярных соответствий в других уральских языках и уральскую форму едва ли можно реконструировать², а коми *čukčĭ* – заимствование из субстратных языков Двинского бассейна [Saarikivi 2004: 204–205]³. Но это слово есть во всех саамских диалектах Фенноскандии и идентификация двинских названий как саамских доказывается именно тем, что двинские и фенноскандинавские формы аналогичны, а других близких им соответствий нет (кроме коми *čukčĭ* < субстр. РС).

Я. Саарикиви исходит из предположения, что на РС в древности обитали не саамы, а парасаамы, родичи саамов и прибалтийских финнов. Для доказательства этого он старается выявить разницу между наречиями саамов и парасаамов, подчеркивая те или иные различия между ними и обходя ряд явных соответствий. Саарикиви стремится показать, что многое в парасаамской лексике и фонетике чуждо собственно саамскому языку, но

¹ Разумеется, можно возразить, что *лохта* из прибалтийско-финского **lahti* с переходом **a* > *o*, как в древних заимствованиях, но, во-первых, соответствие *a* > *o* характерно в основном для раньше освоенного Белозерского края, а во-вторых, рассматривая *Пышелохта* и т.п. как полукальку, придется признать, что и *Нюхчалакша* может быть полукалькой.

² В [UEW: 780] восстанавливается финно-пермская праформа.

³ У нас – из наречия двинских саамов (СТРС II, 104).

может быть объяснено из других родственных языков, прежде всего прибалтийско-финских, или связано с субстратным влиянием.

Объективно пока мы знаем только, что на РС были распространены некогда наречия, сходство которых с современными саамскими диалектами очевидно. Вопрос в том, являлись ли древние носители этих наречий особой ветвью, отколовшейся от прибалтийско-финско-саамской языковой общности. И тогда это действительно парасаамы. Но парасаамский язык пока не охарактеризован. Поэтому закономерна и другая постановка вопроса: древние саамы РС – одна из саамских ветвей (самая восточная), которая, продвигаясь на север, не испытала влияния протосаамов (или почти не испытала, что еще предстоит выяснить) и оказалась в совершенно иных географических условиях по сравнению с саамами Фенноскандии – не в прибрежных горных тундрах с арктической и субарктической флорой и фауной, а в равнинной местности, среди глухих таежных лесов и болот, где она имела длительные и непростые контакты с местной чудью и рано утратила связи с фенноскандинавскими саамами, кроме, может быть, восточных. А со временем экспансия прибалтийских финнов и русская колонизация полностью изолировали двинских саамов от их фенноскандинавских сородичей.

Известно, что саамские диалекты далеко разошлись. Говорят даже о саамских языках. Естественно, что территориальная отдаленность двинских саамов приводила со своей стороны ко все большему обособлению их языка от фенноскандинавских наречий. Все это и обуславливает языковые отличия двинских саамов от саамов Фенноскандии, в частности, значительную разницу в географической терминологии.

Разумеется, при интерпретации субстратной топонимии возможно сопоставление с различными языками, но если опреде-

ленный топонимический пласт предположительно рассматривается как саамский, то он и должен сопоставляться прежде всего с саамскими данными, тем более что существует словник восстановленных прасаамских форм. Между тем Саарикиви ищет опору в раннеприбалтийско-финских (прафинно-саамских) реконструкциях, поскольку только они могут служить базой для идентификации постулируемого парасаамского языка, обладающего как прибалтийско-финскими, так и саамскими чертами. Но парасаамский язык пока гипотетичен и никак не охарактеризован, а вокруг реальности раннеприбалтийско-финского праязыка¹ продолжаются споры, на что указывает и Саарикиви [Saarikivi 2004: 167–171]. Следовательно, одна гипотеза аргументируется при помощи другой. Практически это выглядит так: все, что не укладывается в рамки раннеприбалтийско-финского языка, вообще не рассматривается либо отвергается под тем или иным предлогом. Это относится и к собственно саамским лексическим фактам (*чач*, *чухч*) и к фонетическим явлениям, не объясняемым на уровне раннеприбалтийско-финской гипотезы (*нюхч*, *шуб*) и т.п. Сколько-нибудь системный анализ при таком подходе невозможен.

На самом деле специфически саамские явления не отдаляют «парасаамов» от саамов, а служат ярчайшими дифференцирующими признаками лингвоэтнических саамских общностей. Реальная непротиворечивая картина вырисовывается при сопос-

¹ Термин раннеприбалтийско-финский (*varhaiskantasuomi*), который по традиции используется в монографии, вообще-то неудачен, поскольку саамский язык в этом случае выглядит как преобразование прибалтийско-финского. Предпочтительность термина прафинно-саамский (праприбалтийско-финско-саамский) очевидна, если только в процессе изучения СТРС не будут выявлены такие субстратные языки, которые восходят к прафинно-саамскому, но не могут быть причислены ни к прибалтийско-финским, ни к саамским. А это вполне возможно. Ср. гипотезу Е.А. Хелимского о северо-западной группе финно-угорских языков [Хелимский 2006]. См. также 5.3.

тавлении субстратных географических названий РС, саамского диалектного материала, прасаамских форм и прибалтийско-финских данных. Ниже рассматриваются сначала саамизмы РС, имеющие соответствия как в саамских диалектах Фенноскандии, так и в прибалтийско-финских языках (табл. 7 и комментарии к ней), а затем саамизмы РС, которые имеют соответствия только в саамском языке (табл. 8 и комментарии к ней). В каждой таблице 6 граф (топооснова, значение, пример названия, прасаамская реконструкция, форма кильдинского диалекта саамского языка, территориально близкого к РС, финское соответствие). Дальнейших связей в уральских и неуральских языках мы не касаемся, поскольку они выходят за пределы исследования. В каждой таблице анализируются 20 топооснов. В качестве примеров приводятся как гидронимы на *Vga* и *Vn(ь)ga*, которые могут быть саамизмами, так и наименования других типов.

Табл. 7

Топо- основа	Значение	Пример названия	Прасаам.	Саам. Кильдин	Фин.
кочком	«орёл»	Кочкомозеро	*kōckēmē	kuēckem	kotka
кук	«длинный»	Кукозеро	*kukkē	kukk	kauka
кул	«рыба»	Кулозеро	*kōlē	kūll	kala
кушк	«порог»	Кушкова	*kōškē	kūšk	koski
лонд	«птица»	*Лондуга	*lonte	lånd	lintu
луз	«лосось»	Лузское	*lōse	lūss	lohi
мурь	«ягода»	Мур(л)юга	*mōrje	mūrj	marja
нюль	«стрела»	Нюль(н)юга	*nōlē	nūll	nuoli
нюн	«нос»	Нюнега	*nōnē	nūnn	nenä
нюхч	«лебедь»	Нюхчозеро	*nukce	nūχč	joutsen
печ	«сосна»	Печгора	*pēcē	pie33	petäjä
пуйд	«жир»	Пуйдуга	*pōjte	pūjd	paita
пыш	«святой»	Пышега	*pešē	pass	pyhä
чёлм	«пролив»	Чёлмозеро	*cōlmē	čuełm	salmi

чехч ¹	«осень»	Чехча	*čəkčę	čęχč	syksy
чехч ²	«скопа»		*čėkčę	čuχč	sääski
чеч	«дядя»	Чечегорский	*čēcē	čieʒʒ	setä
шид	«деревня»	Шидьега	*siʎe	sijđ	hiisi
шуб	«осина»	Шубозеро	*supē	subb	haapa
явр	«озеро»	Явроньга	*jāvrē	jaʋr	järvi

Комментарии к табл. 7

1. Топонимы, приведенные в таблице, фонетически соответствуют саамским, а не прибалтийско-финским данным. Некоторые особенности обусловлены эволюцией саамских звуков на диалектной почве. Таковы прасаам. *s ~ саам. РС *š, прасаам. *c, *č ~ саам. РС *č, прасаам. *kc, *kč ~ саам. РС *χč, прасаам. *ō ~ саам. РС *u (ũ). Чтобы показать это, были приведены данные кильдинского диалекта, с которым у саамских наречий РС имеются общие черты. Однако отождествлять эти диалекты или объединять их в какую-либо группу никоим образом не следует хотя бы уже потому, что в кильдинском диалекте представлены и лексемы, восходящие к протосаамскому субстрату. В то же время выявление диалектных черт свидетельствует о том, что мы имеем дело не с прасаамским языком и тем более не с прафинно-саамским (если таковой существовал), а именно с архаичными саамскими диалектами. Учитывая это обстоятельство, нужно считаться и с такими возможностями, как сохранение в саамских диалектах РС древних *š (> *s в других саамских наречиях)¹, *č, а также прасаам. *ę ~ рус. ы (до перехода *ę > â [Korhonen 1981: 81]), ср. *Пышега* и *Кырчема* в табл. 8.

2. Регулярность соответствия раннеприб.-фин. *š (*šolma, *šūkše, *šäkše, *šečä) ~ прасаам. *č (*čōlmē, *čėkčę, *čėkčę, *čēcē)

¹ Есть также предположение, что саам. РС s > рус. ш [Saarikivi 2004: 191].

~ саам. РС *č (< чёлм, чехч¹, чехч², чеч) позволяет усомниться в реконструкции раннеприб.-фин. *čolma [Saarikivi 2004: 197–199] и предпочесть форму *šolma [Korhonen 1981: 87], тем более что она подтверждается серийным гидронимом *Сельменьга* (см. СТРС II, 249–251), ср. также [UEW: 775].

3. Этимология лимнонима *Лузское* (озеро) поддерживается саам. Кильдин. *lūss^(A)*, род. *lūz^a* «лосось» [KKS: 228], *kūss^(A)*, род. *kūz^a* «ель» [KKS: 176], а также гидронимами *Кузегга I* (Арх, Леш) и *Кузегга II* (Арх, Пин), которые, однако, могут быть и прибалтийско-финского происхождения.

4. Сопоставление прасаам. *ñukce и *supē с фин. *joutsen* и *haapa* встречается с фонетическими трудностями (см. подробности в [Saarikivi 2004: 201–206]), хотя в родстве саамских и финских слов финно-угорские этимологи не сомневаются (см. [SSA 1: 244, 126; UEW: 101, 783]). Тем не менее, отсутствие раннеприбалтийско-финских реконструкций при точных соответствиях в пределах саамской фонетики никак не может противопоставлять саамские формы РС фенноскандинавским. Напротив, фонетическая аномальность этих слов и невозможность соотнести их в звуковом отношении с прибалтийско-финскими параллелями прямо указывают, что в данном случае мы имеем дело именно с саамскими, а не какими-либо прибалтийско-финско-саамскими (парасаамскими) формами. Проблема саамского компонента в СТРС сводится, следовательно, не к верификации фактов (в них невозможно сомневаться), а к их интерпретации.

Табл. 8

Топо-основа	Значение	Пример названия	Прасаам.	Саам. Кильдин	Фин.
кач	«скупой»	Качозеро	*kāsse	—	itara
куч	«кислый»	Кучева	*kōssek	kūz3	hapan

кырч	«ремень» ¹	Кырчема	*kercce	kērc	hihna
мур	«дерево»	Мурболото	*mōre	mūrr	puu
нельм	«устье»	Нельменьга	*ñālmē	ñālm	suu
нер	«небольшой порог»	Нерюга	*ñērē	ñierr	matala koski
нюр	«мель»	Нюрова	*ñōre	ñūrr	kari
олм	«человек»	Олмуга	*olmō	ālmeñž	ihminen
поч	«северный олень»	Почуга	*pōcōj	poaž	poro
ров	«горелое место»	Ровболото	*rōvē	—	palomaa
ровр	«лёд с пустотами»	Роврога	*rōvrō	roavras	komo-jää
род	«роща»	Родома	*rotō	rādd	lehto
сукс	«червь»	Суксонга	*sōkse	sūxs	toukka
торас	«поперек»	Торас	*tōrēs	tueres	poikki
уч	«маленький»	Учозеро	*uccē	u33	pieni
чаврас	«выдра»	Чаврас	*čēvrēs	čievres	saukko
чач	«вода»	Чача	*čācē	čā33	vesi
чиж	«женская грудь»	Чижгора	*čínčē (?)	t'šid't'š	naisen rinta
чич	«сетевая краска»	Чичезеро	*cice	cj33	verkko-väri
чухч	«глухарь»	Чухча	*čukčē	čuχč	metso

Комментарий к табл. 8

1. Слова с этими топоосновами не имеют соответствий в прибалтийско-финских языках. Поэтому не могут быть реконструированы и прибалтийско-финско-саамские праформы. В то же время эти слова представлены в современных саамских диалектах и для них восстановлены прасаамские формы. Некоторые из при-

¹ О метафорических названиях с основами *кырч*, *чиж*, *чич* см. СТПС II, 145, 101, 102.

веденных в табл. 8 слов имеют соответствия в других уральских языках, например, в марийском (*торас*), обско-угорских (*чач*), коми (*чухч*), но для решения обсуждаемых проблем эти параллели несущественны.

2. Сам факт бытования дифференцирующих саамизмов на РС свидетельствует о том, что некогда на этой территории существовали саамские диалекты, хотя и во многом отличающиеся от современных саамских диалектов Фенноскандии.

3. Приведенные в табл. 8 наименования характеризуются теми же диалектными чертами, что и названия, представленные в табл. 7, в частности, прасаам. **ō* регулярно соответствует рус. у (< саам. РС **i* или **ĩ*, как в кильдинском диалекте), тогда как прасаам. **ō* в русских формах соответствует *о*, а в кильдинском диалекте дифтонги.

4. Иногда фонетические изменения объяснимы на русской почве (*нельм* < **няльм* под ударением между мягкими согласными, см. об этом СТРС I, 140–141). В *Чаврас* изменение произошло, видимо еще в языке-источнике, ср. тенденцию к большей открытости звука в саам. сев. *čæwres* и тер. *čarves*.

Все приведенные выше факты позволяют сделать вывод, что на РС в отдаленном прошлом существовали саамские диалекты, которые обладали рядом архаических черт. Эти диалекты были распространены в северной половине РС, образуя единую языковую цепь с родственными севернофинскими языками, в которых многое объясняется на саамской почве.

Проблема саамского лингвоэтногенеза часто сводится к двум основным вопросам — о роли протосаамского субстрата в этом процессе и о реальности существования раннеприбалтийско-финского (прафинно-саамского) языка. В действительности же она намного шире. Такой фактически ранее не использован-

ный источник, как СТРС, свидетельствует, что кроме саамов Фенноскандии были и другие саамы, населявшие когда-то РС, а также близкие к ним в разной степени севернофинские этносы, освоившие пространство между прибалтийско-финско-саамским миром, волжскими финнами и пермянами.

Разумеется, между саамами РС и их фенноскандинавскими родичами обширный территориальный и хронологический разрыв. Различия важны, но существеннее то общее, что сохранила СТРС, поскольку оно позволяет в определенной степени реконструировать древнюю историю саамского языка и саамского этноса, а также других финских народов северо-восточной Европы. Субстратная топонимия РС была освоена русскими в разное время между X–XI и, по-видимому, XVII–XVIII вв. н.э., но возникла, особенно гидронимия, значительно раньше. Архаизмы, сохраненные СТРС, делают ее драгоценным источником по истории финно-угорских народов, в частности, саамов и их языка.

При всем этом пока актуальна и версия промежуточного прибалтийско-финско-саамского языка, которую поддерживает Я. Саарикиви. Принципиально новым стало то, что как промежуточный язык рассматривается древнесаамский язык РС.

У автора нет никаких сомнений в том, что в далеком прошлом на РС мог существовать язык, в котором сочетались саамские и прибалтийско-финские черты. Но необходимо различать два случая. Во-первых, подобный язык мог возникнуть при распаде прафинно-саамского единства, если таковое имело место, но тогда трудно представить, например, что в этом языке могли сосуществовать анлаутные **h* и **s* ~ **š*. Во-вторых, в результате интенсивного языкового взаимодействия мог появиться некий смешанный язык, например, прибалтийско-финский в своей основе с мощным саамским субстратом или, напротив, саамский,

который подвергся сильной финнизации. В условиях такого смешения могло выработаться своего рода топонимическое койне, тем более что контактирующие языки были близко родственными. Именно так можно объяснить абсолютное господство «саамской» основы *шуб* «осина» и «прибалтийско-финской» основы *хайн* «сено», «трава» на большей части РС и другие подобные факты. Но и в этом случае трудно представить язык в виде механического объединения, в котором не прослеживаются какие-либо регулярности. Следовательно, их необходимо выявить, иначе предположение о промежуточном языке будет бездоказательным.

Сложность проблемы еще и в том, что субстратная топонимия отражает в одной плоскости различные хронологические пласты, т.е. диахрония предстает в синхронном срезе. СТРС стратифицируется с трудом, но уже давно установлено, что свести весь имеющийся субстратный топонимикон РС к одному языку невозможно.

Если не учитывать все эти трудности, то очень легко заблудиться в разнородном смешении, которое демонстрирует субстратная топонимия, и породить одного из тех кентавров, коих в языковой действительности не было.

5.3. К проблеме классификации языков субстратной топонимии Русского Севера

Основываясь на изданных нами материалах (СТРС I, II), Е.А. Хелимский предлагает выделить северо-западную группу финно-угорских языков, полагая, что северо-западные финно-угорские языки восходят к праязыку, который «в традиционной классификации фигурирует как “финно-саамский” или как “раннеприбалтийско-финский” ((*varhais*)*kantasuomi*)» [Хелимский 2006: 38]. В состав северо-западной группы финно-угорских язы-

ков включаются прибалтийско-финская, саамская, лопская, тоймская и, возможно, мерянская и тверская ветви [Хелимский 2006: 38–40].

Предлагаемый опыт классификации перспективен, но вызывает ряд замечаний и возражений, начиная с постановки вопроса. Е.А. Хелимский считает, что «при интерпретации лексического (в первую очередь топонимического) наследия на соответствующих территориях использование северо-западных (фактически финно-саамских) и финно-угорских реконструкций более эффективно и методологически более корректно, чем обращение к данным современных прибалтийско-финских и саамских диалектов и тем более волжских, пермских, угорских и самодийских языков» [Хелимский 2006: 41]. Этот тезис, однако, трудно реализовать как раз в области субстратных топонимов, поскольку их семантика неизвестна, а глубокие (в нашем случае финно-саамские) реконструкции нередко спорны или вообще отсутствуют. Рассмотрим этот принципиальный вопрос более подробно.

Во-первых, надо учитывать, что мы имеем дело с мертвыми языками и «северо-западные» топонимы еще недавно интерпретировались некоторыми исследователями не как финно-саамские, а как пермские, угорские и даже самодийские. Есть ученые, которые и сейчас отстаивают угорскую версию их происхождения. Восстанавливать факты неизвестного мертвого языка при помощи праязыковых реконструкций можно только в тех случаях, когда эти реконструкции не вызывают таких сомнений, как, например, «финно-саамское» **järvä* «озеро» [Korhonen 1981: 89], уязвимое в свете прасаам. **jävrē* [YS: 34] и субстр. РС **jagr(V)*, **jaxr(V)*. Поскольку прасаамский язык распался сравнительно недавно (приблизительно 2 000 лет тому назад) [Saarikivi 2004: 167–168] и реконструкции прасаамских лексем в большин-

стве случаев доказательны [YS], прасаамские формы широко использовались и в нашей работе, тем более что вопрос о древней саамской топонимии на РС дискусионен. Напротив, прибалтийско-финские праформы не принимались во внимание, так как миграции прибалтийских финнов на территорию РС были поздними, прибалтийско-финские названия в большинстве случаев этимологически прозрачны и проблема только в том, что трудно установить конкретные источники прибалтийско-финской субстратной топонимии РС.

Во-вторых, учитывая специфику топонимической этимологии (асемантичность субстратных форм) рискованно обращаться к праязыкам, само существование которых пока не является общепризнанным. Так именно обстоит с *varhaiskantasuomi* (раннеприбалтийско-финским) языком, который правильнее было бы называть прафинно-саамским. Е.А. Хелимский, очевидно, уверен в существовании этого праязыка, но есть и столь же убежденные противники [Saarikivi 2004: 167–171], так что «вопрос о существовании раннеприбалтийско-финского языка может считаться открытым» [Saarikivi 2004: 169]. Тем не менее в нашей монографии иногда использовались финно-саамские реконструкции, ср. **püšä* «святой», **lešte* «лист» и некоторые другие [СТРС II, 235, 237]. Вполне может быть, что такой праязык действительно существовал, а после его распада возникли «северо-западные» языки, хотя термин «северо-западный» не кажется адекватным (см. о нем ниже). Но считать это доказанным можно будет только, если удастся выявить хотя бы некоторые фонетические, лексические, словообразовательные, а при особой удаче и морфолого-синтаксические черты субстратных языков (не следует забывать, что в нашем распоряжении, кроме отдельных лексических заимствований, только топонимический – порою очень ограни-

ченный – материал), которые позволят дифференцировать выделенные ветви и выйти за рамки, уже очерченные многократно использованным прибалтийско-финским и саамским материалом.

Проблема еще и в том, что прафинно-саамские реконструкции часто спорны или вообще невозможны. О праформе **järvä* «озеро» уже говорилось выше, для семантемы «лебедь» при фин. *joutsen* и прасаам. **ñukse*, видимо, никто не рискнет восстанавливать финно-саамскую праформу, для «пролив» при фин. *salmi* и прасаам. **čōlmē* реконструируют **śolma* [Korhonen 1981: 87] и **colma* [Saarikivi 2004: 197], для «река» – **juka* [Хелимский 2006: 41] и **joke* [Korhonen 1981: 87]. Для прасаамских **čācē* «вода» и **čukčē* «глухарь» вообще нет прибалтийско-финских соответствий. А ведь все это важнейшие топонимообразующие лексемы. Именно поэтому учитывать финно-саамские реконструкции необходимо, но трудно представить, что их использование «более эффективно и методически более корректно» [Хелимский 2006: 41]. У топонимической этимологии давно апробированный путь: от топонимических фактов к языковым (не исключая и реконструированные) с последующим восстановлением лексического инвентаря мертвых языков, их фонетических и словообразовательных особенностей и выявлением связей с живыми и мертвыми языками. Есть надежда, что, напротив, исследование субстратной топонимии РС, открывающее новые источники для финно-угроведения, будет иметь большое значение для решения вопроса о существовании финно-саамского («северо-западного») праязыка и адекватности реконструкций его лексики (см., например, о праформе **śolma* СТРС II, 243–251). Для доказательства реальности этого праязыка нужны новые факты и их объективная интерпретация. Субстратная топонимия РС в этом отношении бесценна.

В-третьих, наконец, в статье Е.А. Хелимского речь идет о северо-западной группе финно-угорских языков. Таким образом, классификация финно-угорских языков представляется в следующем виде: северо-западные (финно-саамские, а также субстратные языки РС и смежных областей), марийские, мордовские¹, пермские и угорские. Поскольку обычное членение финно-угорских языков на финские и угорские тем самым элиминируется, подобную новацию следовало бы, наверное, обосновать.

Проблема связей прибалтийско-финского и саамского праязыков достаточно хорошо разработана, и это освобождает нас от необходимости обращаться к ней снова. Заметим только, что нерешенность вопроса о существовании прафинно-саамского языка, а также неразработанность относительной хронологии ведут к альтернативе с далеко идущими последствиями: включать ли в состав северо-западной группы финских языков прибалтийско-финскую и саамскую ветви² по отдельности или прафинно-саамскую ветвь как целое. Этот сложный вопрос выходит, однако, за рамки нашего исследования.

Таким образом, речь должна идти о лопской, тоймской (лучше все-таки было бы *тоемской*, как это принято в местном произношении, ср. *Верхнетоемский район*), а также мерянской и тверской ветвях намечаемой северо-западной группы финских языков.

Для решения «лопской проблемы» накоплен значительный материал, который частично уже проанализирован. Возможна различная интерпретация этого материала. С нашей точки зрения, на территории РС в древности были распространены саам-

¹ Или волжско-финские (марийские и мордовские), если принимать гипотезу волжско-финского единства.

² Сохраняем терминологию, принятую Е.А. Хелимским.

ские наречия, наиболее существенным отличием которых от языков фенноскандинавских саамов¹ являлось отсутствие протосаамской лексики и соответственно употребление вместо нее других слов, обычно функционирующих в тех или иных финских языках, чаще всего прибалтийско-финских (СТРС II, 226–227).

Выделяя лопскую ветвь северо-западной группы финских языков и подчеркивая, что носители лопского языка (языков?) не испытали воздействия со стороны протосаамского субстрата, Е.А. Хелимский солидаризируется с высказанным нами положением, но считает целесообразным использовать в этом случае особый термин. Действительно, сейчас с трудом представляется саамский язык без протосаамского субстрата. Но дело, разумеется, не только в термине. Ассимиляция протосаамского населения Фенноскандии произошла, видимо, не в столь отдаленные времена, когда саамы осваивали новые для них северные территории (ср. [Saarikivi 2004: 171]). Поэтому ничто не мешает предположить, что определенная часть саамов на крайнем востоке древнего саамского ареала вообще не испытала (или почти не испытала) лингвоэтнического воздействия со стороны протосаамов по той причине, что таковых там не было (или почти не было).

Соответственно, «лопскую проблему» можно свести к следующей альтернативе. В а р и а н т 1 . У саамов Фенноскандии и древних саамов РС был общий праязык, но с течением времени на саамов Фенноскандии (когда они продвинулись на север) воздействовал протосаамский субстрат. В этом случае говорить об особой лопской ветви вряд ли целесообразно, если только не будут выявлены такие ее языковые особенности (кроме отсутствия протосаамского субстрата), которые явно противопоставят эту ветвь саамским языкам Фенноскандии. Наличие финского

¹ Включаем в их число и кольских саамов.

термина *lappi* (> рус. *Лопь*) «саамы» в этой ситуации также не будет способствовать использованию термина «лопская ветвь»¹. В а р и а н т 2. У саамов Фенноскандии и древних саамов РС были разные корни (праязыки), а впоследствии на саамов Фенноскандии воздействовал протосаамский субстрат. В этом случае может быть целесообразно использовать предлагаемый Е.А. Хелимским термин, выделяя особую лопскую ветвь, которая тем самым вводится в северо-западную группу финских языков на равных правах с прибалтийско-финской и собственно саамской ветвью.

Задача, следовательно, сводится к тому, чтобы показать специфику лопской ветви, отличающую ее от саамских языков Фенноскандии. Эта проблема затронута, в частности, в статье Я. Саарикиви [Saarikivi 2004], пафос которой в том, что многое в лексике, извлеченной из субстратной топонимии саамов РС, трудно отделить от древних прибалтийско-финских форм, тем более что в старину близость этих языков была более значительной. Поэтому «саамство» (*Saamentum*) древних насельников РС проблематично. Позиция Саарикиви не очень определена, но как будто бы он склоняется к мысли о существовании на РС древних языков, близких как к прибалтийско-финским, так и к саамским языкам. Такая постановка вопроса закономерна, и о возможности существования подобных языков на РС в древности мы в свое время тоже неоднократно писали (см., например [Матвеев 1978: 61]). Этот путь многообещающ, если будет доказано,

¹ У нас мало данных об этнониме *лопь* и его функционировании на РС, хотя он в какой-то мере отражен в этнотопонимии региона (см. СТРС II, 210). Скорее всего *лопь* – внешний этноним. В русской традиции древняя *лопь* и ее представители *лопари* или *лопяне* отождествлялись с саамами. Поэтому возникает вопрос, как называть носителей языка лопской ветви. *Лопари*? *Лопяне*? Но если древние саамы РС вовсе не саамы, то как мы можем именовать их *лопарями* или *лопянами*? А если они саамы, то зачем называть их внешним этнонимом?

что собственно саамов (которые не испытали влияния протосаамского субстрата) на РС не было. Но для решения этого вопроса недостаточно выявления лексических различий, сколь бы существенными они не были, тем более что в значительной части эти различия обусловлены наличием или отсутствием протосаамского субстрата. Для дифференциации тех или иных языковых общностей, решения вопроса о существовании особого языка и тем более языковой ветви наиболее существенны сведения о фонетике субстратных языков, которые удастся получить при анализе древних названий.

В предположительно саамской субстратной топонимии РС часто сохраняется состояние, тождественное прасаамскому или близкое к нему, но нередки и явления, которые могут рассматриваться как более поздние и притом отражающие диалектные различия. Таковы топонимы с ярко дифференцирующей саамские названия консонантной группой *хч*, образованные от основ *нюхч* «лебедь», *чехч* «осень» (или «орел-рыболов»), *чухч* «глухарь» (СТРС II, 94–95, 100, 103–105). Они топонимически очень важны и широко распространены. Во всех этих случаях восстанавливаются прасаамские формы **ñukce*, **čekce*, (или **čēkce*), **čukčē* и приведены соответствия в девяти основных саамских диалектах: западных – южному, Уме, Арьеplug, Луле, норвежскому (северному) и восточных – Инари, Колтта, Кильдин и терскому [YS: 88–89, 20–21, 24–25, 28–29]. Исключения минимальны – отсутствует соответствие для **čēkce* в диалектах Арьеplug и южном, а также для **čukčē* в терском. Таким образом, эти слова распространены во всем современном саамском ареале, что и обусловило возможность уверенного восстановления соответствующих прасаамских форм, при этом в западных диалектах представлена консонантная группа *kt*, *k't* (кроме северного, где

k'č), а в восточных – *hč*, *hčč*, *χč* (кроме терского, где *kč*, *kčč*). В то же время все приведенные саамские основы четко дифференцируются от прибалтийско-финских лексических соответствий: для **ñukse* при фин. *joutsen* реконструкция отсутствует, для **čukčē* – нет прибалтийско-финского соответствия (об отношении этого слова к коми *чукчи* см. СТРС II, 104–105)), а для **čekčē*, **čēkčē* восстанавливаются финно-саамские праформы **süükse* и **säkse* [Korhonen 1981: 172, 96], предельно близкие к прибалтийско-финским, но отличные от прасаамских и тем более современных саамских диалектных форм.

Что же отражено в субстратной топонимии РС? Формы, аналогичные прасаамским, здесь не засвидетельствованы, поскольку прасаам. **c*, **č* в этих словах соответствует *ч* (*t'š*), при том что в субстратной топонимии РС звуки типа **c*, **č* встречаются достаточно часто (см. об этом СТРС II, 222). Напротив, в субстратной топонимии зафиксированы формы, соответствующие современным саамским диалектам. Хотя реализации саамских лексем при русской адаптации разнообразны, так что нередко параллельные формы, между которыми происходит интенсивное взаимодействие, основные типы консонансов выделяются достаточно четко, тем более что этому способствуют и ареальные данные. Рассмотрим реализации всех трех основ *нюхч*, *чехч* и *чухч* (подробности см. СТРС II, 94–95, 100, 103–105), причем варианты формы, как правило, более редкие, во внимание не принимаются.

С основой *нюхч* засвидетельствованы 15 названий, с *нюки* – 2, кроме того засвидетельствованы *Нюкчозеро* (*Нюхтозеро*), *Нюхтезеро* (*Нюхтьозеро*) и *Нюхтозеро*. С основой *чехч* зафиксированы 2 названия, с *чекч* – 4, с *чеки* – 8. С основой *чухч* выяв-

лены 18 наименований, с *чукч* – 7 и с *чукиш* – 6. Формы с группой *хт(ь)* редки, встречаются только в названиях с основой *нюхт(ь)*, и должны рассматриваться как вторичные, особенно ввиду возможности чередования *т' ~ ч'* на русской почве (ср. *Тюленьга ~ Чуленьга*, *Чуденьга ~ Тюденьга* в названиях одного объекта) и влияния со стороны консонанса *хт*, широко распространенного в разных типах субстратной топонимии РС. Образования с консонансом *киш* характерны для Белозерского края, а также смежных с ним территорий и принадлежат диалекту белозерских саамов. Наименования с группой *хч* распространены по всему северу региона, но особенно много их на востоке в бассейне Пинеги, тогда как топонимы с группой согласных *кч* преимущественно располагаются западнее между ареалами *хч* и *киш*, особенно в бассейне Северной Двины близ устья Ваги (4 названия) и у Онежского озера (3 названия).

Намеченные границы нечетки вследствие взаимодействия консонансных типов, тем не менее намечается ареальный переход *киш* – *кч* – *хч* с юго-запада региона на север и северо-восток, что дает возможность предполагать наличие диалектного членения. При этом восточные формы с *хч* соответствуют восточным саамским диалектам (кроме терского), формы с *кч* – северному и терскому, а формы с *киш* являются специфическим достоянием белозерского диалекта. Вывод об отражении в субстратной топонимии РС послеязыковых саамских черт вполне вписывается в рамки наших сегодняшних знаний о саамском языке. Но если это типичные саамские диалекты, возникает вопрос, в чем языковая специфика лопской ветви, и не правильнее ли допустить существование в субстратной топонимии РС реликтов тех древних саамских диалектов, которые существовали на территориях, где протосаамов не было. Естественно, что при этом никоим образом

нельзя отождествлять двинские (и тем более белозерские) наречия саамов с какими-либо современными диалектами саамов Фенноскандии. Зато становится ясным, что древнесаамский язык функционировал на территории РС в диалектной форме.

Существование особой лопской ветви могут подтвердить только весомые фонетические доказательства, а именно выявление отличий лопских названий от собственно саамских, притом не случайных, а образующих систему или какой-либо ее более или менее значительный фрагмент. Необходимо также помнить о том, что древнесаамские диалекты РС могли развить инновации, которые неизвестны саамам Фенноскандии.

Уже установленные фонетические и грамматические характеристики древних саамских наречий РС в своем большинстве не отделяют их от фенноскандинавских диалектов, а объединяют с ними. Так, соответствие саам. *s* ~ саам. РС *š* можно объяснять сохранением фин.-угор. **š* > саам. РС **š*, переходом саам. *s* > саам. РС **š* (СТРС II, 220), палатальным характером саам. *s* на РС и его восприятием русскими как *ш* [Saarikivi 2004: 191]. Но в любом случае ясно, что все это факты саамской речи и их русской адаптации, которым противостоит переход **š* > *h* в прибалтийско-финских языках.

Для того чтобы выделить особую лопскую ветвь, важны были бы и структурные признаки, если они отражены в топонимии, что, вообще говоря, бывает нечасто. В данном случае речь может идти о форме генитива единственного числа, который в прасаамском языке характеризовался формантом **n*, типичным и для прибалтийско-финских языков, но затем был утрачен, кроме крайне западных диалектов – южного и Уме [Korhonen 1981: 212]. В других современных диалектах саамского языка генитивная форма единственного числа образуется путем изменения ос-

новы. На РС никаких следов древней генитивной формы в типично саамских названиях пока не обнаружено¹. Таким образом, и по этому структурному признаку древние саамские наречия РС объединяются с большинством современных саамских диалектов.

Тем не менее, ясно, что на РС были особые саамские наречия, частично отражающие древнее состояние. Так, они подобно прасаамскому языку, а также кильдинскому и терскому диалектам сохраняют носовые в интервокальных консонансах типа *носовой* + *гоморганный* (подробнее см. СТРС II, 222). В других случаях возникают инновации, в частности, с кильдинским диалектом саамские наречия РС роднит развитие **ĩ* (или **i*) из прасаам. **õ* (СТРС II, 223–224). Как архаизмы, так и инновации весьма важны, поскольку в какой-то мере указывают на сохранение древних лингвоэтнических связей между саамами РС и Фенноскандии (особенно восточными саамами).

Учет междиалектных соответствий имеет большое значение для практики этимологизации субстратных названий РС. Е.А. Хелимский считает небесспорной эволюцию прасаам. **õ* > саам. РС **ĩ* (*u*) > рус. *у*, поскольку в ряде случаев прасаам. **õ* > саам. РС **õ* (*o*) > рус. *о* [Хелимский 2006: 48–49]. Поэтому он склонен отвергнуть кастреновскую этимологию гидронима *Кулой* (~ прасаам. **kõlē*, Кильдин *küll* «рыба»), тем более что этот гидроним прилагается к двум крупным рекам, а фин. *oja* – «ручей» [Castrén 1862: 102]. Взамен предлагается этимологическая альтернатива –

¹ Е.А. Хелимский считает, что генитивная конструкция с формантом **n* отражена в многочисленных субстратных топонимах на *Vn(b)ga* [Хелимский 2006: 41–44], но зона саамских названий на РС совпадает с ареалом *Vn(b)ga* только частично (СТРС I, карты 2 и 6), например на северо-востоке РС в бассейне Пинегы, где названия типа *Вырмоньга* (прасаам. **vērtē* «рыболовная сеть»), *Нельменьга* (прасаам. **ñālmē* «устье»), *Явроньга* (прасаам. **jāvvrē* «озеро») и т.п. действительно могут содержать древнесаамский *n*-овый генитив (см. об этом СТРС I, 272–273).

фин. *kulo* «лесной пожар» и *kuolo* «смерть» [Хелимский 2006: 48–49]. Думается, однако, что старая этимология М.А. Кастрена не поколеблена.

Во-первых, на РС бытовал не прасаамский язык, а саамские диалекты, поэтому у прасаамского **ō* могли быть разные рефлексy. Свою роль могла сыграть и позиция (тип консонантно-го окружения) и русская адаптация.

Во-вторых, значения слов в современных и восстанавливаемых языках могут различаться. Следовательно, надо исходить из топонимической действительности, а формант *ой* (*оя*, *уй*, *уя*, *бой* и т.п.) на РС употребляется и в значении «река». Есть ряд регионов, где он широко представлен и даже господствует (Белозерский край). Его ареал охватывает и бассейн Кулая, притока Ваги. Более северный Кулой, приток Мезенской губы, имеет, видимо, перенесенное название. Это доказывается тем, что метонимическая калька *Кулой* ~ *Коленьга* (приток Кулая) есть у обоих Кулаев. Еще одно соображение относится к сфере закономерностей топонимической номинации, где обычна соотносительность величины объектов и их названий. Именно поэтому очень большая река *Пинега* – «Малая река» (по сравнению с Северной Двиной, притоком которой она является). Важский Кулой по сравнению с Вагой – ручей, как и мезенский Кулой по сравнению с Мезенью. Наконец, если мы считаем, что *ой* в гидрониме *Кулой* не имеет значения «река» или «ручей», то возникает вопрос, какова же семантика этого форманта¹.

В-третьих, семантическая модель «Рыбная река» распространена очень широко, особенно у народов, живущих рыбной

¹ Предположение о связи гидронима *Кулой* с русскими прилагательными на *ой*, *ая*, *ое* исключается ввиду его ареальной общности с другими субстратными названиями этого типа.

ловлей и охотой. Метонимическая калька *Кулой* ~ *Коленьга* со своей стороны поддерживает предложенную этимологию [Матвеев 2000б: 111–112]. Альтернативные же этимологии неприемлемы прежде всего с точки зрения закономерностей топонимической номинации. «Горелые» и «Мертвые» реки и ручьи встречаются весьма часто в топонимии разных народов, но это, как правило, ситуативные названия, которые характерны для малых объектов. Значительные реки *Горелыми* и *Мертвыми* не называют. Надо также иметь в виду, что основа *кул* в топонимии РС засвидетельствована неоднократно и, следовательно, означала нечто существенно важное для местного населения.

Результатом обсуждения «лопской проблемы» могут быть следующие соображения.

Если считать, что обособление саамских языков от прибалтийско-финских произошло до ассимиляции протосаамов (в прибалтийско-финских языках нет следов протосаамского субстрата), то в субстратной топонимии РС могут быть засвидетельствованы реликты саамской речи, не содержавшей протосаамского компонента. Однако выделение лопской ветви может быть апробировано только в том случае, если будут выявлены значительные различия между саамскими языками Фенноскандии и РС, тогда как предлагаемая классификационная схема уже сейчас приравнивает лопскую ветвь к прибалтийско-финской и саамской, допуская тем самым, что различия между лопской и саамской ветвью аналогичны различиям между прибалтийско-финской и саамской, хотя это не подтверждено фактами. Если такие факты будут обнаружены, предлагаемое наименование, конечно, можно использовать, особенно если допустить, что носители языка (языков) лопской ветви не имели самоназвания **sāmē* [Хелимский 2006: 39]. Однако и этот вопрос нельзя считать окон-

чительно решенным, так как в субстратной топонимии РС широко распространена основа *сям*, которая предположительно может быть связана с этнонимом **sāmē* (см. 4.2.).

Выделение особой тоймской ветви также вызывает вопросы. Прежде всего надо внести ясность в интерпретацию предлагаемого обозначения. Е.А. Хелимский пишет, что тоймская ветвь «в южной части бассейна Северной Двины... примерно соответствует “севернофиннам” А.К. Матвеева и заволочской чуди» [Хелимский 2006: 39]. Но «севернофинские языки» – термин условный, обозначающий еще не идентифицированные языки РС, которые содержат компоненты, имеющие соответствия в прибалтийско-финских и саамских языках, вместе с тем обнаруживая определенную близость с волжско-финскими и пермскими языками, а также имеют свою собственную специфику, т.е. это языки субстратной топонимии РС, которые мы не можем определенно считать прибалтийско-финскими или саамскими, причем соотношение прибалтийско-финских, саамских, волжско-финских и иных параллелей в них может быть различным. Таким образом, в нашем понимании термин «севернофинские языки» имеет временный методический статус. В дальнейшем этот термин может и не понадобиться или получить другое значение. Однако территориально эти языки действительно связаны прежде всего с юго-востоком РС, хотя, например, язык гидронимии на *Vn(b)ga*¹, будучи одним из таких севернофинских языков, иррадиировал далеко на север и северо-запад. Возникает вопрос, можно ли называть язык самого распространенного гидронимического типа региона по жителям бассейнов небольших рек, даже если на них обитала некая особая этническая общность (*тоймичи поганые*). К севернофинским же безоговорочно надо относить язык гидрони-

¹ Может быть, языки гидронимии на *Vn(b)ga*.

мии на V_2 в бассейне реки Юг, ареал которого также намного превышает зону тоймской топонимии.

Отсюда следует, что термин «севернофинский» по своему содержанию никак не может быть соответствием для «тоймский». Он намного шире и по языковому континууму и территориально, поскольку древние тоймичи населяли лишь ничтожную часть севернофинского ареала. Вполне возможно, что тоймичи говорили на каком-то севернофинском языке, но их топонимия как единый комплекс пока не изучалась. Своя специфика в языке тоймичей, очевидно, была, однако гидроним *Тойма* встречается и в других местах РС, а также и за его пределами, причем А.И. Попов считает первичным этноним *тойма*, а его носителей – финно-угорским племенем пермского типа [Попов 1965: 57–59].

Все это в совокупности не позволяет считать целесообразным перенос наименования *Тойма* > *тоймский* на всю обширную зону распространения севернофинских языков. Но этот термин может использоваться в собственном прямом смысле для обозначения языка (диалекта) древних насельников бассейнов рек Верхняя и Нижняя Тойма в независимости от того, окажется ли данный язык севернофинским или пермским. Следует, однако, подчеркнуть, что неоднократно цитируемое место из «Слова о погибели Русской земли» о расселении поганых тоймичей (см. также [Хелимский 2006: 39]) можно понимать по-разному: или они занимали всю территорию от Корелы до Устья (это явно не соответствует действительности), или жили где-то на этой территории, или обитали около Устья (это скорее всего).

Сходная ситуация сложилась и на Пинеге, где по ее притоку реке *Сура* обитала тоже упоминаемая в древнерусских источниках *сура поганая*. Возможно, и существовал какой-то *сурский* диалект, но было бы ошибкой переносить этот термин на

весь пинежский регион, а юго-восток РС еще обширнее. Как *тоймичи поганные*, так и *сура поганая* – типичные микроэтнонимы, указывающие на язычество местного населения, обитавшего в определенном микрорегионе (по какой-либо реке), которое могло, разумеется, иметь свое наречие, но могло и пользоваться каким-нибудь широко распространенным языком или его диалектом. Все это – предмет будущих разысканий.

Мерянская ветвь в северно-западную группу финских языков включается Е.А. Хелимским со справедливой оговоркой, что это небесспорно. Действительно, монография О.Б. Ткаченко [Ткаченко 1985] о мерянской лексике русских говоров основана на очень пестрых фактах, во многом некритически воспринятых, что обусловило и проблематичность выводов. Многочисленные статьи А. Альквист [Альквист 1997, 2000а, 2000б, 2001 и др.], посвященные мерянской субстратной топонимии, несмотря на ряд отдельных ценных наблюдений, не содержат каких-либо более или менее аргументированных выводов о природе мерянского языка. Кое-какие надежные результаты, правда, уже получены, и они могут служить своего рода точкой отсчета для будущих исследований. Так, установлено, что: 1) мерянский язык – финский, но на обширной мерянской территории топонимия очень пестра и может принадлежать разным языкам и диалектам; 2) восточномерянская территория по некоторым топонимическим показателям отличается от западномерянской; 3) есть общие черты, объединяющие мерянскую и севернофинскую топонимию; 4) имеются интересные параллели между мерянскими и саамскими названиями (на что указывал в свое время и А.И. Попов [Попов 1974: 26]). Но это соображения самого общего характера, поэтому до решения мерянской проблемы вопрос о связи мерянского языка с прафинно-саамским может считаться только постановочным.

Сейчас актуально решение двух частных, но немаловажных для лингвоэтнической идентификации мерянской топонимии вопросов – о происхождении ойконимов на *бал*, *бол* на мерянской территории и гидронимов на *ингирь* в восточномерянской зоне.

Традиционно ойконимы на *бал*, *бол* в мерянском ареале более или менее удачно объясняются из марийского языка, во всяком случае, лучших этимологий пока никто предложить не мог. Попытка А.Л. Шилова [Шилов 2001: 17–24] осуществить массовую этимологизацию названий этого типа путем привлечения данных субстратной топонимии РС и разных финских языков была полезной, но интерпретация названий, распространенных от Мезени до Оки, без учета географии (расположенных по алфавиту, как в статье А.Л. Шилова), способна в конечном счете дать только самый общий результат, что это финские в широком смысле топонимы. Для решения мерянской проблемы должна привлекаться первоначально только топонимия исторических мерянских земель, которую затем можно сопоставить с аналогичными названиями РС. Смещение же ареалов непродуктивно.

Гидронимы на *ингирь* А.И. Попов считал поздним марийским наслоением [Попов 1974: 24–25]. К этой точке зрения присоединилась А. Аלקвист [Аלקвист 1997: 30–31], которая не исключает, однако, «возможное наличие данного географического термина, например, в северных и восточных диалектах мерянского языка» [Аלקвист 1997: 31]. Е.А. Хелимский поддерживает предположение А.И. Попова [Хелимский 2006: 39].

При решении этого вопроса необходимо учитывать следующее: 1) на восточномерянской территории зафиксированы этнотопонимы, образованные от этнонима *меря*, типично мерянские детерминанты (*бал*, *бол*) и основы (*вёкс*, *яхр*); 2) на восточномерянской территории, кроме названий на *ингирь* (*Ингирь*), не

выявлены топонимы, форманты которых можно было бы интерпретировать как марийские, что для адстратной ситуации необычно; 3) некоторые гидронимы на *ингирь* имеют убедительные соответствия не в марийской, а в мерянской топонимии, ср. *Ух-тынгирь* ~ *Ухтубуж*, *Шачингирь* ~ *Шачебол* и особенно недавно выявленное ТЭ *Печенгирь* ~ *Печегда* с основой *печ* «сосна» (пра-саам. **peśē*, морд. **piŋše*), отличающейся от мар. *пүнчō* «сосна». Поэтому, видимо, не стоит сомневаться в функционировании термина **iŋir* в восточномерянском языке (диалекте), особенно учитывая распространение названий этого типа не только в западной части Костромской области, но и в Ивановской и Владимирской областях, т.е. там, где пребывание древних марийцев вообще проблематично.

Существование еще одной ветви северо-западных финских языков – тверской – обосновывается единственным примером: рус. твер. *ви́ша*, *вишь* «речная зелень» ~ фин.-угор. **wiŝa* «яд; зеленый» > приб.-фин. *viha* «ненависть» с сохранением **š* (> приб.-фин. *h*) [Хелимский 2006: 39–40]. Это сопоставление примечательно, но одного лексического заимствования все-таки недостаточно для предположения о существовании особой тверской ветви в северо-западной группе финских языков, тем более что в этом случае нельзя исключить обычное обратное словообразование на русской почве (**viha* > **виха* > **вишка* > *виша*, *вишь*). Кроме того, следует учитывать и многочисленные факты тверской и новгородской субстратной топонимии, в частности распространение на территории Тверской области и даже севернее – в Новгородской области географических названий финно-угорского типа, тяготеющих по своим фонетическим и структурным характеристикам к зоне исторических мерянских земель, ср. гидронимы *Верегжа*, *Колошка* (< ? *Колокша*), *Корокса*, *Менекша*,

Мологжа, Порогжа и т.п. и *Верекса, Колокса, Колокша, Молокса, Молокша* и т.п. в мерянских и смежных с ними землях. Может быть, названия такого рода как раз и помогут выделить искомую тверскую ветвь, но для начала следовало бы отделить их от мерянских или объединить с ними, а также решить вопрос о связи тех и других с субстратной топонимией РС.

В заключение несколько слов о предлагаемой терминологии в целом. Оба обозначения вновь выделяемой группы финно-угорских (или финских) языков – северо-западная и верхневолжская – не представляются удачными. Прилагательное *северо-западный* создает трудности с производными. Уже с этой точки зрения термин «(пра)северо-западнофинский» язык не кажется находкой. Кроме того, он вызывает определенные ассоциации с употребляемым за рубежом (а иногда и у нас) термином «западнофинские» (нем. *westfinnisch*) в смысле «прибалтийско-финские языки» и образует нелогичный ряд: северо-западные, марийские, мордовские, пермские языки (или, если использовать «забраксованный» термин «волжско-финские языки»: северо-западные, волжско-финские, пермские языки). В любом случае классификация непоследовательна, так как смешиваются генетический и географический принципы членения языкового континуума. Не лучше и термин «верхневолжские языки»: как по вышеизложенным причинам, так и потому, что марийские и мордовские языки также относятся к верхневолжскому региону.

Если выделение северо-западной группы финских языков будет апробировано (и даже если окажется, что их членение сложнее, чем сейчас предполагается), то, может быть, приемлемее будет следующая терминологическая схема: севернофинские языки (термин, как уже указывалось, «свободен»), соответствующие северо-западным языкам Е.А. Хелимского и географиче-

ски привязанные к северу Восточной Европы (Фенноскандии и Русскому Северу), который традиционно противопоставлен русскому Северо-Западу, восточнофинские (пермские) языки (термин уже употреблялся) и южнофинские (мордовские, марийские). Объединение мордовских и марийских языков проблематично, но в остальных отношениях это терминологическое построение кажется более удобным. Вопрос, разумеется, дискуссионен.

6. Заключение

В топонимической этимологии «фактор риска», связанный прежде всего со случайными совпадениями, особенно велик. Несомненно, есть ошибочные этимологии и в этой книге, а соответственно могут быть и неверные обобщения. Надо надеяться, что многое исправят или уточнят последующие разыскания. Но уже ясно: чем больше углубляться в эту проблему, тем властнее новая информация, привлекая к себе внимание и лингвистов и историков, будет стимулировать дальнейшее изучение СТРС.

Самое главное, что «заговорил» древнейший источник для изучения истории финно-угорских и – шире – уральских языков. Кладезь СТРС подтверждает многочисленные этимологические реконструкции не только на финно-волжском и финно-пермском уровнях, реальность которых проблематична, но и на финно-угорском и уральском, что намного существеннее. В этом отношении особенно впечатляет архаика гидронимов на *Vn(b)ga*. Нет сомнения, что изучение СТРС значительно расширит сравнительную базу и будет способствовать уточнению уже имеющихся реконструкций и появлению новых.

В то же время те реконструкции, которые раньше стали достоянием науки (например, в UEW), помогают интерпретиро-

вать «темные» названия корпуса СТРС в случаях, когда данные живых финно-угорских языков недостаточны. Так, гидроним *Пыльменьга (Пильменьга)* > Покшеньга > Пинега (Арх, Пин) возвести непосредственно к фин. *pimeä*, коми *пемыд* «темный» не позволяет фонетика, а к удм. *пеймыт* «то же» еще и география, однако урал. **piʕme* «темный» [UEW: 381] снимает все вопросы. Подобным же образом название реки *Шухтаньга* > Ваеньга > Сев. Двина (Арх, Вин) невозможно связывать прямо с фин. *huhta* «подсека», «пожог», эрз. *чувто*, мокш. *иуфта* «дерево». Но и в этом случае фин.-волж. **šukta* «вид дерева» [UEW: 788] помогает решить проблему, хотя реконструкция семантики спорна.

Эта часть монографии адресована в первую очередь исследователям прибалтийско-финских и саамских языков и народов, с которыми преимущественно связаны наиболее распространенные типы субстратной топонимии РС. В процессе ее подготовки многие из ранее высказанных предположений подтвердились, но возникли и новые проблемы.

Устанавливая происхождение субстратных топонимов, мы стремились по мере возможности реконструировать хотя бы некоторые характеристики субстратных языков, опираясь на уже апробированные факты. Дальнейшие связи слов, из которых составлены эти топонимы, как финно-угорских, но сохранившихся лишь в немногих языках, так и чужеродных, заимствованных или субстратных, представлялись пока менее значимыми, тем более что они затемняют, а нередко даже запутывают и без того сложную процедуру этимологизации топонимов. С другой стороны, именно результаты изучения СТРС могут оказать помощь в установлении происхождения таких слов.

Исследование СТРС свидетельствует, что обширные пространства Фенноскандии и Русского Севера первыми из финно-

угров освоили саамы и их сородичи, которые пока условно именуются севернофиннами. На западе саамы ассимилировали арктические племена протосаамов со всеми уже хорошо известными последствиями. Возможно, что и на РС саамское население наслось на какие-то более древние племена, хотя сколько-нибудь заметные следы этих первопоселенцев в топонимии пока не выявлены. С течением времени саамы РС все более отдалялись в этническом и языковом отношении от саамов Фенноскандии. Однако русское освоение зафиксировало их язык еще в весьма архаической форме.

По всей видимости, древние саамские и севернофинские племена некогда занимали огромную территорию, которая, может быть, простиралась от Фенноскандии до Уральских гор. Современные саамы являются уцелевшей ветвью этой лингвоэтнической группы, которая оставила свои следы на РС. Соответственно становится ясным, что модель раннеприбалтийско-финского языка может оказаться недостаточной: саамские наречия Фенноскандии были связаны с саамскими диалектами РС и севернофинскими языками, а через них и с финскими языками Верхнего Поволжья. Автор разделяет соображения Е.А. Хелимского о том, что новые данные позволят уточнить классификацию финских (у Хелимского – финно-угорских) языков и что такими терминами, как *прафинно-саамский* и тем более *раннеприбалтийско-финский* надо пользоваться с осторожностью.

В СТРС отражено древнее состояние саамских диалектов, доказывающее, что саамы в своих истоках такой же финский этнос, как прибалтийские финны, и что воздействие протосаамского субстрата не было определяющим фактором эволюции их языка. Исследование СТРС свидетельствует также, что некогда на РС существовала мощная группировка родственных севернофин-

ских языков, в той или иной степени генетически связанных как с прибалтийско-финскими, так и с саамскими наречиями. Определенное место в языках севернофиннов, по-видимому, занимал и волжско-финский компонент, близкий к марийскому или мерянскому. Соотношение «составных частей» СТРС еще предстоит устанавливать, причем близость севернофинских языков и неполнота источников будут серьезным препятствием при решении этой задачи.

Все более существенными, естественно, становятся вопросы топонимической стратиграфии. В первую очередь это касается названий на $V_2(a)$ и $V_n(b)ga$. В пределах ареала V_2 названия на $V_n(b)ga$ являются более древними, поскольку по своей структуре они не могут восходить к наименованиям на V_2 , но считать, что все гидронимы на $V_n(b)ga$ древнее названий на $V_2(a)$ затруднительно, так как у гидронимов с этими формантами много общих черт. С другой стороны, необходимо учитывать, что четкая граница между V_2 и V_2a и наличие в самостоятельном употреблении «речных» терминов $Ю_2$, $Ю_2ga$ свидетельствуют о их синхронности, тогда как названия на $V_n(b)ga$, по крайней мере в пределах важско-финского ареала, в звуковом отношении архаичнее (древнее $*\acute{s}$, основа $*jagr / *j\ddot{a}gr$). Поскольку нет фиксаций $V_n(b)ga$ в самостоятельном употреблении и многочисленны трудности в этимологизации названий с этим формантом, очевидно, что в своем большинстве гидронимы на $V_n(b)ga$ древнее.

Если признать, что названия на V_2a и $V_n(b)ga$ в большинстве случаев принадлежат разным этносам, возникает вопрос, как объяснить довольно многочисленные параллели между ними. По-видимому, это обусловлено их значительной исходной близостью, а также освоением многих лексем из языка $V_n(b)ga$ языком V_2a по крайней мере там, где частотны гидронимы обоих типов.

Примечательно, что и формант *Има*, характеризующий один из самых распространенных гидронимических типов РС и имеющий много общих основ с названиями на *И_н(ь)га*, не встречается в самостоятельном топонимическом употреблении. Это со своей стороны указывает на древность гидронимов на *И_н(ь)га*, а также свидетельствует против их генитивного происхождения. Малочисленность названий с формантами *Ига* и *И_н(ь)га* в Белозерском крае говорит о том, что типичный для белозерской территории ареал *бой* ареально коррелирует с ними.

Необходимо иметь в виду, что названия на *Ига* не только могут восходить к разным источникам, но и что эти источники разновременны. Среди названий на *Ига* есть прибалтийско-финские гидронимы (с *х* – анлаутом) в Прионежье, саамские на северо-востоке РС, трудные для идентификации в Поважье. Все они образуют многочисленный, сложный и, видимо, разновременный адстрат, причем смешение было усилено русской адаптацией. Но этот адстрат создавался близко родственными финскими языками, в которых понятие «река» обозначалось общим термином в разных звуковых вариантах, которые легко взаимодействовали друг с другом. Обособленность и «чистота» ареала *Иг* на юго-востоке РС обусловлены как раз серьезными фонетическими изменениями в этом форманте, который уже не мог с легкостью взаимодействовать с типом *Ига* (< **IgI*), где такое взаимодействие было обычным. Общепонятностью форманта *Ига* и его распространенностью объясняется и факт наименования больших рек гидронимами на *Ига* (*Онега*, *Пинега*). В сущности только Белозерье с формантом *бой* выходит за пределы распространения этого адстрата.

С проблемой стратиграфии непосредственно связан и сложный вопрос о заимствованиях в языках СТРС. Так, уже ут-

вердился взгляд, что фин. *pirtti* и мар. *nõpm* являются не балтийскими, а славянскими заимствованиями, точнее, русскими, т.е. очень поздними [SSA 2: 374]. Но в основных гидронимических типах и вообще в СТРС очень широко представлена основа *перм*, несомненно, имеющая значение «изба» (см. подробности [Матвеев 1970: 430–493]), т.е. она явно функционировала в СТРС до русской колонизации. Видимо, этимология соответствующих финских слов потребует нового осмысления.

О балтийском, германском и русском компоненте в СТРС автору уже приходилось писать [Матвеев 1969: 53]. Важно, что древние германские и более поздние скандинавские заимствования встречаются и в севернофинской гидронимии, ср. *Вовданга* ~ прасаам. **viioviē* «лес» (< герм.), *Воченга* ~ прасаам. **viioššo* «узкое водяное болото» (< герм.), *Пуйдуга* ~ прасаам. **puojtē* «жир» (< герм.), *Калчуг* ~ прасаам. **kālčō* «ракovina» (< сканд.) и т.п. [Aikio 2006: 11–14]. Тема эта, конечно, заслуживает специальной разработки. Здесь только заметим, что древние германские и скандинавские заимствования выявлены и в саамском языке (см. [Aikio 2006]). Поэтому фиксация лексем такого рода в севернофинских языках не должна озадачивать. Эти заимствования свидетельствуют о древности севернофинской гидронимии, а также о том, что ее создатели тем или иным образом входили в сферу древнегерманского (а затем древнескандинавского) влияния, подобно прибалтийским финнам и саамам Фенноскандии.

Разумеется, во многих случаях очень трудно установить, откуда заимствовано слово. Это, в частности, касается лексем, связанных с религией (*Попьюга*, *Рыстюг*), которые могут восходить как к балтийским и германским, так и к русским источникам. Для различения адстратных элементов и уточнения топонимов

мической стратиграфии большое значение имеют две важные ареальные оппозиции СТРС.

Первая оппозиция – противопоставление $V_{2a} - V_2$. Ареал V_2 на юго-востоке РС очень показателен потому, что на русской почве переход $V_{2a} > V_2$ маловероятен ($V_2 > V_{2a}$ намного более возможен), вариант V_{2a} в пределах V_2 не встречается (переходная зона не должна приниматься во внимание) и «речной» детерминант *юг* засвидетельствован в самостоятельном топонимическом употреблении (*Юг*). Отсюда следует, что конечный гласный детерминанта действительно был утрачен в языке-источнике.

Очень важно, что в гидронимах на V_2 при односложном форманте всегда фиксируются и односложные основы. Это предопределяет невозможность использования генитивного форманта *n*, который должен был бы осложняться гласным, так как основы названий на V_2 почти всегда оканчиваются на согласный.

Детерминант *сур* в названиях нескольких рек, протекающих в пределах ареала V_2 , со своей стороны подтверждает тенденцию к утрате конечных гласных и односложности основ, характерную для гидронимов на V_2 (в зоне V_{2a} ему соответствует ареал *сора, сара*)¹, а также, кроме того, и тенденции к сужению и лабиализации гласных. Формант *сур* точно соответствует саам. Кильдин *sūrr* (при прасаам. **sōrē* «ветвь» и фин. *haara* «то же») [YS: 128–129]. На фоне этих коррелятов находящиеся в пределах ареала V_2 гидронимы на $Vn(b)_{2a}$ типа *Кичменьга, Шарженьга* и т.п. выглядят совершенно чужеродными.

¹ Чередование *сора ~ сур* в детерминантах со значением «ветвь» наглядно свидетельствуют о необходимости считаться с развитием **ō > ū (u)* в СТРС. Условия этого перехода еще надо уточнять. Возможно, он имел место в языке-источнике (ср. прасаам. **ō > ū* в кильдинском диалекте), но мог произойти и на русской почве.

Второе противопоставление создается изоглоссой, отделяющей северную часть РС с его саамскими названиями от юго-восточной с важско-финской и южанской гидронимией. Основной массив важско-финских гидронимов на *Vn(b)ga* ограничен этой изоглоссой с севера. Однако за ее пределы, особенно на северо-запад и далее в Карелию и на Кольский полуостров, иррадиировали довольно многочисленные названия на *Vn(b)ga*, свидетельствующие о важско-финской экспансии в Беломорье. Они позволяют отождествить носителей этой гидронимии с легендарной чюдью, длительное время враждовавшей с саамами. Термин *чудской язык* применительно к названиям на *Vn(b)ga* представляется все-таки неприемлемым вследствие своей многозначности.

Названия на *Vn(b)ga*, а также на *Vga*, *Vma*, находящиеся за пределами РС, разумеется, заслуживают внимания, но, как уже было сказано, должны быть предметом особого рассмотрения с учетом лингвоэтнического окружения и специфики местной адаптации.

Отдельную проблему представляет и возможность объяснения части названий на *Vg(a)* из пермских языков. Для ареала *Vg* эта возможность по многим соображениям должна быть отвергнута, несмотря на структурное сходство названий на *Vg* с пермскими топонимами (см. 3.3). Больше оснований видеть пермские названия в некоторых гидронимах на *Vga* в бассейнах Мезени и Пинеги, однако и здесь пермским этимологиям, как правило, противостоят альтернативные – прибалтийско-финские, саамские и марийские. Совершенно исключить пермскую версию пока все-таки нельзя, хотя против нее многое, прежде всего отсутствие других достаточно частотных пермских топонимических типов и дифференцирующих основ. В то же время несомненно, что коли-

чество гидронимов, которые могут интерпретироваться как пермские, возрастает к востоку от Сев. Двины.

Особенно привлекает внимание ученых ареал *важ*, *веж* и т.п. на юго-востоке РС. Я. Саарикиви считает его пермским, ссылаясь на этимологии основ, которые, однако, не приводятся [Saarikivi 2006: 32]. Названия на *важ*, *веж* и т.п. этимологизируются с трудом из-за консонантного зачина форманта, обуславливающего изменения в анлауте основ. Несмотря на «тоймский» ареал форманта (СТРС I, карта 3), и в этом случае многое против пермской версии, в частности, неоднократно зафиксированные гидронимы *Ухваж*, *Ухтаж* (< **Ухтваж*), которые необъяснимы из пермских языков, а в ареальном отношении коррелируют с названиями *Уфтюга* ~ *Ухтюга* (см. 4.2.).

От гидронимов на *Vga* и *Vn(b)ga* – прямой путь к изучению названий рек с формантом *Vma* (ср. *Елюга* ~ *Еленьга* ~ *Елема*, *Костюга* ~ *Костанга* ~ *Костима* и т.п.), о чем автор уже писал ранее [Матвеев 1997: 38]. Установлены и некоторые другие связи между гидронимическими типами, которые могут в свою очередь послужить основой для дальнейших разысканий. Так, можно с уверенностью говорить о корреляции гидронимов с формантами *Vn(b)ga* и *Vui* (*Ваманга* ~ *Вамыш*, *Вондонга* ~ *Вондыш*, *Маленьга* ~ *Малиш*, *Мехреньга* ~ *Мегриш*, *Яхреньга* ~ *Ягрыш* и т.п.). Реже фиксируются параллели между *Vga* и *Vui* (*Котлюга* ~ *Котлыш*). Поскольку *Корбыш* находится рядом с *Корбанга*, а *Юрмыш* – рядом с *Юрманга*, обозначая меньшие по величине реки, есть основание думать, что *Vui* – диминутивный суффикс. Но одновременно возникает вопрос, не русского ли происхождения этот формант (ср. *малыш* и т.п.). У названий на *Vga* и *Vn(b)ga* есть соответствия и в наименованиях на *Vksa* (*Варзокса*, *Котлакса*, *Маймакса* и т.п.). Гидронимы на *Vn(b)ga* имеют общие

основы с белозерскими названиями на *бой*, *буй*, ср. *Анданга* ~ *Андобой*, *Коченьга* ~ *Кочебой*, *Петеньга* ~ *Петобой* и т.п., что еще раз свидетельствует об особом положении белозерских саамов и их языка. Это лишь отдельные примеры. Таких параллелей много, и каждая группа соответствий заслуживает специальной этимологической разработки и последующего осмысления, поскольку в обширном ареале СТРС очень многое взаимосвязано.

Воздерживаясь от сколько-нибудь широких историко-этнографических обобщений, заметим, что субстратная гидронимия свидетельствует об охотничье-рыболовецком образе жизни древнейшего населения РС. Есть также некоторые указания на оленеводство. На юге региона, возможно, уже развивались и другие формы скотоводства. Об этом свидетельствуют гидронимы, содержащие информацию о заготовке сена (*Авнега*, *Авнюга*, *Сабренъга*, *Совега*, *Совьюг* и т.п.). Они, как правило, находят объяснение в прибалтийско-финских языках.

СТРС представляет собой огромный массив родственных названий, объединенных языковыми и диалектными отношениями, а также ареальными связями, и кардинально измененный русской адаптацией. Сейчас установлены только общие черты и изучены отдельные фрагменты этой сложной системы. Решение проблемы в целом осуществится только тогда, когда эти фрагменты удастся свести воедино и в сложной мозаике не будет пустот и фальши. При этом очень важным фактором станут результаты изучения географических названий соседних территорий, особенно карельской, субстратная топонимия которой во многих случаях аналогична наименованиям РС, и верхневолжской, также имеющей с ними много общего. Анализ гидронимов на *Vz(a)* и *Ип(ь)га*, осуществленный в этой книге, только одна из многочис-

ленных ступенек в решении сложной проблемы происхождения СТРС.

Библиография

- Альквист 1997 – Альквист А. Мерянская проблема на фоне многослойности топонимии // ВЯ. 1997. №. 6.
- Альквист 2000a – Альквист А. Меряне, не меряне... (I) // ВЯ. 2000. №. 2.
- Альквист 2000б – Альквист А. Меряне, не меряне... (II) // ВЯ. 2000. №. 3.
- Альквист 2001 – Альквист А. Субстратная топонимия Ярославского Поволжья // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и Финны / Под ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. СПб., 2001.
- Афанасьев 1976 – Афанасьев А.П. «Волоковая» лексика на водных путях Поволжья и Европейского Севера // Топонимика и историческая география. М., 1976.
- Богданов 1951 – Богданов Н.И. К истории вепсов (по материалам топонимики) // Известия Карело-Финского филиала Академии наук СССР, № 2. Петрозаводск, 1951.
- Веске 1890 – Веске М.П. Славяно-финские культурные отношения по данным языка // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете. Т. VIII, вып. 1. Казань, 1890.

- Востриков 1979 – Востриков О.В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья. Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1979.
- Глинских, Матвеев 1975 – Глинских Г.В., Матвеев А.К. Материалы по мансийской топонимике. I // Вопросы ономастики. № 10. Свердловск, 1975.
- Грот 1876 – Грот Я.К. Заметка о названиях мест // Филологические разыскания, 1. СПб., 1876.
- Грузов 1965 – Грузов Л.П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола, 1965.
- Грузов 1969 – Грузов Л.П. Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969.
- Дмитриева 2005 – Дмитриева Т.Н. Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург, 2005.
- Дульзон 1960 – Дульзон А.П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики // XXV международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.
- Европеус 1868 – Европеус Д.П. К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян // ЖМНП, 1868. Т. 139, июль.
- Европеус 1874 – Европеус Д.П. Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних их жителей. СПб., 1874.
- Казаков 1949 – Казаков А.Н. О географических названиях Ловозерских тундр на Кольском полуострове // Уч. зап. Ленингр. ун-та, № 124. Серия географ. наук, вып. 6. Л., 1949.

- Керт, Мамонтова 1982 – Керт Г., Мамонтова Н. Загадки карельской топонимики. Петрозаводск, 1982.
- Кузнецов 1994 – Кузнецов А.В. Грязовецкие топонимические этюды // Городок на Московской дороге. Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1994.
- Кузнецов 2001 – Кузнецов А.В. Русские названия рек, ручьев и озер Тотемского района (Топонимический словарь) // Тотьма. Краеведческий альманах. Вып. II. Вологда, 2001.
- Кузнецов 1910 – Кузнецов С.К. Русская историческая география. Вып. I. М., 1910.
- Лыткин 1957 – Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка. Часть первая. Введение. Фонетика. Сыктывкар, 1957.
- Макаров 1997 – Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI-XIII вв. М., 1997.
- Мамонтова 1982 – Мамонтова Н.Н. Структурно-семантические типы микротопонимии ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район). Петрозаводск, 1982.
- Мамонтова, Муллонен 1991 – Мамонтова Н., Муллонен И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.
- Матвеев 1960 – Матвеев А.К. Историко-этимологические разыскания // Уч. зап. Уральск. ун-та. Вып. 36. Языкознание. Свердловск, 1960.
- Матвеев 1963 – Матвеев А.К. О некоторых севернорусских топонимических типах // Лингвистический сборник. Вып. I. Свердловск, 1963.
- Матвеев 1964a – Матвеев А.К. К проблеме происхождения севернорусской топонимики // Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. М.-Л., 1964.

- Матвеев 1964б — Матвеев А.К. О древнем расселении самодийцев по данным топонимики // Топонимика Востока. Новые исследования. М., 1964.
- Матвеев 1968 — Матвеев А.К. Пермские элементы в субстратной топонимике Русского Севера // СФУ. 1968. № 1.
- Матвеев 1969 — Матвеев А.К. Происхождение основных пластов субстратной топонимии Русского Севера // ВЯ. 1969. № 5.
- Матвеев 1970а — Матвеев А.К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1970.
- Матвеев 1970б — Матвеев А.К. Термины земледелия и животноводства в субстратных прибалтийско-финских топонимах территории севера Европейской части СССР // Вопросы топониматики. Вып. 4. Уч. зап. Уральск. ун-та. № 90. Серия филологическая, вып. 11. Свердловск, 1970.
- Матвеев 1970в — Матвеев А.К. Угорская гипотеза и некоторые проблемы изучения субстратной топонимики Русского Севера // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. V. Йошкар-Ола, 1970.
- Матвеев 1974 — Матвеев А.К. К этимологии коми-зыр. *вис-* (*виск-*) // Acta linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. Т. 24., f. 1-4. Budapest, 1974.
- Матвеев 1978 — Матвеев А.К. Русск. диал. *чильма* // Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978.
- Матвеев 1995 — Матвеев А.К. Костромское *Андоба* (к мерянской этимологии) // Вопросы региональной лексикологии и ономастики. Вологда, 1995.
- Матвеев 1996 — Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // ВЯ. 1996. № 1.

- Матвеев 1997 – Матвеев А.К. К лингвоэтнической идентификации финно-угорской субстратной топонимии // Балто-славянские исследования 1988-1996. М., 1997.
- Матвеев 1998 – Матвеев А.К. Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен? // ВЯ. 1998. № 5.
- Матвеев 2000а – Матвеев А.К. Топонимические поиски I // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 1. Екатеринбург, 2000.
- Матвеев 2000б – Матвеев А.К. Топонимические этимологии. XII // Этимология 1997–1999. М., 2000.
- Матвеев 2001 – Матвеев А.К. Мерянская проблема и лингвистическое картографирование // ВЯ. 2001. № 5.
- Матвеев 2003 – Матвеев А.К. Основа чёлм- и ее корреляты в субстратной топонимии Русского Севера // Прибалтийско-финское языкознание. Сборник статей, посвященных 80-летию Г.М. Керта. Петрозаводск, 2003.
- Матвеев 2005 – Матвеев А.К. Субстратная финно-угорская топонимия на Севере Европейской России // Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Joshkar-Ola 15.08-21.08. 2005. Pars I. Orationes plenariae. Joshkar-Ola, 2005.
- Матвеев 2006 – Матвеев А.К. Ономатология. М., 2006.
- Михайлов 1868 – Михайлов А. Очерки природы и быта Беломорского края России. Охота в лесах Архангельской губернии. СПб., 1868.
- Муллонен 1988 – Муллонен И.И. Гидронимия бассейна реки Ояти. Петрозаводск, 1988.
- Муллонен 2002 – Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

- ОФУЯ 1974 – Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974.
- ОФУЯ 1975 – Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. М., 1975.
- ОФУЯ 1976 – Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976.
- Попов 1947 – Попов А.И. Из истории финно-угорских народностей. Часть 1. Дис. ... докт. ист. наук. Л., 1947.
- Попов 1949 – Попов А.И. Материалы по топонимике Карелии // Советское финно-угроведение. V. Петрозаводск, 1949.
- Попов 1964 – Попов А.И. Основные принципы топонимического исследования // Принципы топонимики. М., 1964.
- Попов 1965 – Попов А.И. Географические названия (введение в топонимику). М.-Л., 1965.
- Попов 1974 – Попов А.И. Топонимика древних мерянских и муромских областей // Географическая среда и географические названия. Л., 1974.
- Поспелов 1967 – Поспелов Е.М. Картографирование как метод исследования субстратной топонимии // ВЯ. 1967. № 1.
- Поспелов 1970 – Поспелов Е.М. Метод географических терминов в анализе субстратной топонимии Севера // Местные географические термины. Вопросы географии. № 81. М., 1970.
- Рябинин 1997 – Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. Историко-археологические очерки. СПб., 1997.

- Саарикиви 2003 – Саарикиви Я. Прибалтийско-финская топонимия в субстратных названиях Русского Севера: перспективы изучения // Этимологические исследования. Вып. 8. Екатеринбург, 2003.
- Саваткова 1969 – Саваткова А.А. Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола, 1969.
- Серебренников 1966 – Серебренников Б.А. О гидронимических формантах *-ньга*, *-юга*, *-уга* и *-юг* // СФУ. 1966. № 1.
- Серебренников 1967 – Серебренников Б.А. О потенциально возможных названиях рыб в субстратной гидронимике Русского Севера // СФУ. 1967. № 3.
- Серебренников 1968 – Серебренников Б.А. Всякое ли внешнее сопоставление недопустимо? // СФУ. 1968. № 1.
- Серебренников 1974 – Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
- Смирнов 1891 – Смирнов И.Н. Пермь. Историко-этнографический очерк // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском ун-те. Т. IX, вып. 2. Казань, 1891.
- Соллертинский 1922 – Соллертинский Е. Река Кубина. Географический очерк. Вологда, 1922.
- Ткаченко 1985 – Ткаченко О.Б. Мерянский язык. Киев, 1985.
- Хайду 1985 – Хайду П. Уральские языки. М., 1985.
- Хелимский 2006 – Хелимский Е.А. Северо-западная группа финно-угорских языков и ее субстратное наследие // Вопросы ономастики, № 3. Екатеринбург, 2006.
- Шилов 2001 – Шилов А.Л. О мерянских топонимических индикаторах (голос в дискуссии) // ВЯ. 2001. № 6.
- Ahlqvist 1887 – Ahlqvist Aug. Kalevalan karjalaisuus. Kalevalasta itsestään ja muualta. Helsingissä, 1887.
- Aikio 2006 – Aikio A. On Germanic-Saami contacts and Saami prehistory // JSFOu. 91. Helsinki, 2006.

- Castrén 1862 – Castrén M.A. Bemerkungen über sawolotsches-kaja Tschud // Nordische Reisen und Forschungen. V. Kleinere Schriften. VII. SPb., 1862.
- Itkonen 1931 – Itkonen T.I. Lappische Lehnwörter im Russischen // Suomen Tiedeakatemia toimituksia. Band XXVII. Helsinki, 1931.
- Kalima 1919 – Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // MSFOu., XLIV. Helsinki, 1919.
- Kalima 1935 – Kalima J. Neuere Forschungen über baltisch-finnische und finnisch-slavische Beziehungen. Zu dem westfinnischen geographischen Namen in Rußland // Zeitschrift für slavische Philologie. Band XII. Doppelheft 1/2. Leipzig, 1935.
- Kalima 1946 – Kalima J. Über die Erforschung russischen Ortsnamen fremden Ursprung // Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften 1945. Helsinki, 1946.
- Korhonen 1981 – Korhonen M. Johdatus lapin kielen historiaan // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 370. Helsinki, 1981.
- Räsänen 1920 – Räsänen M. Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen // MSFOu., XLVIII. Helsinki, 1920.
- Saarikivi 2004 – Saarikivi J. Über das saamische Substratnamengut in Nordrußland und Finnland // Finnisch-Ugrische Forschungen. Band 58. Heft 1-3. Helsinki. 2004.
- Saarikivi 2006 – Saarikivi J. On the Uralic substrate toponymy of Arkhangelsk region: problems of research methodology and ethnohistorical interpretation // Sustrata Uralica. Studies on Finno-Ugrian substrate in northern Russian dialects. Tartu, 2006.

- Sauvageot 1958 – Sauvageot A. A propos de certains noms de lieux de Russie septentrionale // UAJb., XXX. Wiesbaden, 1958.
- Sjögren 1861 – Sjögren J.A. Die Syrjänen, ein historisch-statistisch-philologischer Versuch // Gesammelte Schriften. Band I. Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. VII. SPb., 1861.
- Uotila 1933 – Uotila T.E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen // MSFOu., LXV. Helsinki, 1933.
- Vasmer 1934 – Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern // SPAV. Phil.-hist. Klasse, XVIII. Berlin, 1934.
- Vasmer 1935 – Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen // SPAV. Phil.-hist. Klasse, XIX. Berlin, 1935.
- Vasmer 1936 – Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. IV. Die ehemalige Ausbreitung der Lappen und Permien in Nordrussland // SPAV. Phil.-hist. Klasse, XX. Berlin, 1936.
- Wiklund 1896 – Wiklund K.B. Entwurf einer urlappischen Lautlehre. I. // MSFOu. X, 1. Helsingfors, 1896.

Источники и словари

- АСВР III – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. III. М., 1964.
- АСМ – Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 гг. Л., 1988.
- Афанасьев – Афанасьев А.П. Топонимия Республики Коми. Словарь-справочник. Сыктывкар, 1996.

- Герасимов — Герасимов М.К. Словарь уездного череповецкого говора // Сб. ОРЯС. Т. 87, № 3. СПб., 1910.
- Герберштейн — Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908.
- ГСКП — Географический словарь Кольского полуострова. Л., 1939.
- Даль — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. М., 1955.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л., 1950.
- КБЧ — Книга Большому Чертежу. М.-Л., 1950.
- КОЗК — Григорьев С.В., Грицевская Г.Л. Каталог озер Карелии. М.-Л., 1959.
- КРС — Безносилова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. Коми-русский словарь. Сыктывкар, 2000.
- Куликовский — Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- КЭСК — Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.
- Меркурьев — Меркурьев И.С. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.
- МокшРС — Мокшанско-русский словарь. М., 1998.
- МС 1 — Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып. 1 (А-И). Под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург, 2004.
- Подвысоцкий — Подвысоцкий А.О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- ПСРЛ 11 — Полное собрание русских летописей. Т. 11. М., 1965.
- СВЯ — Словарь вепсского языка. Л., 1972.

- СГКЭ I – Сборник грамот Коллегии Экономии. Т. I. Грамоты Двинского уезда. Пб., 1922.
- СГКЭ II – Сборник грамот Коллегии Экономии. Т. II. Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольского, Мезенского и Важского уездов. Л., 1929.
- СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Т. I–III. Екатеринбург, 2001–2005.
- СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–VI. М., 1988–2000.
- СКЯЛ – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Составитель Г.Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.
- СКЯТ – Словарь карельского языка (тверские говоры). Составитель А.В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.
- СМЯ – Словарь марийского языка. Т. 1–10. Йошкар-Ола, 1990–2005.
- СНМ Волог – Список населенных мест по сведениям 1859 года. 1866 VII. Вологодская губерния. СПб., 1866.
- СНМ Вят – Список населенных мест Вятской губернии. X. 1876 СПб., 1876.
- СНМ Карел – Список населенных мест Карельской АССР (По 1935 материалам переписи населения 1933 года). Петрозаводск, 1935.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–39. М.–Л., 1965–2005.
- ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
- УРС – Удмуртско-русский словарь. М., 1983.
- Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1996.
- ЭРЗРС – Эрзянско-русский словарь. М., 1993.

ЭСМЯ 2	– Гордеев Ф.И. Этимологический словарь марийского языка. Т. 2. Йошкар-Ола, 1983.
Collinder	– Collinder B. Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Hamburg, 1977.
ILW	– Itkonen E., Bartens R., Laitinen L. Inarilappisches Wörterbuch. I-IV // LSFU XX. Helsinki, 1986-1991.
KKS	– Itkonen T.I. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. I-II // LSFU XV. Helsinki, 1958.
LS	– Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja // LSFU IX. Helsinki, 1944.
LW	– Lagercrantz E. Lappischer Wortschatz // LSFU VI. Helsinki, 1939.
OTW	– Paasonen H. Ost-Tscheremissisches Wörterbuch // LSFU XI. Helsinki, 1948.
SKES	– Suomen kielen etymologinen sanakirja. I-VII. Helsinki, 1955-1981.
SSA	– Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1-3. Helsinki, 1992-2000.
UEW	– Rédei Károly. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1988-1991.
YS	– Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto // MSFOu. 200. Helsinki, 1989.

Сокращения

Языки и диалекты

арх.	— архангельский
балт.	— балтийский
венг.	— венгерский
вепс.	— вепсский
вод.	— водский
выт.	— вытегорский
доперм.	— допермский
др.-перм.	— древнепермский
др.-рус.	— древнерусский
др.-чув.	— древнечувашский
ижор.	— ижорский
карел.	— карельский
латыш.	— латышский
лив.	— ливский
ливв.	— ливвиковский
литов.	— литовский
люд.	— людиковский
манс.	— мансийский
мар.	— марийский
мар. горн.	— горномарийский
мерян.	— мерянский
мокш.	— мокшанский

морд.	– мордовский
нен.	– ненецкий
об.-угор.	– обско-угорский
общеперм.	– общепермский
олон.	– олонекский
перм.	– пермский
прасаам.	– прасаамский
приб.-фин.	– прибалтийско-финский
раннеприб.-фин.	– раннеприбалтийско-финский
рус.	– русский
саам.	– саамский
саам. норв.	– норвежско-саамский
саам. РС	– древние саамские диалекты РС
саам. швед.	– шведско-саамский
сельк.	– селькупский
сканд.	– скандинавский
слав.	– славянский
тат.	– татарский
твер.	– тверской
тер.	– терский
удм.	– удмуртский
урал.	– уральский
фин.	– финский
фин.-волж.	– финно-волжский
фин.-перм.	– финно-пермский
фин.-угор.	– финно-угорский
хант.	– хантыйский
чув.	– чувашский
эрз.	– эрзянский
эст.	– эстонский

Области и районы

Арх – Архангельская область

Районы

Вель	–	Вельский
Вил	–	Вилегодский
Вин	–	Виноградовский
В-Т	–	Верхнетоемский
Карг	–	Каргопольский
К-Б	–	Красноборский
Кон	–	Коношский
Котл	–	Котласский
Лен	–	Ленский
Леш	–	Лешуконский
Мез	–	Мезенский
Нянд	–	Няндомский
Он	–	Онежский
Пин	–	Пинежский
Плес	–	Плесецкий
Прим	–	Приморский
Уст	–	Устьянский
Холм	–	Холмогорский
Шенк	–	Шенкурский
Влг	–	Вологодская область

Районы

Баб	–	Бабаевский
Бабуш	–	Бабушкинский
Бел	–	Белозерский
Вашк	–	Вашкинский
В-Важ	–	Верховажский
Влгд	–	Вологодский
Вож	–	Вожегодский
В-Уст	–	Великоустюгский
Выт	–	Вытегорский
Гряз	–	Грязовецкий
Кад	–	Кадуйский

К-Г	–	Кичменгско-Городецкий
Кир	–	Кирилловский
М-Реч	–	Междуреченский
Ник	–	Никольский
Нюкс	–	Нюксенский
Сок	–	Сокольский
Сямж	–	Сямженский
Тарн	–	Тарногский
Тот	–	Тотемский
У-Куб	–	Усть-Кубинский
Хар	–	Харовский
Череп	–	Череповецкий
Шексн	–	Шекснинский
Карелия	–	Республика Карелия
		Районы
Белом	–	Беломорский
Олон	–	Олонецкий
Пудож	–	Пудожский
Киров	–	Кировская область
		Районы
В-Шиж	–	Верхошижемский
Дар	–	Даровский
Луз	–	Лузский
Опар	–	Опаринский
Подос	–	Подосиновский
Шаб	–	Шабалинский
Коми	–	Республика Коми
		Районы
Прилуз	–	Прилузский
Удор	–	Удорский
Костр	–	Костромская область

Районы

Буй	–	Буйский
Вох	–	Вохомский
Галич	–	Галичский
Кол	–	Кологривский
Мант	–	Мантуровский
Меж	–	Межевский
Ней	–	Нейский
Окт	–	Октябрьский
Пав	–	Павинский
Парф	–	Парфеньевский
Поназ	–	Поназыревский
Пыщ	–	Пыщугский
Солиг	–	Солигаличский
Чухл	–	Чухломский
Шар	–	Шарьинский
Мурм	–	Мурманская область

Районы

Лов	–	Ловозерский
Печенг	–	Печенгский
Терск	–	Терский

Прочие

Влад	–	Владимирская область
Ненец	–	Ненецкий автономный округ

Губернии и уезды

Арх. г.	–	Архангельская губерния
---------	---	------------------------

Уезды

Онеж. у.	–	Онежский
Пин. у.	–	Пинежский
Холм. у.	–	Холмогорский
Шенк. у.	–	Шенкурский

Волог. г. – Вологодская губерния

Уезды

Вель. у. – Вельский

Кадн. у. – Кадниковский

Ник. у. – Никольский

Тотем. у. – Тотемский

Устюж. у. – Устюжский

Вят. г. – Вятская губерния

Уезды

Котел. у. – Котельничский

Нол. у. – Нолинский

Орл. у. – Орловский

Костр. г. – Костромская губерния

Уезды

Кинеш. у. – Кинешемский

Колог. у. – Кологривский

Новг. г. – Новгородская губерния

Уезды

Валд. у. – Валдайский

Тихвин. у. – Тихвинский

Череп. у. – Череповецкий

Олон. г. – Олонецкая губерния

Уезды

Карг. у. – Каргопольский

Прочие

Влад. г. – Владимирская губерния

Уфим. г. – Уфимская губерния

Географические термины

басс. – бассейн

бол. – болото

вдхр.	— водохранилище
гор.	— город
д.	— деревня
дд.	— деревни
оз.	— озеро
р.	— река
рр.	— реки
руч.	— ручей
рч.	— речка
с.	— село
ур.	— урочище
хут.	— хутор

Прочие

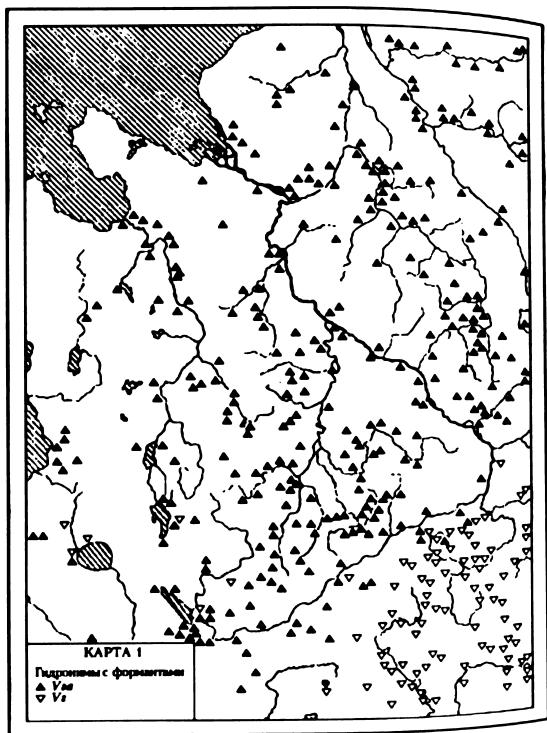
быв.	— бывший
ВОМ	— Волго-Окское междуречье
вост.	— восточный
диал.	— диалектный
ед.	— единственное число
зап.	— западный
ИМЗ	— исторические мерянские земли
лев.	— левый
мн.	— множественное число
поэт.	— поэтическое
прав.	— правый
род.	— родительный падеж
РС	— Русский Север
сев.	— северный
СТРС	— субстратная топонимия Русского Севера
субстр.	— субстратный
ТЭ	— Топонимическая экспедиция Уральского государственного университета (Екатеринбург)
уменьш.	— уменьшительное

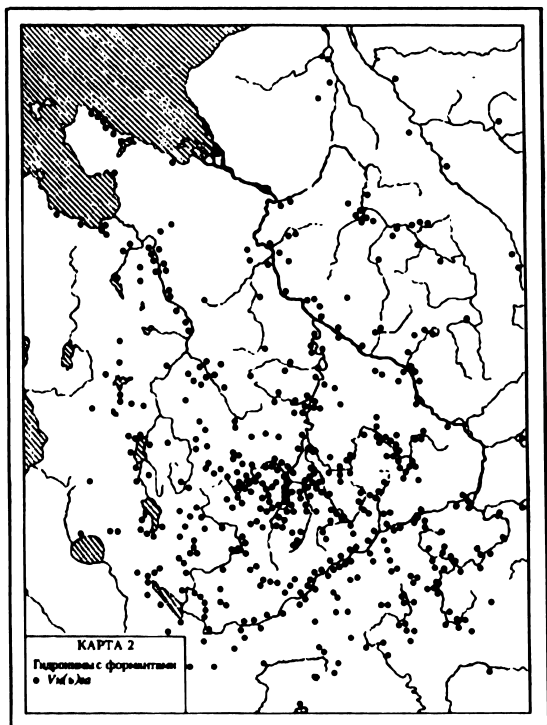
уменьш.- — уменьшительно-ласкательное
ласк.
юж. — южный

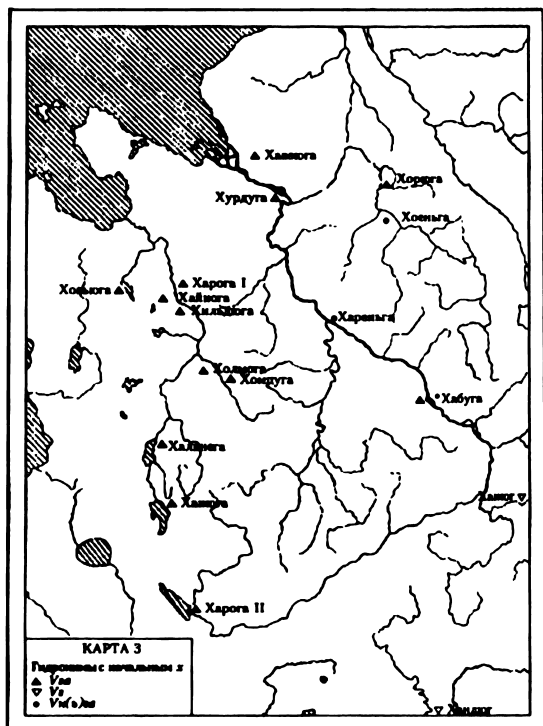
Карты

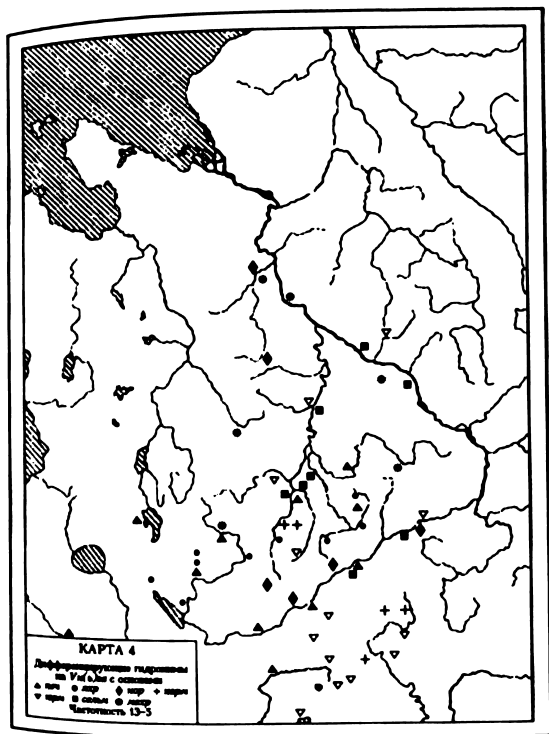
Перечень карт

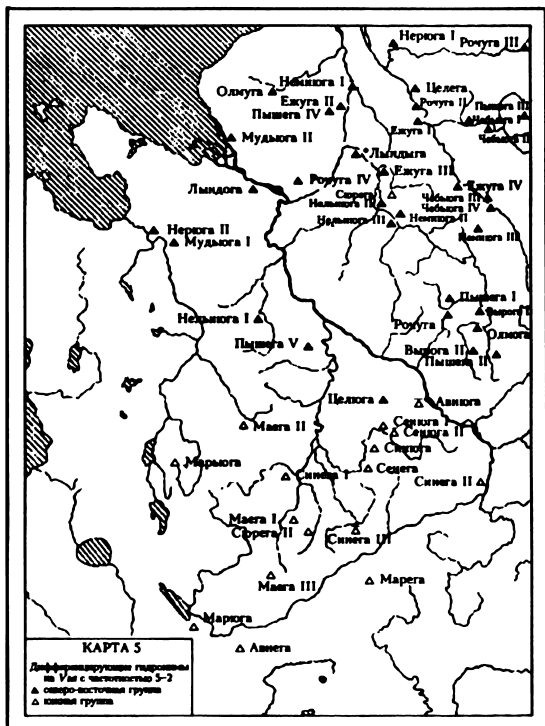
1. Гидронимы с формантами Vga , Vz
2. Гидронимы с формантом $Vn(b)ga$
3. Гидронимы с начальным x
4. Дифференцирующие гидронимы на $Vn(b)ga$ с основами *печ*, *юрм*, *яхр*, *сельм*, *нор*, *мехр*, *корм*
5. Дифференцирующие гидронимы на Vga с частотностью 5-2
6. Коррелятивные частотные гидронимы с формантами Vga , $Vn(b)ga$
7. Гидронимы с основами *бохт*, *вохт*, *охт*, *ухт* ($> уфт$)
8. Топонимы с основой *сям*

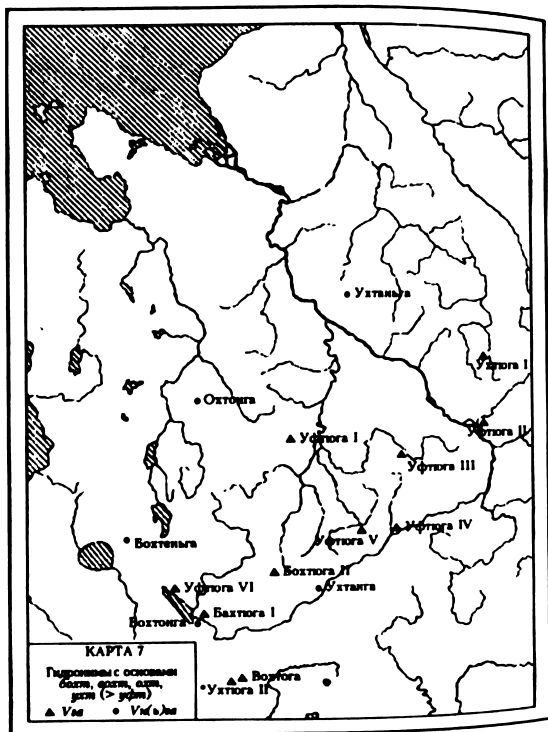

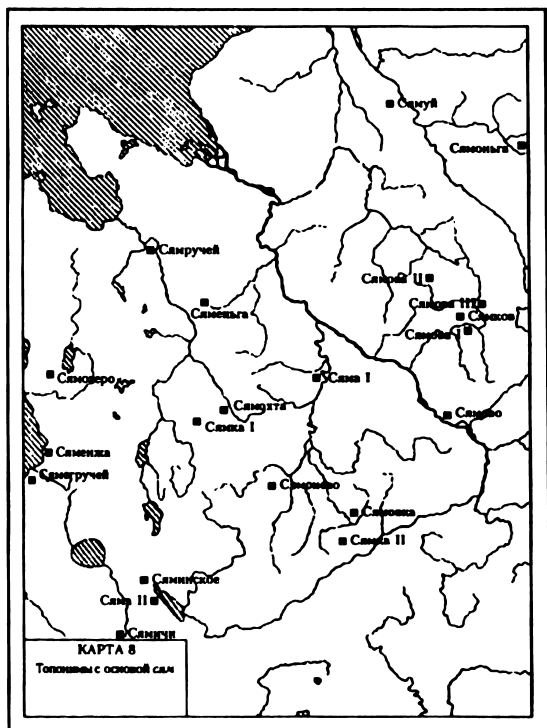

Указатель топонимов

А

Авдюга, 55, 186, 188
Авженьга, 55, 193
Авнега, 32, 56, 186, 245
Авнежка, 56
Авнига, 56
Авнюга, 32, 56, 186, 245
Авнюжка, 56
Авреньга, 166
Авреньозеро, 166
Авриньга, 166
Азенга, 56
Азеньга, 56
Азиньга, 56
Акан, 17
**Аканозеро*, 17
Альденьга, 42
Амнега, 56
Анданга, 31, 33, 245
Анданга I, 56
Анданга II, 56
Анданга III, 56
Андобой, 245
Андога, 31, 56, 184
Андюга, 31, 56
Анега, 30
Анюг, 30

Асьюга, 72
Ачуг, 57, 173
Ащуга, 183

Б

Бабик, 61
Белая Гора, 59
Берденьга, 63
Болотница, 111
Большая Нореньга, 110
Большая Сельменьга, 135
Большое Яреньгское, 166
Большое Яхреньгское, 167
Большой Шелюг, 158
Борки, 106
Боровая Шохра, 106
Бохтеньга, 31, 57
Бохтиньга, 57
Бохтюга, 31, 58, 185
Бохтюга I, 57, 58
Бохтюга II, 57

В

Вавка, 64
Вавйок, 64
Вавчуга, 46, 59, 64
Вавчугская, 59

Вавчугское, 59
Ваеньга, 33, 42
Важеньга, 31, 60
Важуг, 60
Важуга, 31, 60
Вайманьга, 31, 60, 170
Вайменга, 60
Вайменьга, 60
Вайминьга, 60
Ваймога, 31, 60, 61, 185
Ваймуга, 31, 60, 61, 185
Вама, 20
Ваманга, 20, 61, 193, 196, 244
Вамшереньга, 20, 61
Вамьш, 244
Варага, 62
Вареньга, 31
Вареньга I, 62
Вареньга II, 62
Варзеньга, 29, 31, 61
Варзиньга, 61
Варзокса, 244
Варзуга, 29, 31, 48, 104
Варзуга I, 61
Варзуга II, 61
Варзуга III, 61
Варога, 31, 62
Ватега, 62
Вахтанга, 33
Вачуг, 62
Вежого, 62
Вежуга, 62
Вёкса, 63
Векшеньга, 38, 62, 63
Векшиньга, 62
Венюга, 48
Верденьга, 33
Верденьга I, 63
Верденьга II, 63
Верденьга III, 63
Верегжа, 233

Верекса, 234
Верзеньга, 63
Верхний Рюндюг, 133
Верхняя Квахтюга, 80
Верхняя Позера, 148
Верхняя Угзеньга, 148
Верюг, 30
Верюга, 30
Ветлужская Анданга, 56
Вешеньга, 21
Вижега, 63, 67
Визин, 23
Визин ю, 23
Визинга, 23
Вилега, 63
Виленга, 22, 23, 31, 63
Виленка, 22
Виленьга, 63
Вилига, 63
Вильное, 22
Вилюга, 31, 63
Вирюга, 64
Вичуга, 64
Вовданга, 64, 193, 196, 241
Вовнас, 64
Вовнега, 60, 64
Вовнюга, 64, 186
Вожега, 65
Возюг, 65, 174
Войдуга, 65, 185
Войманга, 31
Войманга I, 65
Войманга II, 65
Войманга III, 65
Войманга IV, 65
Войменьга, 65
Воймуга, 31, 65, 185
Воланга, 66
Волманга, 38, 41
Волога, 31, 66
Волонга, 31, 66, 193, 196

Волонга I, 66
 Волонга II, 66
 Волохтома, 66
 Волохтомка, 58, 66
 Волоцкое, 58
 Волюга, 31, 66
 Вонданга, 66
 Вонданка, 66
 Вондога, 67
 Вондомга, 66
 Вондомка, 66
 Вондонга, 33, 67, 193, 244
 Вондонга I, 66
 Вондонга II, 66
 Вондонка, 66
 Вондух, 67
 Вондыш, 244
 Вондюх, 67
 Вондюха, 67
 Вонжуга, 67, 184, 188
 Вонзур, 178
 *Вонсур, 178
 Воньжуга, 67
 Вортюга, 67, 188
 Ворчуга, 67
 Вохтеньга, 57
 Вохтога, 31, 57, 58, 185
 Вохтома, 58
 Вохтонга, 31, 57, 58
 Вохтюга, 57, 185
 Вочанга, 67
 Воченга, 67, 193, 241
 Вочинга, 67
 Выжига, 67
 Выжога, 67
 Вырага, 68
 Вырманга, 68
 Вырманьга, 68
 Вырмоньга, 68, 170, 193, 226
 Вырога, 32, 170, 185
 Вырога I, 68

Вырога II, 68
 Вырьюга, 68
 Высокое, 133
 Вышега, 68, 183, 185
 Выя, 68

Г

Гагарий, 147
 Гагарье, 147
 Гагарьевское, 147
 Гора, 60
 Горка, 60, 135
 Городище, 61, 140
 Грязная, 118
 Гузеньга, 90

Д

Двуреченск, 81
 Двуречье, 80
 Деньга, 71
 Дубна, 122

Е

Евлюга, 22, 69
 Евреньга, 167
 Еврюг, 68, 69, 75, 94, 172, 174, 180
 Еврюга, 75
 Евьюга, 69
 Евьегга, 69
 Евьюга, 69
 Ёга, 75
 Егреньга, 167
 Егреньгские, 167
 Егриньга, 167
 Еденьга, 33, 70, 71, 193
 Еденьга I, 69, 70
 Еденьга II, 69, 70, 121
 Едьма, 70, 121

Еега, 76
Ёжсга, 71
Ёжсга, 71
Ежуга, 72
Ёжуга, 32, 75, 76, 183
Ёжуга I, 71
Ёжуга II, 71
Ёжуга III, 71
Ёжуга IV, 71
Елема, 244
Еленьга, 31, 244
Еленьга I, 72
Еленьга II, 72
Ёлманьга, 10
Елюга, 31, 73, 77, 244
Елюга I, 72
Елюга II, 72
Елюга III, 72
Елюга IV, 72
Елюга V, 72
Еменьга, 33, 73, 74
Еменьга I, 73, 74
Еменьга II, 73, 74
Еменьга III, 73
**Еменьга*, 73, 75
Емчуга, 38, 184
Енанга, 31, 41, 74
Енга, 10
Ендюга, 74, 188
Енега, 31, 74
Еньдюга, 74
Ереньга, 31, 75, 167
Ёрмала, 75
Ёрманьга, 75
Ёрмоньга, 33, 38, 73
Ёрмоньга I, 75
Ёрмоньга II, 75
Ёриуг, 30, 39, 176
Ёриуга, 30, 39, 183
Ерюга, 31, 75
Етчуга, 46, 75

Ехреньга, 166, 167
Ечуга, 46, 75
Еюг, 30, 76
Еюга, 30, 76

Ж

Жемчужный, 79

З

Заболотье, 74
Залебедка, 204
Запольская Меленга, 23
Зырянская Ёжуга, 71

И

Иденьга, 22, 69, 70, 121
Идьма, 70, 121
Иженьга, 31, 76
**Ижого*, 31, 76, 184
Ижозозеро, 76
Ижожка, 76
Избушка, 125
Избяной, 125
Изовёчье, 104
Изови́ца, 104
Изюга, 76, 89, 184
Икса, 63
Иксомга, 65
Икша, 63
Илакса, 77
Иланга, 20, 76, 148
Илас, 77
Илекса, 77
Илессга, 77
Илесига, 77
Илеша, 72
Илисига, 77, 82, 93, 148, 183
Илюкса, 77
Илос, 77

Ильвама, 20
Ильчуга, 38, 46, 183
Иманга, 22
Имзюг, 40, 77
Ингирь, 232
Ичуг, 57, 78, 174

К

Каксур, 178
Калманьга, 78, 193
Калменьга, 78
Калчуг, 40, 78, 241
Калюг, 79, 173
Камчуга, 46, 183
Кастюга, 79, 185
Касуг, 79, 80, 173, 174, 176, 179
Катленьга, 21
Катчуг, 80
Качозеро, 211
Качуг, 32, 79
Качуг I, 80
Качуг II, 80
Качуг III, 80
Качуг IV, 80
Каюг, 80, 173, 174
Каюжок, 80
Квахтюга, 80, 188, 190, 191
Кекосарь, 178
Кера, 65
Кестеньга, 11
Кибол, 81
Кивг, 82
Кидекша, 81
Кидюга, 81
Киега, 82
Киеньга, 30, 82
Кильченьга, 39, 41
Кименьга, 81
Кимленская Янга, 21
Кимленский, 21
Кимленьга, 21

**Кимьянга*, 21
Киндога, 81
Кинжуга, 81, 184, 188
Киперлюга, 13, 81, 171, 187
Китшеньга, 38, 41
Кирчуга, 38, 46, 183
Кирюг, 30, 82, 174
Кiryoga, 30, 82
Кисига, 93
Кислая Роменьга, 131
Киуг, 82
Кичега, 30, 82, 93
Кичёга, 82
Кичига, 82
Кичиха, 82
Кичменьга, 41, 242
Кичуг, 30, 82, 174
Кичуга, 30, 93
Кичуга I, 82
Кичуга II, 82
Кичуга III, 82
Кичуга IV, 82
Кишиманга, 22
Кишог, 30, 82, 173
Кишюга, 30, 48, 81, 82
Княжа, 151
Княжая, 86
Княже, 151
Кобанга, 83
Ковтанга, 83, 193, 196
Коглюга, 83, 89
Коенга, 83
Коеньга, 83
Козланга, 84, 193
Козланка, 84
Козлонга, 84
Козлоньга, 84
Козлонька, 84
Коконег, 17, 84
Кокшеньга, 84, 90, 193
Кокшёнга, 84

Колдюга, 85
Коленьга, 33, 85, 193, 196, 227, 228
Коленьга I, 85
Коленьга II, 85
Колокса, 234
Колокша, 233, 234
Колошка, 233
Колчега, 86
Кольдуга, 85
Кольдюга, 85
Кольчега, 86
Кольчуг, 30, 40, 86, 174
Кольчуга, 30
Конанга, 22, 32, 86
Кононга, 86
Контюг, 36, 86, 174
Конюг, 32, 86, 106, 174
Корбанга, 86, 193, 244
Корбыш, 244
Корманга, 10, 33, 87
Корманга I, 87
Корманга II, 87
Корманга III, 87
Корманьга, 10
Корменьга, 10, 33
Корменьга I, 87
Корменьга II, 87
Корминьга, 87
Корнега, 87
Корнома, 87
Корокса, 233
Кортеванга, 53
Кортемина, 53
Кортюг, 30, 173, 175
Кортюг I, 87
Кортюг II, 87
Кортюг III, 87
Кортюг IV, 87
Кортюга, 30, 53, 88
Кортюга I, 87

Кортюга II, 87
Корчуг, 175
Костанга, 31, 88, 244
Костаньга, 88
Костима, 244
Костюга, 31, 88, 185, 244
Котишеньга, 27
Котлакса, 185, 244
Котлас, 185
Котлыш, 244
Котлюга, 185, 244
Котуга, 88
Кофтанга, 83
Кофтаньга, 83
Кочебой, 245
Коченьга, 89, 245
Кочкомозеро, 209
Коштюга, 88
Кошчуга, 88
Кошуга, 88
Красный Бор, 121
Крестеньга, 22, 23
Куглюга, 89
Куданга, 89
Кудонга, 89
Кузегга, 30, 90, 174, 184, 188
Кузегга I, 89, 211
Кузегга II, 89, 211
**Кузеньга*, 90
Кузеньга, 30, 89, 174, 196
Кузига, 89
Кузюг, 30, 47, 90, 172, 174
Кузюг I, 89
Кузюг II, 89
Кузюг III, 89
Куклюга, 89
Кукозеро, 209
Кукишинга, 90
Кукишиньга, 90, 194
Кулозеро, 85, 209
Кулой, 85, 175, 226, 227, 228

Кулосега, 27, 85, 90, 175, 183,
 186, 187, 191
Кумзева, 91
Кумзюга, 91, 184
Кунданга, 91
Кундонга, 32, 91
Кундюг, 32
**Кургеньга*, 92
Курданга, 91
Курденьга, 32, 41, 92
Курденьга I, 91, 92
Курденьга II, 91, 92
Курденьга III, 91, 92
Курдюг, 32, 92
Куреньга, 92
Курланги, 22
Курманга, 92, 93
**Курнанга*, 93
Курсеньга, 38
Кусега, 90
Кустюга, 185
Кучева, 211
Кушкова, 209
Кырнога, 185
Кырчема, 210, 212
Кысега, 93
Кысига, 77, 82, 93, 183
Кычега, 93
Кярега, 93, 188
Кярженьга, 38

Л

Лавдуг, 93, 94, 173
Лавдуга, 94
Лавнега, 94, 186, 187
Лавнига, 94
Лавреньга, 21
Лайменьга, 22
Ламсуга, 94, 183
Ландех, 179
Ландюг, 94, 179

Лантюг, 36, 94, 174, 176, 179
Лапоньга, 22
Лаптюг, 32
Лаптюг I, 94
Лаптюг II, 94
Лаптюг III, 94
Лапианга, 10
Лаўдуг, 93
Лахтуга, 22
Лахтюг, 176
Лебеньга, 95
Левтюга, 95, 186
Левчуга, 95
Леденга, 95
Леденьга, 33, 193
Леденьга I, 95
Леденьга II, 95
Леденьга III, 95
Леденьга IV, 95
Лёджа, 95
Лединга, 95
Леменга, 96
Леменьга, 33
Леменьга I, 95
Леменьга II, 95
Лендюг, 36, 96, 173, 174
Лесная Печеньга, 121
Либеньга, 96, 193
Лизменьга, 96
Ловзанга, 33
Ловзеньга, 33
Логдуз, 40
Лодрега, 185
**Локтус*, 40
Лондога, 96
**Лондуг*, 30, 36, 97, 172, 174
**Лондуга*, 30, 96, 98, 188, 209
**Лондужка*, 97
Лондушка, 96, 97
Лоти, 48
Лоти ю, 48

Лоптюга, 48
**Лохтус*, 40
Луданга, 97
Лудега, 97
Луденга, 97
Луденьга, 31, 98, 193, 197
Луденьга I, 97
Луденьга II, 97
Луджига, 98
Лудзега, 98
Лудига, 31, 97
Лудиньга, 97
Лудонга, 31, 97, 193
Лудоньга, 97
Лудьзига, 98
Луега, 100
Лужанга, 98
Лужаньга, 98
Лужега, 98
Луженга, 98
Луженка, 98
Луженьга, 31
Луженьга I, 98
Луженьга II, 98
Лужига, 98
Лужуга, 31, 98
Лузига, 98
Лузское, 209, 211
Луига, 100
Луйга, 100
Лунданга, 98
Лунданка, 98
Лундога, 96
Лундонга, 31, 41
Лундонга I, 98
Лундонга II, 98
Лундюга, 31, 97, 98
Луньдюга, 98
**Луплюг*, 99, 177
Лупсарь, 178
Луптега, 30, 98, 99

Луптюг, 30, 177
Луптюг I, 99, 173
Луптюг II, 99
Луптюга, 30, 98
Луптя, 98
Луптяга, 98
Лух, 179
Лухтанга, 100
Лухтонга, 100, 193
Луюга, 100
Лыданга, 97
Лыдонга, 97, 193
Лындого, 32, 100, 184
**Лындыга*, 100, 184
Лындыга, 32, 100
Лындыжский, 100
Люленьга, 101, 193
**Ляменьга*, 95
Ляменьга, 95, 101, 194
Ляминьга, 101

М

Магреньга, 101
Маега, 32
Маега I, 101
Маега II, 101
Маега III, 101
Маймакса, 244
Майманга, 102
Майменга, 102, 194
Майменьга, 102
Маймонга, 102
Маймоньга, 102
Мала, 122
Малая Нореньга, 110
Малая Сельменьга, 135
Маленьга, 102, 193, 244
Малиш, 244
Малое Яхреньгское, 167
Манаксур, 178
Мандрога, 185

Манега, 102
Марденьга, 102, 103, 170
Марега, 32, 103
Марёга, 103
Мартюга, 103
Марьега, 103
Марьюга, 32, 103
Марюга, 32, 103
Масляная, 126
Матеньга, 22
Матюг, 32
Матюг I, 103
Матюг II, 103
Махранга, 101
Махранка, 101
Махраньга, 101
Махрена, 101
Махренга I, 101
Махренга II, 101
Махренка, 101
Махреньга, 33, 101
Махринга, 101
Махронга, 101
Маяга, 101
Мегрега, 9, 14, 15, 33, 48, 104
**Мегренга*, 192
Мегренга, 9
**Мегреньга*, 104, 192
Мегриш, 244
Межа, 104, 106
Меженьга, 21, 103, 105, 106
Меленга, 23
Мельменьга, 108
Мельчуга, 59
Мендюга, 104, 171
Менекша, 233
**Меньга*, 195
Меньдюга, 104
Мехренга, 192
Мехреньга, 14, 15, 25, 33, 101,
 104, 192, 193, 244

Мехрёньга, 101
Мехрёньга I, 104
Мехрёньга II, 104
Мехрёньга III, 104
Мехрёньга IV, 104
Мехрёньга V, 104
Мехрёньга VI, 104
Мечуга, 104, 105, 106, 185
Мильдюг, 105
Мильнюг, 105
Милюг, 105, 174
Миненьга, 109
Мининга, 109
Мининьга, 109
Мирянга, 10
Митинга, 23
Митино, 23
Митюг, 32, 174
Митюг I, 105
Митюг II, 105
Михрёньга, 104
Мичуг, 104, 105, 106, 174, 185
Мокрая, 111
Мологжа, 234
Молокса, 234
Молокша, 234
Морженьга, 33
Морженьга I, 106
Морженьга II, 106
Мостеньга, 23
Мочище, 79
Мста, 13
Муденьга, 22
Мудьёга, 106
Мудьюга, 32, 107
Мудьюга I, 106
Мудьюга II, 106
Муздаемское, 40
Мундюга, 184
Мурболото, 212

Мурденьга, 32, 107
Мурды, 107
Мурдюг, 32, 107, 173
Мурдюга, 107
Мурдюк, 107
Мурлюга, 22
Мур(л)юга, 209
**Мустанем(а)*, 40
**Мустаньга*, 20
Мустозеро, 13
Мустюга, 13, 20, 107, 171, 185

Н

Нарега, 30
Нареньга, 30
Нарчуг, 40
Нарюг, 30
Неленьга, 33, 108
Неленьга I, 108
Неленьга II, 108
Нельменьга, 108, 193, 212, 226
Нельнега, 108
Нельнюга, 32, 108
Нельнюга I, 108
Нельнюга II, 108
Нельнюга III, 108
Немега, 109
Неменга, 109
Неменьга, 109
Немнега, 108
Немнюга, 32, 109, 110, 177
Немнюга I, 108, 109
Немнюга II, 108, 109
Немнюга III, 109
Немсарь, 178
Немчуга, 110
Немьнега, 108
Немьюга, 108, 109
**Нёренъга*, 110
**Нёрменьга*, 111
Нёрмуга, 109, 111, 186

Нернюга, 109
Нерчуга, 59
Нерьюга, 109
**Нёрюг*, 175
Нерюга, 32, 188, 212
Нерюга I, 109
Нерюга II, 109
Нижняя Квахтюга, 80
Нижняя Позера, 148
Никодимка, 152
Нименга, 109
Нименьга, 33, 109, 193
Нименьга I, 109
Нименьга II, 109
Нименьга III, 109
Нименьга IV, 109
Ниминьга, 109
Нимчуг, 36, 40, 110
Нихманьга, 22
Ноздрига, 185
Нойдуга, 110, 170, 185
Норанга, 110
Нореньга, 33, 111, 193
Нореньга I, 110
Нореньга II, 110
Нореньга III, 110
Нореньга IV, 110
Нореньга V, 110, 111
Нореньга VI, 110, 111
Норенька, 110
Норинга, 110
Норменьга, 111, 193
Норозеро, 110
Норонга, 110
**Нылога*, 111, 185
Нылога, 111
Ныложска, 111
Нырьльдюга, 13, 185
Нюзя, 204
Нюкка, 203
Нюкки, 203

Нюкова, 204
Нюкоменъ, 204
Нюксеньга, 111
Нюкчозеро, 223
Нюльнега, 112
Нюльнюга, 112, 204
Нюль(н)юга, 209
Нюнега, 31, 112, 188, 191, 209
Нюненьга, 31, 112, 188, 194, 196
Нюньга, 112
Нюнюга, 112
Нюренга, 32, 112, 180, 194, 196
Нюриха, 204
Нюрова, 204, 212
Нюрюг, 32, 47, 172, 174, 175,
 180
Нюрюг I, 112
Нюрюг II, 112
Нюрюг III, 112
Нюрюга, 113
Нюхвиска, 204
Нюхозеро, 204
Нюхола, 204
Нюхтезеро, 223
Нюхтозеро, 223
Нюхтьозеро, 223
Нюхча, 191, 204
Нюхчалакша, 203, 206
**Нюхчева*, 191
Нюхчева, 191, 204
**Нюхчега*, 191
Нюхчозеро, 203, 204, 209
Нюшемня, 204

О

Овашеньга, 22
Овженьга, 55
Овманга, 22
Озерница, 167
Олмога, 32, 113, 187
Олмуга, 32, 113, 186, 187, 212

Ольшанга, 23
Онега, 9, 113, 240
Онёга, 113
Ордюга, 113, 149
Осиновский, 160
Отуга, 114
Охтонга, 57
Охтюга, 57
Очанга, 114
Оченга, 114, 193
Оченьга, 114
Ошага, 114
Ошега, 31, 68, 114, 183
Ошеньга, 31, 114
Ошинга, 114
Ошиньга, 114
Ошуга, 31, 68, 114, 183

П

Паданга, 32, 114
Паденьга, 32, 114, 115, 117
Падреньга, 115
Падюг, 32, 114
Пажсева, 115
Пажсега, 115
Пажуга, 115
Палега, 31, 115
Паленьга, 31, 116
Паленьга I, 115
Паленьга II, 115
Паленьга III, 115
Паленьга IV, 115
Паленьга V, 115
Паленьга VI, 116
Палуга, 31
Палуга I, 115
Палуга II, 115
Палуга III, 115
Палуга IV, 115
Пананга, 31

Панега, 31
 Паненга, 23
 Панино, 23
 Панога, 31
 Пануга, 31
 Парданьга, 116
 Парденьга, 116
 Пардоньга, 116
 Паренга, 32
 Парюг, 32
 Пачуга, 116
 Пашеньга, 31
 Пашеньга I, 116
 Пашеньга II, 116
 Пашеньга III, 117
 Пашпаденьга, 117
 Пашпа́деньга, 117
 Пашпаньга, 117
 Пашпоньга, 117
 Пашуга, 31, 115, 116
 Педрога, 117
 Педруга, 117, 185
 Пеженга, 117
 Пеженка, 117
 Пеженьга, 31, 116, 121
 Пеженьга I, 117
 Пеженьга II, 117
 Пеженьга III, 117, 118
 Пеженьга IV, 117
 Пеженьга V, 117
 Пежма, 117, 121
 *Пежспарт, 116, 117
 *Пежспорт, 116, 117
 Пежуга, 31
 Пёжуга, 117
 Пёкишеньга, 118
 Пелега, 31, 121, 185
 Пелега I, 118
 Пелега II, 118
 Пеленга, 118
 Пеленга́, 118

Пеленьга, 31, 121, 197
 Пеленьга I, 118
 Пеленьга II, 118
 Пеленьга III, 118
 Пеленьга IV, 118
 Пеленьга V, 118
 Пелюга, 31, 118, 121, 185
 Пендуга, 22
 Пенегга, 122, 185
 Пёнега, 29, 122, 185
 Пенезжска, 122
 Пёнежска, 122
 Пенюга, 119, 170
 Пенюх, 17
 Перденьга, 33, 119, 125
 Перденьга I, 119
 Перденьга II, 119
 Перденьга III, 119
 Перденька, 119
 Пердинга, 119
 Перелаз, 58
 Перечега, 31
 Переченьга, 27, 31
 Пертеньга, 119
 Пёртовский, 125
 Пертома, 119
 Пёртоя, 119
 Пертуга, 30, 119
 Пёртуга, 119, 125
 *Пертюг, 120, 176
 Пертюг, 30, 120, 119, 125, 173
 Перьдинга, 119
 Песчаньга, 23
 *Песъеденьга, 69, 70
 Песья Деньга, 70, 71
 Песья-денга, 70
 Петеньга, 33, 193, 245
 Петеньга I, 120
 Петеньга II, 120
 Петобой, 245
 Петрюг, 120, 176

Печгора, 209
Печегда, 233
Печенгирь, 233
Печень, 121
Печеньга, 33, 197
Печеньга I, 120
Печеньга II, 120
Печеньга III, 120
Печеньга IV, 120
Печеньга V, 120
Печеньга VI, 120
Печеньга VII, 120
Печеньга VIII, 120
Печеньга IX, 120, 121
Печеньга X, 120, 121
Печеньга XI, 120
Печеньга XII, 120
Печеньга XIII, 42, 120, 121
Пешпарт, 116, 117
Пешпорт, 116, 117
Пиздреньга, 22
Пильменьга, 237
Пилюг, 121, 173, 174, 185
Пилюжок, 121
Пиндюга, 22
Пинегга, 9, 29, 30, 31, 122, 185,
227, 240
Пинюг, 29, 30, 31, 106, 122, 172,
173, 174, 179, 185
Пинюг I, 122
**Пинюг II*, 122
Пинюга, 122
Пинюжка, 122
Писенга, 21
Писюга, 183
Пиченьга, 22, 32, 122
Пичуг, 32, 106, 122, 174
Подломка, 152
Подюга, 123
Поенга, 123
Поеньга, 123

Поженьга, 23
Поженька, 23
Поинга, 123
Покша, 195
Покшенга, 9
Покшеньга, 123, 124, 195
Полога, 124
Полуг, 31
Полуга, 31, 124
Польченьга, 39
Полюг, 174
Полюг I, 124
Полюг II, 124
Попьюга, 125, 241
Порданга, 125, 126
Пордонга, 125
Порнога, 125, 188
Порогжа, 234
Портомойка, 71
Портюг, 31, 125, 126, 172
Портюга, 31, 125, 126
Потченьга, 126
Поченга, 31, 128, 193, 196
Поченга I, 126
Поченга II, 126
Почуга, 31, 126, 128, 212
Проливки, 136
Проливки, 136
Пуйдуга, 126, 185, 188, 209, 241
Пукишеньга, 123, 124
Пульченьга, 39
Пундуга, 184
Пуранга, 127
Пуранка, 127
Пурас, 127
Пурдева, 127
Пурдюга, 127, 187
Пурлега, 22
Пуронга, 33, 196
Пуронга I, 127
Пуронга II, 127

Пурсанга, 38
 Пурьева, 127
 Пурьева, 127
 Пустыньга, 23
 Путчега, 46, 127
 Путиага, 127
 Путишега, 127
 Путишога, 127
 Путишега, 127
 Пуфтюга, 127
 Пухтега, 127
 Пухтюга, 127
 Пучага, 127
 Пучега, 31, 46, 126, 127
 Пучега I, 127
 Пучега II, 127
 Пучега III, 127
 Пученьга, 31, 127, 193
 Пучуга, 31, 126, 127
 Пучшега, 127
 Пушанга, 22
 Пушенга Двинская, 124
 Пушенга Пинежская, 124
 Пыженьга, 32, 128
 Пыжуг, 32, 128, 176
 Пыжуга, 128
 Пыльменьга, 170, 237
 Пырнуг, 128, 170, 173
 Пыгуга, 123
 Пышага, 128
 Пышега, 20, 32, 129, 183, 186,
 187, 209, 210
 Пышега I, 128
 Пышега II, 128
 Пышега III, 128, 129
 Пышега IV, 129
 Пышега V, 129
 Пышелохта, 73, 205, 206
 *Пышеньга, 20
 Пышига, 129
 *Пыщуг, 129

Пышога, 129
 Пышозеро, 73
 Пыштюг, 129, 175
 Пышчуг, 129, 175
 Пыщега, 128, 129
 Пыщуг, 129
 Пялосарь, 178
 Пяржуга, 184

Р

Рабанга, 129
 Рабангское, 129
 Рабанка, 129
 Рабаньга, 129, 193
 Рабонга, 129
 Равнега, 130
 Равнига, 130
 Равнюга, 130, 186
 Ракушиха, 79
 Ракушное, 79
 Рамлюга, 130
 Рамнега, 130
 Расклонное, 133
 Ратьменьга, 21
 Реденьга, 23
 Реженьга, 22
 Режиньга, 22
 Ременга, 130
 Ременьга, 130
 Ремлега, 130
 Ремлюга, 130
 Рименьга, 130
 Ровболото, 212
 Роврова, 130
 Роврога, 130, 188, 212
 Родома, 212
 Роженьга, 22
 Розденьга, 130
 Розменьга, 31, 38, 130, 193
 Розмога, 31, 130
 Розьменга, 130

Розьмога, 130
Романга, 131
Романьга, 131
Роменьга, 33
Роменьга I, 131
Роменьга II, 131
Рочуга, 32, 72
Рочуга I, 131, 132
Рочуга II, 131
Рочуга III, 131
Рочуга IV, 131
**Роюг*, 132
Роюжок, 132
Руденьга, 132
Рыстыг, 131, 132, 170, 241
Рюзиньга, 21
Рюндюг, 36, 133, 173

С

Сабраньга, 133
Сабреньга, 33, 245
Сабреньга I, 133
Сабреньга II, 133
Саброньга, 133
Савеньги, 22
Салонга, 96, 133
**Сартјуга*, 185
Сартлюга, 182, 185
Светлая, 64
Свой Ключ, 72
Свой Мох, 72
Своя Рочуга, 72
Себреньга, 133, 134
Северная Цебьюга, 153
Севзеньга, 22
Севнега, 134
Севнюга, 134
Севреньга, 134
Севчуга, 38, 59, 135
Сеенга, 137
Сеиньга, 137

Секчуга, 135
Сельдега, 30, 135
Сельденьга, 30, 135
Сельдюг, 30, 135
Сельменьга, 33, 136, 194, 211
**Сѣльменьга*, 136
Сельменьга I, 135, 136
Сельменьга II, 135
Сельменьга III, 135, 136
Сельменьга IV, 135, 136
Сельменьга V, 135, 136
Сельменьга VI, 135, 136
Сельменьга VII, 135
Сельменьга VIII, 135
Селюга, 138
Семеньга I, 136
Семеньга II, 136
Сѣмжесьга, 33
Семзеньга, 33
Семчуга, 46, 182, 183
Сендуга, 31, 136, 137, 138
Сендюг, 31, 36, 136, 138, 174, 179
Сенегга, 32, 137
Сенная, 100
Сенюга, 32, 182
Сенюга I, 137
Сенюга II, 137
Сердух, 179
Сердуха, 179
Серюга, 182
Сивеньга, 22, 137
Сивчуга, 135
Сивьюг, 137
Сиенга, 137
Сиеньга, 33
Сиеньга I, 137
Сиеньга II, 137
Силеньга, 31, 138, 142
Силюга, 31, 138, 142
Синдош, 138

Синдюг, 36, 137, 138, 173
Синега, 32, 137
Синега I, 138
Синега II, 138
Синега III, 138
Синий, 139
Синий Камень, 138, 139
Синьга, 137
Синьдюг, 138
Синюга, 32, 138, 182
Сиянга, 137
Слободское, 166
Собенная, 72
Совдюг, 139
Совдюга, 139
Совега, 31, 139, 245
Совнюга, 139, 186
Совьюг, 139
Совьег, 139
Совьюг, 31, 139, 245
Согзарь, 178
Соданга, 139
Соданьга, 139
Соденьга, 33, 139
Содонга, 33, 139
Содоньга, 139
Соег, 140
Соееньга, 30, 140
Соига, 140
Сойга, 140
Соймога, 140, 185
Соймуга, 140
Соленый, 134
Солонга, 22, 30, 140, 193
Солонец, 134
Солоник, 134
Солоница, 134
Солоный, 134
Солуг, 30, 140, 174, 179
Солуга, 30, 140
Сондуга, 140

**Союг*, 30, 140, 174
**Союга*, 30, 140, 141
Союга, 140
Спасская Анданга, 56
Спасское, 74
Старая Тотьма, 61
Сужега, 141, 163, 182
Сужога, 141, 163
Суксанга, 141
Суксонга, 141, 163, 193, 196, 212
**Суланга*, 141
Суланга, 141
Суланда, 141
Сулонга, 20, 33, 142, 193
Сулонга I, 141
Сулонга II, 141
Сулонга III, 141
Супеньга, 22
Сура, 230
Сурега, 142
Сусленги, 22
Сьлога, 141, 170, 181
Сюксега, 142
Сюксюга, 142, 182, 183
Сюкчега, 142
Сюнега, 142, 182
Сюрега, 32, 43, 182, 187
Сюрега I, 142
Сюрега II, 142
Сявнега, 22
Сяма, 143
Сяма I, 142
Сяма II, 143
Сямегручей, 143
Сяменжа, 14
Сяменьга, 33, 142
Сямжа, 195
Сямженьга, 195
Сяминское, 143
Сямичи, 143

Сямка, 143
Сямка I, 143
Сямка II, 143
Сямки, 143
Сямков, 143
Сямова I, 143
Сямова II, 143
Сямова III, 143
Сямовка, 143
Сямово, 143
Сямовское, 143
Сямозеро, 143, 144
Сямой, 143
Сямонево, 143
Сямоньга, 33, 142
Сямохта, 143
Сямручей, 143
Сямские, 143
Сямуй, 143
Сямуньга, 142
Сяржега, 184

Т

Тавенга, 144
Тавеньга, 10, 144, 196
Тавреньга, 33
Тавреньга I, 144
Тавреньга II, 144
Таймуга, 145, 185
Талзанга, 38
Тарнога, 145
Тевтеньга, 145
Терменьга, 145, 196
Тефтенга, 145
Титеньга, 145
Тихманьга, 33, 38
Тойма, 230, 235
Томанга, 29, 30, 97, 146, 170, 196
Томанга I, 146
Томанга II, 146

Томанга III, 146
Томаньга, 146
**Томјуг*, 29, 146, 176
**Томјуга*, 29, 146
Томлега, 146
Томлюг, 29, 30, 146, 173, 174, 175, 176
Томлюга, 29, 30, 146
Томнега, 146
Тонёга, 146
Тонига, 146
Тонюга, 146
Торас, 212
Травяное, 99
Тювенга, 147
Тювеньга, 147
Тювенька, 147
Тюденьга, 224
Тюинга, 147
Тюиньга, 147
Тюктеньга, 147, 197
Тюктюньга, 147
Тюленьга, 224
Тюхтеньга, 147
Тюхтюньга, 147

У

Угзеньга, 39, 147, 196
Удрига, 185
Укма, 65
Уленьга I, 148
Уленьга II, 148
Улинга, 148
Улово, 166
Ульдюга, 148
Унельга, 148
Урденьга, 31, 149
Урдюга, 31, 113, 170
Урдюга I, 149
Урдюга II, 149
Урдюжская Виска, 150

Урдюжское, 150
 Урзуга, 184
 Усть-Яреньга, 166
 Утюга, 150
 Уфтюга, 31, 57, 58, 185, 189,
 244
 Уфтюга I, 57
 Уфтюга II, 57
 Уфтюга III, 57
 Уфтюга IV, 57
 Уфтюга V, 57
 Уфтюга VI, 57
 Ухвасж, 189, 244
 Ухтаж, 189, 244
 Ухтанга, 31, 57
 Ухтаньга, 31, 57
 *Ухтваж, 189, 244
 Ухтенга, 57
 Ухтома, 58, 190
 Ухтомица, 58
 Ухтонга, 57
 Ухтоньга, 57
 Ухтохма, 190
 Ухтубуж, 233
 Ухтынгирь, 190, 233
 Ухтыш, 190
 Ухтюга, 31, 57, 185, 189, 244
 Ухтюга I, 57
 *Ухтюга II, 57, 58
 Ухтюжска, 57
 Учозеро, 212
 Учуга, 150

Ф

Филеньга, 22

Х

*Хабуга, 37, 150
 Хабуха, 150
 Хавзюга, 37, 150, 184, 186

Хаенга, 21
 Хайнога, 37, 150, 185, 190
 Халеньга, 151
 Халенюга, 151
 Хальменьга, 22, 151
 Хальнега, 37, 151
 Хальнога, 151
 Хальнюга, 151
 Хамсур, 178
 Хандюг, 36, 151, 173, 176
 Ханева, 151
 Ханега, 152
 Ханёга, 152
 *Хансур, 178
 Ханьга, 152
 Ханюг, 29, 31, 36, 86, 151, 152,
 173, 176
 Ханюга, 29, 31, 37, 151, 152
 Харага, 152
 Хареньга, 31, 37, 151, 152
 Харога, 31
 Харога I, 37, 152
 Харога II, 37, 152
 Хаянга, 21
 Хвоцеватый, 88
 Хвоцевка, 88
 Хильдега, 152
 Хильдюга, 37, 152
 Хиндобой, 138
 Хоеньга, 37, 194
 Хозьюга, 37, 152, 184
 Холм, 60
 Холмога, 37, 153
 Холпуга, 37
 Хорюга, 37, 153
 *Хузеньга, 90
 Хурдога, 153
 Хурдуга, 37, 153

Ц

Царстваньга, 23

Цебега, 153
Цебьюга, 32, 154, 182, 186
Цебьюга I, 153
Цебьюга II, 153
Цебьюга III, 153
Цебьюга IV, 153
Целега, 32, 154, 182
Целюга, 32, 154, 188

Ч

Чаврас, 212, 213
Чача, 74, 212
Чащеньга, 23
Чебега, 153
Чебью, 154
Чебьюга, 153
Чевчуга, 135
Чёжуга, 154, 182
Чекига, 22
Чёлмозеро, 209
Челюга, 154
Череньга, 22
Черная, 118
Черный, 154
Черный Кер, 64
Чехча, 210
Чечегорский, 210
Чёшуга, 154
Чёшьюга, 154
Чёшуга, 154
Чившуга, 154, 183
Чидвия, 159
Чижгора, 212
Чирюг, 155, 175
Чирюга, 155
Чичезеро, 212
Чуга, 60
Чуденьга, 224
Чуга, 155, 182
Чуждега, 22
Чуйшуга, 183

Чукиша, 155
Чукишенга, 155
Чуленьга, 224
Чунегга, 155
Чунога, 22
Чунога, 155, 182
Чупа, 156
Чуплега, 156
Чупы, 156
Чуронга, 31, 156, 193
Чурьегга, 31, 156
Чух(ч)лохта, 205
Чухча, 191, 212
Чучега, 157
Чучёга, 157
Чученга, 157

Ш

Шабанга, 33, 157, 160
Шабеньга, 33, 157, 160
Шабоньга, 33, 157, 160
Шавеньга, 157
Шавчуга, 157
Шавшуга, 157, 183, 188
Шадреньга, 33, 158
Шадреньга I, 158
Шадреньга II, 158
Шадреньга III, 158
Шадреньга IV, 158
Шадрома, 158
Шайменьга, 21
Шаменьги, 22
Шарда, 158
**Шарденьга*, 158
Шарденьга, 41, 158, 193, 194,
197
Шардозеро, 158
Шардома, 158
Шаренга, 10
Шарженьга, 33, 38, 41, 242
Шартюг, 175, 179

Шарчуг, 175
Шачебол, 233
Шачингирь, 233
Шевчуга, 135
Шеленга, 9, 160
Шелюг, 32, 159, 160, 179, 185
Шелюг I, 158
Шелюг II, 158
Шелюг III, 158
Шенчуга, 32, 182, 184
Шеньга, 195
Шепшеньга, 33
Шереньга, 20, 33
Шершеньга, 22
Шечуг, 185
Шидра, 159
Шидреньги, 21
Шидрога, 159, 185
Шидры, 159
Шидьга, 53, 159, 182, 186, 190,
210
Шилега, 31, 158, 159, 182, 185,
187
Шилёга, 159
Шилега I, 159
Шилега II, 159
Шилега III, 159
Шиленга, 159
Шиленьга, 31, 193
Шиленьга I, 159
Шиленьга II, 159
Шиленьга III, 159
Шиленьга IV, 159
Шиленьга V, 159
Шиленьга VI, 159
Шилинга, 159
Шильдега, 159
Шильега, 159
Шилюга, 159
Шименьга, 160
Шиндола, 138

Ширенга, 10
Шиченьга, 31
Шичуга, 31, 189
Шобанга, 160, 193
Шобаньга, 160
Шовенга, 160
Шовеньга, 160
Шовинга, 160
Шовиньга, 160
Шоенга, 160
Шоеньга, 160
Шоинга, 160
Шоиньга, 160, 162, 193
Шорега, 31, 161
Шореньга, 31, 161
Шориньга, 161
Шорманга, 161
Шортанга, 32, 161
Шортюг, 32, 161, 162, 172
Шубаней, 162
Шубач, 162
Шублега, 162, 182, 186, 187, 190
Шублецкий, 162
Шублохта, 205
Шублюг, 162, 176
Шубозеро, 210
Шубот, 162
Шубрюг, 162, 174, 175
**Шубьега*, 31, 162
**Шубьюг*, 31, 162
**Шубјуг*, 176
Шувнюга, 139
Шуеньга, 161, 162
Шужега, 163, 182, 184
Шуинга, 162
Шукшеньга, 141, 163, 193
Шулега, 163
Шунегга, 31, 163, 182
Шуненга, 31, 163
Шухтаньга, 237
Шушега, 163

Ю

Юг, 230, 239, 242
Юга, 75, 239
Югзеньга, 39, 163
Юдуга, 22
Южная Цебьюга, 153
Юмболото, 164
Юменьга, 33, 75, 193, 197
Юменьга I, 164
Юменьга II, 164
Юмзеньга, 38
Юминьга, 164
Юмозеро, 164
Юреньга, 31, 164
Юрлюга, 164
Юрманга, 33, 73, 75, 165, 193, 244
Юрманга I, 164
Юрманга II, 164
Юрманга III, 164
Юрманга IV, 165
Юрманга V, 165
Юрманга VI, 165
Юрманга VII, 165
Юрманка, 33, 165
Юрманка I, 165
Юрманка II, 165
Юрманьга, 33, 164, 165
Юрменьга, 33, 165
Юрминьга, 33, 165
Юрмола, 75
Юрмонга, 164
Юрмыш, 244
**Юрьюга*, 31, 164
Ютега, 165
Ютьега, 165

Я

Явраньга, 166

Явреньга, 166
Явроньга, 33, 166, 192, 193, 210, 236
Явроньга I, 165
Явроньга II, 166
Явроньга III, 166
Явроньга IV, 166
Ягренга, 167, 192
**Ягреньга*, 104, 192
Ягрыш, 68, 244
Якшианга, 41
Ялега, 166
Ялига, 166
Ямская, 128
Янга, 10
Ярваньга, 165
Ярвеньга, 165
Ярвонга, 165
Ярвоньга, 165
Ярвоньгское, 165
Ярега, 166
Яренга, 166
Яреньга, 33, 192, 193
Яреньга I, 166
Яреньга II, 166
Ярманьга, 165
Яхреньга, 33, 68, 104, 166, 180, 192, 244
Яхреньга I, 166
Яхреньга II, 166, 167
Яхреньга III, 167
Яхреньга IV, 167
Яхреньга V, 167
Яхреньга VI, 167
Яхреньга VII, 167
Яхреньга VIII, 167
Яхреньга IX, 167
Яхреньга X, 167
Яхреньгское, 167

Научное издание

Матвеев Александр Константинович

СУБСТРАТНАЯ ТОПОНИМИЯ
РУССКОГО СЕВЕРА
III

Оригинал-макет
Оформление карт

Е. С. Николаева
Л.А. Феоктистова

Подписано в печать

Формат 60 x 84 ¹/₁₆

Бумага ВХИ. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 12,46. Усл.-печ. л. 17,2. Тираж 200 экз. Заказ 49

Издательство Уральского университета.
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ».
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.